

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

TOM 7 № 1
2023

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 4109;
+7(3842)55-87-61; jjuredu@yandex.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 94232.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Editorial Office Address: off. 4109, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; jjuredu@yandex.ru

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор (КемГУ)
Irina S. Morozova, Editor-in-Chief
ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора по направлению «Право» (КемГУ)
Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction of Law
egortrezubov@mail.ru

Печёнкина Екатерина Андреевна, ответственный секретарь
Ekaterina A. Pechenkina, Executive Secretary
jjuredu@yandex.ru

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск,
Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.),
Prof., Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof., Moscow
Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altay State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof., The Institute
of State and Law of The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).

Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law),
Ass. Prof., Ural State Law University (Ekatarinburg,
Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).

Anatoliy A. Vergyayev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар, Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof., Kuban
State Technological University (Krasnodar, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci.
(Law), Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.),
Ass. Prof., Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo,
Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ (Великий Новгород,
Россия).

Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod,
Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд
Кемеровской области (Кемерово, Россия).

Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration
court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста
России) (Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
All Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).
Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Ляскоуска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет
(UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof.,
University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).
Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical
University (Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).

Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Россинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).

Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Institute of State and Law, Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).

Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).

Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof., Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).

Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).

Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo,
Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).

Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).

Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Moscow
Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Яшук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

Литературные редакторы – Е. А. Печёнкина, Л. С. Старикова.

Корректор – Л. С. Старикова.

Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.

Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editors – E. A. Pechenkina, L. S. Starikova.

Proof-reader – L. S. Starikova.

Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.

Layout and design – N. V. Mitko.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)

Москва-Кемерово, 14-15 октября 2022 года

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию первый выпуск журнала «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» за 2023 год. В этом номере опубликованы десять статей, представленных участниками прошедшей 14–15 октября 2022 года международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Организаторами конференции выступили Институт государства и права Российской академии наук, Ассоциация юридических вузов, Межславянская Академия наук, образования, искусств и культуры, а также Юридический институт Кемеровского государственного университета. Прошло мероприятие одновременно на двух площадках – в Москве на базе ИГП РАН и в Кемерово на базе Юридического института КемГУ.

Тематика конференции, хоть и кажется узкой, объединяющей только теоретиков и историков права и политологов, но на деле затрагивает все без исключения сферы гуманитарных исследований и чрезвычайно злободневна. Цивилизационный подход, применяемый в работах Н. Я. Данилевского, сегодня вполне вписывается и в актуальные отраслевые исследования в сфере цивилистики и цивилистического процесса, уголовного материального и процессуального права, конституционного и административного права. Методология и особенность восприятия права, государства и общественных отношений через призму цивилизации стали причиной столь широкой тематики представленных в настоящем выпуске статей. Участниками конференции в своих докладах убедительно доказано, что любой правовой институт может появиться и развиваться в правовом

Бабурин С. Н., д-р юрид. наук, проф. Института государства и права РАН.

Величко А. М., д-р юрид. наук, проф. кафедры международного права КемГУ, Заслуженный юрист Российской Федерации.

пространстве лишь тогда, когда он не будет противоречить базовым культурным потребностям общества. Отечественная культурная и историческая традиция не раз демонстрировала проблемы слепого имплементирования чуждых конструктов, поэтому применение цивилизационных подходов в развитии права, безусловно, является очень важным.

В данном номере в рамках конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)» представлены статьи следующих авторов: Р. В. Бегунович, О. В. Бирюкова, Е. О. Гаврилов, С. О. Гаврилов, А. М. Величко, О. Ю. Винниченко, А. В. Гаврилова, В. Н. Казьмин, Ю. В. Ким, А. Н. Кукарцева, В. Б. Паничкин, А. Р. Шайхутдинова.

Помимо материалов текущего выпуска, в третьем выпуске настоящего журнала за 2022 год была опубликована статья профессора С. Н. Бабурина на тему «Государственно-правовой смысл Всеславянского союза при современном цивилизационном кризисе (к 200-летию Н. Я. Данилевского)», ставшая основой для пленарного выступления Сергея Николаевича на указанной конференции.

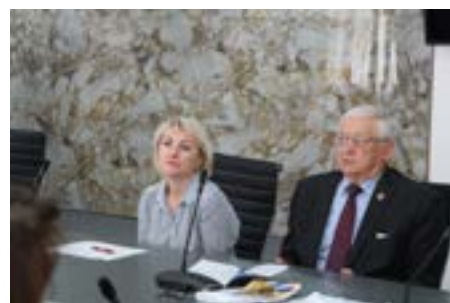
Надеемся, представленный разнонаправленный, но чрезвычайно актуальный материал заинтересует читателей и послужит поводом для научных дискуссий!

С наилучшими пожеланиями,
 Заместитель главного редактора по направлению Юриспруденция, канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса
 Трезубов Егор Сергеевич

Ким Ю. В., д-р юрид. наук, проф. кафедры государственного и административного права КемГУ.
Балаян Э. Ю., канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ.

Гаврилова А. В., канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права КемГУ.
Волков Н. А., канд. филос. наук, доцент.

Паничкин В. Б., канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права КемГУ.
Кононов К. А., канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

Ким О. В., канд. истор. наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КемГУ.

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Развитие критического мышления студентов в процессе обучения пониманию методологических текстов

Борзова Т.В., Калугина Н.А., Сандакова Е.Н., Каменева-Любавская Е.Н. 1

Характеристики свойств внимания у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте

Цигичко Е.А., Криворучко М.О. 8

ПЕДАГОГИКА

Коррекционная педагогика

Технологии обучения деловому английскому языку студентов с нарушениями зрения

Градалева Е.А. 14

Методология и технология профессионального образования

Этнокультура в системе духовно-нравственного воспитания

Закирьянова И.А., Михайлова А.Г. 21

Теория и методика обучения и воспитания

Формирование soft skills посредством применения дидактических игр

с цифровыми компонентами на ступени общего образования

Петлина Е.М., Зверева А.Г., Корчак К.И. 30

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Перспективы развития государства в XXI веке

Гаврилов Е. О. 37

Конституционно-правовые ценности либерализма и консервативная политическая традиция: диалектика конкурирующих парадигм

Ким Ю. В. 46

Теоретико-исторические правовые науки

Право на образование в Конституциях ГДР и СССР

Бегунович Р. В. 54

Народное участие в правосудии: на примере шеффенского суда и суда присяжных

Бирюкова О. В. 59

Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. и завершение формирования процессов советской государственности

Гаврилов С. О., Величко А. М., Винниченко О. Ю. 66

Народное участие в правосудии в современных славянских государствах

Гаврилова А. В. 74

Правовая и политическая реформы и изменения в Конституциях СССР и РСФСР периода перестройки (1985 – начало 1990-х гг.)

Казьмин В. Н. 80

Правовая иконография и иконографический (иконологический) метод в правовых исследованиях

Лонская С. В., Пономарева В. В. 87

Подготовка и принятие Судебных уставов 1864 г.: основания реформы и источники

Шайхутдинова А. Р. 94

Уголовно-правовые науки

Содержание общественно опасных последствий преступного деяния

Гаг И. А. 102

Частно-правовые (цивилистические) науки

Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в Российской Федерации

Кукарцева А. Н. 112

Проявление культурно-исторических типов в институтах наследования: сравнительно-правовой анализ

Паничкин В. Б. 119

COGNITIVE SCIENCES
Interdisciplinary Cognitive Studies

Developing the Critical Thinking in University Students while Teaching them Methodological Reading Comprehension

Borzova T. V., Kalugina N. A., Sandakova E. N., Kameneva-Lubavskaia E. N. 1

Attention Span in Preteen Boys and Girls

Tsigichko E. A., Krivoruchko M. O. 8

PEDAGOGY
Correctional Pedagogy

Study Materials for Teaching Business English to Visually-Impaired Students

Gradaleva E. A. 14

Methodology and Technology of University Education

Ethnoculture in the system of spiritual and moral education

Zakiryanova I. A., Mikhailova A. G. 21

Theory and Methodology of Education and Upbringing

Developing Soft Skills through Digital Didactic Games at the Stage of General Education

Petlina E. M., Zvereva L. G., Korchak K. I. 30

LAW
Public and State Law

Scenarios of State Development in the XXI Century

Gavrilov E. O. 37

 Constitutional and Legal Values of Liberalism and Conservative Political Tradition:
 Dialectics of Conflicting Paradigms

Kim Yu. V. 46

Theoretical and Historical Legal Sciences

Education Rights in the Constitutions in the Soviet Union and the German Democratic Republic

Begunovich R. V. 54

Lay Participation: Schöffengericht Courts and Jury Trials

Biryukova O. V. 59

Constitutional Reform in the Second Half of the 1930s: Completing the Soviet Nation-Building Processes

Gavrilov S. O., Velichko A. M., Vinnichenko O. Yu. 66

Lay Participation in Modern Slavic States

Gavrilova A. V. 74

 Legal and Political Reforms and Amendments to the Constitutions of the USSR and the RSFSR during
 the Perestroika (1985 – Early 1990s)

Kazmin V. N. 80

Legal Iconography and Iconographic (Iconological) Method in Legal Studies

Lonskaya S. V., Ponomareva V. V. 87

Preparing and Issuing the Judicial Statutes of 1864: Foundations of the Reform and Sources

Shaykhutdinova A. R. 94

Criminal Law

Content of Socially Dangerous Consequences of a Criminal Act

Gaag I. A. 102

Private and Civil Law

The Impact of Digitalization on the Exercise of Judicial Power in the Russian Federation

Kukartseva A. N. 112

Culture, History, and Inheritance Law: a Comparative Legal Analysis

Panichkin V. B. 119

оригинальная статья

Развитие критического мышления студентов в процессе обучения пониманию методологических текстов

Борзова Татьяна Владимировна

Тихоокеанский государственный университет, Россия, Хабаровск

<https://orcid.org/0000-0002-3237-159X>

borzova_tatiana@mail.ru

Калугина Наталья Андреевна

Дальневосточный федеральный университет, Россия, Владивосток

<https://orcid.org/0000-0001-5782-5626>

Сандакова Елена Николаевна

Хабаровский краевой институт развития образования, Россия, Хабаровск

<https://orcid.org/0000-0003-3507-2736>

Каменева-Любавская Евгения Николаевна

Дальневосточный государственный медицинский университет,

Россия, Хабаровск

<https://orcid.org/0000-0002-9446-4011>

Поступила 20.12.2022. Принята после рецензирования 09.01.2023. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Цель – выявить психологические основания развития критического мышления в ходе обучения студентов пониманию. В исследовании приняли участие 57 студентов Тихоокеанского государственного университета. При осуществлении специально организованной деятельности, направленной на развитие понимания, применялись следующие способы работы с методологическим текстом: определение доминирующей темы текста, составление вторичного текста, составление синквейна, готовность формулировать гипотезы при их отсутствии в научном тексте, проекция на образовательный процесс. Раскрыта особая роль субъектного подхода, сделан акцент на психологические основы обучения пониманию, среди которых принципы обучения, способы понимания, разработанные нами специальные приемы, направленные на развитие критического мышления обучающихся с целью понимания методологических текстов. В границах принципа порождения обновленного смысла и отношения фиксируется необходимость изменений традиционных подходов становления критического мышления. Принцип познавательного «упорядочивания» явлений и событий позволяет структурировать имеющиеся знания, на их основе определять собственные модели поведения с окружающими людьми. Принцип субъектности ориентирован на установление качественных и продуктивных взаимоотношений между педагогом и студентом. Представлены показатели развития критического мышления, по которым можно судить о развитии понимания в обучении. Статистическая обработка результатов исследования показала положительную динамику развития критического мышления в процессе обучения студентов пониманию на основе анализа методологических текстов.

Ключевые слова: психология обучения, психологические исследования, понимание текста, нарративный текст

Цитирование: Борзова Т. В., Калугина Н. А., Сандакова Е. Н., Каменева-Любавская Е. Н. Развитие критического мышления студентов в процессе обучения пониманию методологических текстов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 1–7. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-1-7>

full article

Developing the Critical Thinking in University Students while Teaching them Methodological Reading Comprehension

Tatiana V. Borzova

National Pacific University, Russia, Khabarovsk

<https://orcid.org/0000-0002-3237-159X>

borzova_tatiana@mail.ru

Natalia A. Kalugina

Far Eastern Federal University, Russia, Vladivostok

<https://orcid.org/0000-0001-5782-5626>

Elena N. Sandakova

Khabarovsk Regional Institute of Education Development,

Russia, Khabarovsk

<https://orcid.org/0000-0003-3507-2736>

Evgeniia N. Kameneva-Lubavskaja

Far Eastern State Medical University, Russia, Khabarovsk

<https://orcid.org/0000-0002-9446-4011>

Received 20 Dec 2022. Accepted after peer review 9 Jan 2023. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: Critical thinking can be developed as part of reading comprehension. This study involved 57 university students from the Pacific National University. They worked with methodological texts to determine the topic, write a secondary text, create a cinquain, formulate hypotheses, and project the new material onto their own academic experience. The article introduces a new subjective approach to teaching text comprehension to university students. The approach is based on psychological foundations and the interaction between teaching staff and students. It develops the ability to generate new meaning and relations, as well

as to classify various phenomena. The article also reveals the ways of understanding a text as a sign complex and offers some new diagnostic methods that treat text comprehension both as a process and a result. The authors also identified empirical indicators to control the dynamics of comprehension development. The experiment showed positive dynamics in the critical thinking skills of students who practiced reading comprehension based on methodological texts.

Keywords: psychology of learning, psychological researches, understanding of the text, narrative text

Citation: Borzova T. V., Kalugina N. A., Sandakova E. N., Kameneva-Lubavskaja E. N. Developing the Critical Thinking in University Students while Teaching them Methodological Reading Comprehension. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 1–7. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-1-7>

Введение

В современных условиях возникает несколько насущных потребностей: поставить под сомнение поток информации, с которой приходится иметь дело человеку; критично отнестись к собственным убеждениям и выработать на их основе систему суждений для анализа явлений и событий окружающего мира. Данная система суждений позволит человеку, в том числе и в образовательном процессе, предлагать обдуманные и обоснованные оценки и интерпретации, достаточно корректно вести себя в различных жизненных ситуациях. Речь идет о необходимости развития и воспитания студента, обладающего способностями мыслить рационально, формулировать весомые аргументы, уметь проверять любую идею в условиях неопределенности.

Следует различать психологические основания становления критического мышления, которые включают в себя важнейший компонент – способы понимания научных текстов, в том числе методологических. В нашем исследовании акцент сделан на понимание студентами методологических текстов различных научных дисциплин, на развитие методологической грамотности.

Представим разработанные и описанные Т. В. Борзовой принципы учебного взаимодействия преподавателя и студента в аспекте обучения студентов критическому мышлению в процессе понимания методологических текстов. Сущность принципа порождения обновленного смысла и отношения заключается в том, что он ориентирует преподавателя и студента на необходимость изменений как традиционных подходов становления критического мышления, так и собственных взглядов и убеждений, на трансцендирование за пределы конкретной текстовой информации. Принцип познавательного «упорядочивания» явлений и событий окружающего мира позволяет структурировать имеющиеся знания, на их основе определять собственные модели поведения в социуме. Суть данного принципа заключается в том, чтобы направить психологическую реконструкцию существующих в обучении способов понимания на запросы развития субъектной стратегии современного образования, ориентированной на включение потенциала субъекта познания в самообразование. Принцип субъектности ориентирован на установление эффективных взаимоотношений между педагогом и студентом, чтобы актуализированные в процессе понимания знания имели выход за пределы содержания текста, подлежащего толкованию при обучении. Сущность принципа – в признании

вариативности самоопределения субъекта познания в различных практиках понимания. Субъектность понимания, не являясь универсальной характеристикой человека, выступает исторической формой субъектности познания, которая не задана, но становится в определенных социокультурных условиях интеллектуально-деятельностной самореализацией преподавателя и студента, когда человек делает определенный выбор, отвечает на вызовы времени и, соответственно, берет на себя ответственность. В этом отношении нельзя не согласиться с позицией М. М. Бахтина, что «отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима» [1, с. 124].

Подчеркнем, что в процессе специально организованной деятельности нами были сделаны акценты для студентов на сложность, многогранность, многоаспектность, оригинальность, современность методологического текста [2].

Отметим, что педагог, который развивает критическое мышление в процессе обучения, соблюдает этическую толерантность по отношению к результатам научного труда студентов, легализует здравый плюрализм, он восприимчив к аргументам. Студенты при этом понимают необходимость расшифровки «живых метафор смысла» (В. П. Зинченко), интеллектуальных усилий, многократных мысленных возвратов к содержанию текста для более детального проникновения в его содержание с целью рождения новых идей, умозаключений, качественных моделей бытия человека в социуме [3].

Изложенная нами в более ранних исследованиях позиция, согласно которой анализ методологических текстов предполагает напряженный диалог с обучающимися, где каждый студент аргументированно излагает собственную точку зрения на основе признания когнитивного диалога человекообразующим компонентом личности в образовательном процессе, находит отражение в современных исследованиях (см., напр. [4]).

Методы и материалы

Исследование состояло из трех этапов: 1) констатирующий эксперимент (выявление исходных показателей относительно развития навыков понимания текста); 2) формирующий эксперимент, в ходе которого предлагались способы понимания методологического текста для развития критического мышления студентов; 3) контрольный эксперимент (получение данных об уровне развитости навыков понимания на конец формирующего эксперимента).

Для формирующего эксперимента применялся способ понимания текстов, разработанный Г. С. Абрамовой, базирующийся на выделении лексических единиц. Способ направлен на поиск и обоснование доминирующей темы текста, т. к. именно на ее основе строится дальнейшее взаимодействие с другим человеком, с большими и малыми социальными группами, осуществляется поиск выхода из сложных жизненных ситуаций, которые лишают личность гармонии бытия, погружают в стрессовые ситуации. Выделяемые лексические единицы, являющиеся основой для выявления доминирующей темы текста, представляют собой одно слово, словосочетание, предложение или целый абзац. В ходе подсчета лексических единиц и получения их значительного количества по определяемой самим читателем доминирующей теме текста задаются векторы взаимодействия с другим человеком, возможно, с самим собой.

Результаты

Наличие выраженного эмоционального переживания является стимулом интеллектуальных прорывов для функционирования понимания. В качестве примера приведем ответ студента, который определял доминирующую тему текста в отрывке из художественного произведения¹ и искал качественные пути выхода из сложившейся ситуации: *В данном тексте преобладает тема «Я и сын», так как именно она получила наибольшее количество лексических единиц. Дальнейшие пути решения проблемы: 1) дарить сыну (а сейчас уже, возможно, и внукам) подарки; 2) разрешать делать то, что больше нравится, и не навязывать свои интересы; 3) давать возможность человеку принимать самостоятельные решения; 4) больше общаться с ребенком, чтобы узнать, какие у него цели, мечты и желания; 5) уделять больше времени и собственным интересам. Вывод: Мать осознала, что каждый человек имеет право на свое мнение, по отношению к ребенку недопустимо применять прямое воздействие. Любые изменения, происходящие с человеком, могут быть связаны только с его собственным желанием измениться. Никто другой не может заставить его поменять свои убеждения. Даже если на короткий период времени человек под сильным воздействием других и примет их точку зрения, то, когда власть другого человека ослабеет, произойдет возврат к собственным убеждениям и позициям. Спустя много лет мама осознала, что любой человек, в том числе и маленький ребенок, имеет право на собственную точку зрения, на собственные предпочтения².* Данная доминирующая тема может быть основой для построения взаимодействия одного человека с другим.

Работая с методологическим текстом «В поисках основы личности. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному» Д. А. Леонтьева³,

обучающийся, владеющий данным выше способом работы с текстом, осуществляет выход из режима детерминированности познания явлений и событий окружающего мира (например, фоновыми знаниями [5] или личным опытом [6]), переходя в режим самодетерминации, когда «понимание основывается на нашей общей человеческой природе («человечности»)» [7, с. 179]. В процессе выбора собственных векторов самодетерминации студент обращает внимание на лексические единицы, благодаря которым Д. А. Леонтьев раскрывает свою личностную позицию, направленную на поиск основ личности, новых ориентиров понимания личности в психологии среди группы феноменов из области возможного, которые, однако, не образуются посредством причинно-следственных закономерностей: *нельзя вытащить себя за волосы из болота, как барон Мюнхгаузен; жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной; сознание... участвует в деятельности человека, но лишь как пособие; сознание выполняет свою служебную роль; легчайшие пути; к чему нудят человека причины; расслабление приводит к автоматическому «выпадению» из режима рефлексивного сознания; пунктирный человек; интервальный подход; животное существование; растительное существование; отрезки функционирования на человеческом уровне перемежаются отрезками субчеловеческого функционирования; протекает «на автопилоте»; необходимость их (внутренних усилий – прим. наше) отвращает многих от человеческого пути и др.* Студент делает вывод о нежелании соответствия его собственной жизни приведенным характеристикам и обосновывает свои выводы.

Вторичные тексты позволяют обучающимся перестать быть нарративно немymi в образовательном процессе и начинать «видеть мир по-другому и даже видеть другой мир» [6, с. 151], владеть метакогнитивными компетенциями [8; 9]. Используя такой способ развития критического мышления, как порождение вторичного текста, другой студент отмечает: *В статье «В поисках основы личности. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному» Д. А. Леонтьев раскрывает понятия «детерминированность» и «самодетерминированность», рассматривая личность, функционирующую в рамках необходимого и возможного. Если решать задачу реализации образовательного процесса с точки зрения «необходимого», то вся она будет сводиться к изучению методологии, а также к передаче знаний со стороны педагога и получению хороших отметок со стороны обучаемого. Опора на необходимое – это базовый фундамент, нуждающийся в надстройке. Обусловленность шаблонами делает образовательную систему ригидной, неспособной к развитию, ориентированной на выживание. Чтобы образовательный*

¹ См. Текст 3 (пункт Практические задания на освоение техники психологического консультирования) в книге: Абрамова Г. С. Практическая психология. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2003. С. 441–442.

² Здесь и далее в примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

³ Леонтьев Д. А. В поисках основы личности. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. Личностный потенциал: структура и диагностика, под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 12–41.

процесс стал более гибким, позволяющим человеческому (рефлексивному) сознанию расти, совершать свои открытия, наработать свой опыт, необходимо внести в эту задачу элемент «возможного». Самодетерминированный педагог, ориентированный на творческий рост учеников и на собственный рост, сможет реализовать образовательный процесс таким образом, чтобы ученик раскрыл в себе такой же потенциал самодетерминации. Демократический стиль педагогического общения привлекает воспитанников к обсуждению и совместному решению общих дел, проблем, создает условия для самореализации и дальнейшей рефлексии детей, а значит, позволяет личности развиваться и выходить на новые уровни самосознания, самоидентичности. Важно приходиться впоследствии к автономности. У автономного человека совсем другие мотивы. Опираясь на цель, а не на причины, он может влиять на окружающий мир принципиально по-другому (изменяя его). Сейчас тезис Леонтьева Д. А. об эффективном функционировании в мире особенно актуален, и я считаю основной задачей педагога помочь каждому ученику в обретении собственной автономности, чтобы они могли успешно адаптироваться к новым условиям. Подводя итог, хочется обратиться к каждому человеку. Учитесь сами и учите учиться своих детей. Помните, что самое важное в образовании – это не следование определенным алгоритмам в решении задач, а поиск своего собственного пути. Умение увидеть, различить и отобрать «свои возможности» из множества существующих возможностей – это то, что позволяет действовать, совершать поступки, осмысленно воздействовать на мир. Способность «делать ставку» на выбранную возможность и принимать на себя единоличную ответственность за ее реализацию ведет к неизбежному развитию личности, которая умеет не существовать, а жить.

Во вторичном тексте можно зафиксировать применение обучающимся еще одного способа работы с текстом – проекция на образовательный процесс, что является достаточно хорошим показателем языковой чувствительности, качественного усвоения и применения способов работы с текстом. В процессе обучения нам необходимы «нарративные истории, которые могут вместить в себя чистое, светлое, глубокое, духовное начало» [10, с. 56]. Исследованию нарративного текста посвящены работы Н. В. Кузиной [11], А. В. Глазкова и Е. А. Глазковой [12]. В нарративном тексте (студенты представляют инсайты, катарсисы и т. п.) дается описание мировоззренческого опыта относительно понимания событий, которыми человек хотел бы поделиться с окружающими [13]. Нарративный текст – «напряженный, длительный во времени, важнейший акт духовной жизни личности», где описаны «невоспроизводимые в другом... тексте особенности жизненного пути человека» [14, с. 75].

Для развития критического мышления студентам предлагался анализ лирических произведений в поэтической форме как эффективный способ работы с методологическими текстами. Взят анализ японской поэзии: хокку – трехстишия

(Акутагава Рюноске, Мацуо Басё, Нодзава Бонтё, Ёса Бусон, Като Гёдай) и танка – пятистишия (Аривара-но Нарихира, Кагава Кагэки, Камо-но Мабути). Учитывалось, что хокку и танка как жанры основаны на чередовании определенного количества слогов, это выражает мимолетное настроение, полное недосказанности, отличает стихи поэтическим изяществом, зачастую сложной ассоциативностью, словесной игрой. Рифмы нет, но большое внимание уделяется звуковой и ритмической организации стихотворения, характеризующейся умением выразить многое в немногих словах. Это своего рода реализация экзистенциальной потребности быть личностью [15].

Для работы с методологическим текстом студентов обучили способу интерпретации стихотворений, основанному на умении составлять синквейн – пятистрочную стихотворную форму. Обучающиеся выбирали понравившиеся произведения японских авторов и анализировали их. Затем студентам было предложено нарисовать красками, мелками (по желанию) текущее время года под музыкальное сопровождение, как правило, «Времена года» Антонио Вивальди и «со-творить» собственное поэтическое произведение в технике синквейн. В процессе наполненной эмоциями ситуации, сопровождающейся экзистенциальной рефлексией, учащиеся продуцировали свой текст, становились авторами произведений, в которые человек включен как осмысленный субъект [16–18]:

Душа
 Светлая, прекрасная
 Расцветает, живет и сияет
 Счастье, радость, красота в душе – продлевают жизнь
 Человек.

Любовь
 Прекрасное, таинственное
 Возвышаться, открывать, нежиться
 Нет прекраснее чувства, чем любовь всем сердцем
 Уважение.

Щебет
 Утренний, мелодичный
 Разносится, падает, взлетает
 Утро вечера мудренее
 Песня.

Осень
 Красивая, чудесная
 Успокаивает, подбадривает, завораживает
 Укрывает своим разноцветным одеялом
 Как же хороша!

После овладения описанным выше способом понимания студентам предлагался методологический текст «Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека» В. В. Знакова⁴. Для того чтобы из методологических текстов можно было извлечь смыслы, они должны соотноситься с жизненными потребностями обучающихся и их реальными переживаниями, поисками

⁴ Знаков В. В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека. *Вопросы психологии*. 2014. № 4. С. 16–29.

путей изменения собственных убеждений, мнений, процессов самоактуализации, саморазвития, самодетерминации и автономии. Методологический текст должен дать ответы на волнующие обучающихся вопросы, связанные с собственным профессиональным ростом, поиском путей высокого уровня личностного развития. При этом «стратегия субъективации направлена на максимально полное восприятие системы авторских смыслов и образов, а также на эмоциональную вовлеченность и эмпатию читателя» [19, с. 403]. Важными компонентами анализа являются «репрезентирующие разные эмоциональные переживания: от гнева до удивления» [20, с. 610], когда человек открывает для себя нечто новое, ранее недоступное, непонятное, призрачное. Представим результаты работы студентов:

Понимание

Анализ и знание

Осмысление нового знания

Всякое познание берет начало

От разума и исходит от чувств

Развитие.

Понимание

Таинственное и притягательное

Знаю, интерпретирую, понимаю, пытаюсь понять все и вся

Читаю, слушаю, получаю новые знания

Знаю.

Смыслы

Глубокие и неясные

Помогают понять себя

Докопаться до сути, призывают

Думай.

Используя нарративный текст в качестве инструментального смысла произвольного смыслообразования [21], студент овладевает «конститутивными элементами самой экзистенции» [22, с. 30].

В данном исследовании была разработана система эмпирических показателей для оценки уровня понимания текста. На констатирующем и контрольном этапах эксперимента нами проанализирована взаимосвязь уровня понимания текста с фактом проведения специального обучения. Анализу подлежали результаты работы 57 студентов: экспериментальная группа (ЭГ), $n = 27$; контрольная (КГ), $n = 30$. ЭГ и КГ на начало эксперимента обозначены как ЭГ₁ и КГ₁, на конец – как ЭГ₂ и КГ₂. Критерий Фишера обозначен как φ ; φ_1 – различия ЭГ на начало и конец эксперимента, φ_2 – различия КГ на начало и конец эксперимента, φ^* – различия между ЭГ и КГ на конец эксперимента.

Рассчитанный коэффициент корреляции показывает зависимость между количеством выполненных показателей студентами и фактом прохождения специального обучения. Эмпирическое значение коэффициента корреляции $r_{\text{эмп}} = 0,71$ больше критического значения $r_{\text{крит}} = 0,34$ (при $p \leq 0,1$).

В таблице представлены количественные данные эмпирических показателей. Они свидетельствуют о том, что в процессе эксперимента действительно зафиксировано улучшение навыков понимания методологического текста.

Табл. Особенности работы студентов с методологическим текстом
Tab. Text analysis plan

Эмпирические показатели	φ_1	φ_2	φ^*
Определение доминирующей темы текста	3,608	0,263	3,536
Составление вторичного текста	3,982	1,232	4,938
Составление синквейна	3,663	0,339	2,790
Готовность формулировать гипотезы в условиях их отсутствия в научном тексте	7,021	1,561	2,601
Проекция на образовательный процесс	5,890	0,283	6,013

В рамках эксперимента было выдвинуто две гипотезы: 1) эмпирический показатель проявляется в одной группе не больше, чем в другой; 2) эмпирический показатель в одной группе больше, чем в другой.

У ЭГ критерий φ_1 по каждому показателю находится в зоне значимости ($\varphi_1 > 2,31$), т. е. студенты ЭГ после специального обучения испытывают меньше трудностей при понимании методологического текста. Также достоверные различия наблюдаются при рассмотрении групп ЭГ₂ и КГ₂. Статистические различия между группами, зафиксированные на конец эксперимента, доказывают эффективность применения специального обучения для улучшения навыков понимания методологических текстов.

КГ не проходила специального обучения. В течение десяти занятий студенты получали задания по работе с методологическим текстом и выполняли их. Достоверных различий у КГ на начало обучения и после 10 занятий не выявлено (φ_2 находится в зоне незначимости).

Заключение

Проведенное исследование поставило новые вопросы и определило новые задачи, связанные с детальным изучением результатов зарубежных философов, психологов, педагогов [23–26]. В современных условиях важно осознавать предметы поиска смежных дисциплин: психологии, дидактики, социологии и других наук, ориентированных на поиски культурных медиаторов развития личности [6; 27].

В статье предложены способы понимания методологического текста с целью развития критического мышления студентов, обеспечивающие выход из режима детерминированности и переход в режим самодетерминации. Важными компонентами при этом являются смысловые образования, выражающие ценностное отношение обучающегося к миру. Можно лишь предполагать, что такой студент не побоится актуализировать в своем сознании и решать проблемы другого человека, используя как субъективное, так и объективное знание [28; 29]. Важен и выход за пределы содержания психолого-педагогических ситуаций, когда рождается убежденность в том, что понять самого себя можно, обратив внимание не только внутрь себя, но и на особенности поведения других людей,

больших и малых социальных групп. При этом создаются собственные вторичные тексты, отражающие личное видение проблем, явлений и событий окружающего мира обучающимся.

Нами учитывается и тот факт, что в современной науке особым образом трактуются категории *ответственность, выбор, опыт, толерантность к неопределенности*. Одной из значимых для нашего исследования является категория *жизненная позиция личности*⁵, проекция которой особенно отчетливо формируется при работе с методологическими текстами, т. к. понимание включает в себя и моральное должностное.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Статья опубликована при поддержке гранта 4.22 – ТОГУ «Развитие понимания в обучении студентов вуза».

Funding: The research was supported by the Far Eastern State University for The Development of Comprehension in University Students, Grant No. 4.22.

Литература / References

1. Бахтин М. М. К философии поступка. *Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984–1985*, отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1986. С. 8–160. [Bakhtin M. M. Toward a philosophy of the act. *Philosophy and sociology of science and technology: yearbook 1984–1985*, ed. Frolov I. T. Moscow: Nauka, 1986, 8–160. (In Russ.)] EDN: VWTSPPT
2. Курочкина Л. Я. Философские проблемы социогуманитарных наук. 2-е изд. Воронеж: ВГТУ, 2010. 197 с. [Kurochkina L. Ya. *Philosophical problems of socio-humanitarian sciences*, 2nd ed. Voronezh: VSTU, 2010, 197. (In Russ.)] EDN: QWZSPN
3. Мехтиев В. Г. Истоки кризиса в гуманитарном знании. *Феномен кризиса в контексте современного гуманитарного знания*, под ред. Н. Б. Москвиной. Хабаровск: ДВГГУ, 2009. С. 4–7. [Mekhtiev V. G. The origins of the crisis in humanitarian knowledge. *The phenomenon of the crisis in the context of modern humanitarian knowledge*, ed. Moskvina N. B. Khabarovsk: FESHU, 2009, 4–7. (In Russ.)] EDN: QOAMYN
4. Мухаметзянова Л. Ю. Когнитивный диалог как человекообразующая стратегия образования. *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 2. С. 34–41. [Mukhametzyanova L. Yu. Cognitive dialogue as a human-forming strategy of education. *Kazan Pedagogical Journal*, 2021, (2): 34–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.146.3.004>
5. Talwar A., Tighe E. L., Greenberg D. Augmenting the simple view of reading for struggling adult readers: a unique role for background knowledge. *Scientific Studies of Reading*, 2018, 22(5): 351–366. <https://doi.org/10.1080/10888438.2018.1450410>
6. Мосунова Л. А., Борзова Т. В. Развитие национальной культурной идентичности студентов гуманитарных специальностей в процессе обучения продуцированию нарративных текстов. *Перспективы науки и образования*. 2021. № 6. С. 141–154. [Mosunova, L. A., Borzova, T. V. Development of the national cultural identity of students of humanitarian specialties in the learning process. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2021, (6): 141–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2021.6.10>
7. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с. [Popper K. R. *Objective knowledge. An evolutionary approach*. Moscow: Editorial URSS, 2002, 384. (In Russ.)]
8. Miyamoto A., Pfost M., Artelt C. The relationship between intrinsic motivation and reading comprehension: mediating effects of reading amount and metacognitive knowledge of strategy use. *Scientific Studies of Reading*, 2019, 23(6): 445–460. <https://doi.org/10.1080/10888438.2019.1602836>
9. Леушина Н. А. Метакогнитивное знание в обучении иноязычному чтению студентов инженерных специальностей: роль, компоненты, способы формирования. *Непрерывное образование: XXI век*. 2020. № 4. С. 52–64. [Leushina N. A. Metacognitive knowledge in teaching reading in English to engineering students: role, components, and ways of development. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 2020, (4): 52–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.6347>
10. Борзова Т. В. Психология обучения студентов пониманию. Хабаровск: ТОГУ, 2018. 200 с. [Borzova T. V. *Psychology of teaching comprehension to students*. Khabarovsk: PNU, 2018, 200. (In Russ.)]
11. Кузина Н. В. Личный текст, акцентуации и нарративная психотерапия. *New trends of global scientific ideas. 2016: Proc. 10th Intern. Sci.-Prac. Congress of Pedagogues, Psychologists and Medics*. (Geneva, 10 Mar 2016) Geneva: European

⁵ Леонтьев Д. А. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Психологическая газета*. 28.11.2018. URL: <https://psy.su/feed/7109/> (дата обращения: 13.01.2023).

- Association of pedagogues and psychologists "Science", 2016. Vol. 1. P. 312–315. [Kuzina N. V. Personal narrative, accentuations, and narrative psychotherapy. *New trends of global scientific ideas. 2016: Proc. 10th Intern. Sci.-Prac. Congress of Pedagogues, Psychologists and Medics, Geneva, 10 Mar 2016. Geneva: European Association of pedagogues and psychologists "Science", 2016, vol. 1, 312–315. (In Russ.)*] EDN: VTNKPВ
12. Глазков А. В., Глазкова Е. А. Нарративные тексты и их использование в сопоставительном чтении. *Русский язык в школе*. 2017. № 1. С. 17–22. [Glazkov A. V., Glazkova E. A. Narrative texts and their use in comparative reading. *Russkii yazyk v shkole*, 2017, (1): 17–22. (In Russ.)] EDN: XWWMOV
  13. Знаков В. В. Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия. *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. № 3. С. 105–119. [Znakov V. V. Thesaurus understanding and narrative understanding of events as problem of human existence. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2010, 5(3): 105–119. (In Russ.)] EDN: QAAUET
  14. Борзова Т. В. Нарративное понимание субъектом себя и окружающей действительности в процессе обучения. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 1-1. С. 72–78. [Borzova T. V. Narrative understanding of oneself and reality in the process of education. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2015, 17(1-1): 72–78. (In Russ.)] EDN: TORBTJ
  15. Абрамовских Е. В. «Нарративные трансформации» в текстах неклассической парадигмы художественности (кино, литература). *Научный диалог*. 2018. № 1. С. 71–82. [Abramovskikh E. V. "Narrative transformations" in texts of non-classical artistic paradigm (cinema, literature). *Nauchnyi dialog*, 2018, (1): 71–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-1-71-82>
  16. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с. [Knyazeva N. N., Kurdyumov S. P. *Foundations of synergetics. Blow-up regimes, self-organization, tempoworlds*. St. Petersburg: Aleteia, 2002, 414. (In Russ.)] EDN: RAALEH
  17. Пригожин И. Р. Определено ли будущее? 2-е изд., испр. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. 240 с. [Prigozhin I. R. *Is the future set?* 2nd ed. Izhevsk: Institute of Computer Science, 2005, 240. (In Russ.)]
  18. Таланчук Н. М. Системно-синергетическая философия и концепция неопедагогики: стратегии развития педагогической теории и практики. Казань: ИССО РАО, 1996. 71 с. [Talanchuk N. M. *System-synergetic philosophy and the concept of neo-pedagogy: strategemes for the development of pedagogical theory and practice*. Kazan: ISSE RAE, 1996, 71. (In Russ.)]
  19. Куликова Л. В., Микалаускайте Е. Ю. Функционально-прагматический подход к исследованию ксенонарративных текстов в пространстве литературно-нарративной коммуникации. *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 2. С. 403–418. [Kulikova L. V., Mikalauskaite E. Ju. *Xeno-narrative texts in literary and narrative communication: functional and pragmatic approach*. *Communication Studies (Russia)*, 2020, 7(2): 403–418. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).403-408](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).403-408)
  20. Колмогорова А. В. Нарративная специфика русскоязычных эмоциональных интернет-текстов. *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 2. С. 610–613. [Kolmogorova A. V. *The narrative specific of emotional Internet-texts in Russian*. *Cognitive studies of language*, 2020, (2): 610–613. (In Russ.)] EDN: SOOARL
  21. Елфимова М. М. Нарратив как инструментальное средство произвольного смыслообразования. *Вопросы психологии*. 2018. № 1. С. 90–103. [Elfimova M. M. *The narrative as an instrument for arbitrary sense formation*. *Voprosy Psikhologii*, 2018, (1): 90–103. (In Russ.)] EDN: YVAYIN
  22. Василюк Ф. Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии. *Московский психотерапевтический журнал*. 2008. № 1. С. 5–33. [Vasilyuk F. E. *Structure and specifics of the theory of understanding psychotherapy*. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2008, (1): 5–33. (In Russ.)] EDN: KAUFHH
  23. *Erzählen und moral. Narrativität im Spannungsfeld von ethik und aesthetik*, Hrsg. Mieth D., Pfaff D. Tübingen: Attempto, 2000, 286.
  24. Bruner J. Self-making and world-making. *Journal of Aesthetic Education*, 1991, 25(1): 67–78. <https://doi.org/10.2307/3333092>
  25. Daiute C. Narrating refuge. *Europe's Journal of Psychology*, 2017, 13(1): 1–15. <https://doi.org/10.5964/ejop.v13i1.1386>
  26. Webster J. D., Vowinkel J., Ma X. The meaning of temporal balance: does meaning in life mediate the relationship between a balanced time perspective and mental health? *Europe's Journal of Psychology*, 2021, 17(1): 119–133. <https://doi.org/10.5964/ejop.2415>
  27. Турушева Ю. Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 2. С. 24–32. [Turusheva Yu. B. *Narrative as cultural mediator in personality development: looking through the lens of cultural-historical psychology*. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2016, 12(2): 24–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/chp.2016120203>
  28. Koschorke A. *Wahrheit und erfingung: grundzüge einer allgemeinen erzähltheorie*. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2012, 480.
  29. Šimleša M., Guegan J., Blanchard E., Tarpin-Bernard F., Buisine S. The flow engine framework: a cognitive model of optimal human experience. *Europe's Journal of Psychology*, 2018, 14(1): 232–253. <https://doi.org/10.5964/ejop.v14i1.1370>

оригинальная статья

Характеристики свойств внимания у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте

Цигичко Елена Александровна
 Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
 lenacigichko@bk.ru

Криворучко Майя Олеговна
 Средняя общеобразовательная школа № 85, Россия, Кемерово

Поступила 29.11.2022. Принята после рецензирования 27.12.2022. Принята в печать 27.12.2022.

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена внимания и его свойств с учетом исторической ретроспективы. Цель – выявить особенности свойств внимания у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте. Предмет – особенности развития свойств внимания у младших подростков. Выявлены характеристики свойств внимания у мальчиков и девочек младшего подросткового возраста: объем, устойчивость, избирательность, распределение и переключаемость. Рассмотрено влияние свойств внимания на продуктивность деятельности подростков. Предложен диагностический инструментарий, включающий набор тестов (Б. Бурдона, Г. Мюнстерберга, В. Поппельрейтера) и методик (Перепутанные линии Рисса; Запомни и расставь точки), позволяющих оценить характеристики различных свойств внимания у испытуемых – 50 обучающихся Средней общеобразовательной школы № 85 г. Кемерово. Определены значимые различия характеристик свойств внимания у мальчиков и девочек младшего подросткового периода. Выявлены прямые связи между показателями *распределение* и *устойчивость* на общей выборке младших подростков. На выборке мальчиков установлены взаимосвязи между показателями *распределение* и *устойчивость* внимания. На выборке девочек определены корреляции между показателями *переключение* и *распределение*, *распределение* и *избирательность*.

Ключевые слова: свойства внимания, развитие внимания, младший подростковый возраст, гендерные различия

Цитирование: Цигичко Е. А., Криворучко М. О. Характеристики свойств внимания у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 1. С. 8–13. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-8-13>

full article

Attention Span in Preteen Boys and Girls

Elena A. Tsigichko
 Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
 lenacigichko@bk.ru

Maya O. Krivoruchko
 Secondary School No. 85, Russia, Kemerovo

Received 29 Nov 2022. Accepted after peer review 27 Dec 2022. Accepted for publication 27 Dec 2022.

Abstract: The article describes the difference in attention span in preteen boys and girls. It also contains a diachronic review of related scientific publications. The author defined the phenomenon of attention, the factors that affect school performance, and the specifics of attention span in boys and girls. A new diagnostic toolkit with a set of techniques made it possible to assess such indicators as volume, stability, selectivity, distribution, and set-shifting. The research revealed significant gender differences, as well as direct connections between distribution and stability in male participants, while the group of female participants demonstrated reliable correlations between set-shifting and distribution / distribution and selectivity.

Keywords: attention span, development of attention, preteens, gender differences

Citation: Tsigichko E. A., Krivoruchko M. O. Attention Span in Preteen Boys and Girls. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 8–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-8-13>

Введение

Изучением проблемы развития внимания и его характеристик на протяжении многих лет занимались отечественные и зарубежные ученые [1–5]. Рассмотрим методологические подходы к изучению проблемы внимания. Становление и развитие внимания в индивидуальном и общественно-историческом аспектах пытался проследить Л. С. Выготский.

Согласно его точке зрения, внимание следует интерпретировать в следующих контекстах:

1. Как натуральную психическую функцию, проявления которой определяются индивидуальным развитием ребенка, развитием его нервной системы. Пример – непроизвольное внимание.

2. Как высшую психическую функцию, которая определяется в процессе социализации ребенка (при произвольном направлении и удержании внимания). Оно формируется у ребенка при первоначальном контакте со взрослым [1, с. 201].

Согласно концепции, предложенной П. Я. Гальпериним и Кабыльницкой С. Л., внимание рассматривается как функция умственного контроля за адекватностью протекания психических явлений, обеспечивающих достижение высокого уровня продуктивности деятельности. Также ученые отмечали, что внимание отличается от других психических явлений тем, что у него отсутствует какой-либо конечный продукт [2].

Следует согласиться с мнением О. В. Купцовой, которая, с одной стороны, подчеркивает востребованность междисциплинарного подхода к изучению данного феномена, с другой – констатирует, что на протяжении длительного времени ученые не пришли к единому мнению относительно природы изучаемого явления. Они дискутируют о том, «является ли внимание самостоятельным психическим процессом, или оно выступает частью других, помогая им лучше выполнять свои функции» [6, с. 85].

Исходя из моторной теории внимания, предложенной французским психологом Т.-А. Рибо, внимание имеет тесную взаимосвязь с эмоциями и вызывается ими. Именно количественные проявления эмоциональных состояний у человека по отношению к какому-либо объекту или деятельности стимулируют выраженность концентрации (сосредоточенности) и устойчивости его внимания [3].

В широко известной общепсихологической теории Д. Н. Узнадзе аргументированно доказано наличие прямой взаимосвязи внимания с установкой [5]. Установка рассматривается как элемент состояния внимания, детерминирующий появление образа (впечатления) действительности. Чем ярче и содержательнее впечатление, тем более выражен уровень концентрации и устойчивости внимания на воспринимаемом объекте [цит. по: 7, с. 43].

Выделяют три вида внимания: произвольное, произвольное и послепроизвольное. С. Л. Рубинштейн считает, что внимание отличается качественными проявлениями, которые следует называть свойствами [4]. К ним обычно относят объем, устойчивость, избирательность, распределение и переключаемость [8, с. 136–137].

Устойчивость внимания представляет собой способность в течение длительного времени сохранять внимание на определенном объекте, предмете деятельности, не отвлекаясь на сторонние раздражители и не ослабляя его. На устойчивость могут влиять различные факторы: физиологические особенности человека, состояние организма в данный период времени, мотивация (насколько важен человеку тот или иной предмет), внешние обстоятельства [9, с. 204]. Следует согласиться с позицией Е. А. Куркиной о наличии возрастной обусловленности проявления как устойчивости внимания, так и других свойств данного феномена [10].

Переключаемость – динамическая характеристика, реализуется как перевод внимания с одного объекта на другой. Переключаемость внимания в сложной и постоянно меняющейся ситуации представляет собой способность сравнительно быстро сориентироваться в сложившихся условиях и определить либо учесть значимость составляющих ее элементов [11, с. 47]. Переключаемость характеризуется скоростью, с которой человек переводит свое внимание (причем как произвольно, так и непроизвольно). Если переключаемость внимания происходит непроизвольно, то это может указывать на его неустойчивость, однако такая неустойчивость не всегда рассматривается как отрицательный факт, а может свидетельствовать о восстановлении организма в целом и нервной системы в частности. Со свойством переключения внимания связаны два процесса разного направления: включение и отвлечение внимания [9, с. 205].

Распределение внимания – способность распределять внимание на значительном пространстве, рассредотачивать его на несколько объектов, выполняя одновременно несколько действий (разные виды деятельности) [9, с. 205; 12, с. 51]. Учеными доказано, что в случае с одновременно выполняемыми делами память на незавершенные действия сохраняется на протяжении определенного времени, поэтому человек может легко возвратиться к невыполненной задаче. Психологическое и физиологическое состояния человека определяют результативность распределения. Если человек находится в состоянии утомления, область распределения внимания уменьшается [9, с. 205–206].

Объем внимания – количество информации, которое человек может одновременно сохранять в сфере повышенного внимания (сознания) [9, с. 206]. Согласно измерениям одних ученых, средний объем внимания человека составляет 5–7 единиц информации [9, с. 206], других – 3–6 элементов [13, с. 60–63]. Объем информации измеряют опытным путем, предоставляя большое количество информации человеку, объем внимания – это то, что успевает заметить человек за отдельный временной промежуток [9, с. 206].

Избирательность внимания – это способность отбирать значимые стимулы и игнорировать второстепенные; возможность успешной настройки внимания на сознательное восприятие информации при наличии помех. Р. С. Немов называет данное свойство сосредоточенностью или концентрацией [9, с. 204–205].

Свойства внимания вариативно проявляются на различных возрастных этапах. Г. Р. Худайгулова отмечает значимость внешних стимулов, заданных педагогом и обеспечивающих произвольную концентрацию внимания ребенка. При этом непроизвольная концентрация определяется субъектной позицией самого ребенка [14, с. 268].

По мнению А. В. Оконешниковой и Л. С. Чапогир, в качестве возрастных особенностей внимания младших школьников выступают слабость произвольного внимания и его невыраженная устойчивость [15, с. 109].

Внимание в младшем подростковом возрасте является разнонаправленным. Отдельные свойства переживают определенный регресс, другие – могут оказать компенсирующий эффект. Наблюдается внутренняя противоречивость развития свойств. С. А. Лукомская констатирует факт замедления приращения функции и разнонаправленность изменений ее отдельных характеристик [цит. по: 16, с. 204].

С точки зрения Р. С. Немова, у детей младшего подросткового возраста распределение, переключение, устойчивость, а также концентрация произвольного внимания находятся практически на одном уровне со взрослым человеком. При этом показатель переключаемости в среднем у представителей данного возраста даже выше, чем у взрослых [цит. по: 17, с. 205].

О расструктурированности внимания свидетельствует тот факт, что подросток уже способен с помощью воли управлять своим вниманием, но благодаря выраженным эмоциональным процессам может произойти определенный откат, проявляющийся в отвлечении и рассеянности (см., напр. [18]). Между тем следует учитывать избирательный характер внимания, который выражается в том, что подростки контролируют свое внимание только по отношению к объекту, вызывающему личную заинтересованность.

В исследуемом возрастном периоде развитие внимания становится противоречивым. С одной стороны, учебная деятельность настраивает на поддержание внимания, с другой – бурные переживания и большая активность приводят к отвлекаемости и неустойчивости. Причем подростки могут испытывать глубокое утомление, когда внимание (не только произвольное, но и непроизвольное), кажется, совсем исчезает. В период полового созревания внимание подростка сильно изменяется, только у старших подростков оно приобретает относительно устойчивый характер [19].

Внимательность подростка представляет собой совокупность умственных действий, применение которых обеспечивает достижение определенных результатов, в том числе и в учебной деятельности. Развитие свойств внимания является важнейшим основанием, которое позволяет прогнозировать успешность различных видов деятельности. Внимательный подросток может быстро мобилизовать произвольное внимание, целеустремленно сконцентрироваться на затруднительном и малозанятном деле даже при отсутствии интереса к учебной деятельности. Е. С. Логинова выявила, что у мальчиков хуже развито произвольное внимание, чем у девочек, у которых лучше развиты сложнокоординируемые навыки. К 10 годам у подростков совершенствуются механизмы внимания, которые обуславливают эффективность наиболее сложных видов познавательной активности [20, с. 59].

Н. С. Волченко указывает, что внимание в подростковом возрасте продолжает развиваться в соответствии с интеллектуальным развитием. Сравнивая внимание младших школьников и подростков, исследователь отмечает, что дети младшего школьного возраста удерживают свое

внимание на звучных, красочных, веселых объектах. В восприятии подростков объекты хоть и не отличаются внешней яркостью, тем не менее они наполнены богатым по содержанию смыслом и привлекают их внимание. Подростки, в отличие от младших школьников, внимательнее относятся к объяснению затруднительного материала, чем к тому, который кажется легким [21, с. 368–369].

Именно поэтому наше исследование направлено на изучение характеристик свойств внимания у мальчиков и девочек в младшем подростковом возрасте. Важность полученной информации обусловлена тем, что развитие свойств внимания и его организованность определяют успешность обучения подростка.

Методы и материалы

Характеристики свойств внимания у мальчиков и девочек младшего подросткового возраста были изучены при помощи следующих методик:

- 1) тест Б. Бурдона «Корректирующая проба» – определение степени переключения;
- 2) методика «Перепутанные линии Рисса» – оценка уровня устойчивости;
- 3) тест Г. Мюнстерберга – диагностика избирательности;
- 4) тест В. Поппельрейтера – оценка распределения;
- 5) методика «Запомни и расставь точки» – исследование объема внимания.

Исследование проходило на базе Средней общеобразовательной школы № 85 г. Кемерово. Выборку составили 50 обучающихся младшего подросткового возраста: 25 мальчиков и 25 девочек.

Результаты

Анализируя данные таблицы, констатируем, что по оценке показателя *устойчивость* среднее значение выше у девочек. Поскольку у девочек длительность сосредоточения (временная характеристика внимания) выше, они способны более длительное время быть внимательными и концентрироваться на предмете (таб.).

Табл. Средние значения показателей внимания у мальчиков и девочек
 Tab. Mean values of attention indicators in preteen boys and girls

Показатель	Средние значения		t	p
	Мальчики	Девочки		
Переключение	5,24	6,40	-1,74	0,08
Устойчивость	1,44	2,76	-2,50	0,01
Избирательность	2,84	3,80	-1,66	0,10
Распределение	7,96	8,68	-1,66	0,10
Объем	9,64	9,56	0,27	0,78

Прим.: полужирным шрифтом выделены значимые различия.

T-критерий Стьюдента имеет в нашем исследовании отрицательные значения: большая часть результатов второй выборки (девочки) превосходят в абсолютном значении (по модулю) результаты первой выборки (мальчики).

Корреляционный анализ взаимосвязей между показателями внимания младших подростков данной выборки показал наличие статистически достоверных связей на уровне $p < 0,05$ между изучаемыми свойствами.

Так, на общей выборке были определены прямые связи между показателями *распределение* и *устойчивость* ($p = 0,28$). Это свидетельствует о том, что рост или снижение одного показателя может выступить детерминантой позитивных или негативных изменений другого. Например, если снижается способность в течение длительного времени сохранять внимание на каком-либо объекте, то способность распределять внимание на несколько объектов также снижается. Независимые друг от друга показатели *распределение* и *объем* ($p = -0,28$) указывают на то, что при изменении показателя *распределение* данные показателя *объем* останутся неизменными.

Корреляционный анализ выборки мальчиков показал отсутствие взаимосвязи показателей *распределение* и *объем* ($p = -0,30$), *объем* и *устойчивость* ($p = -0,30$), *устойчивость* и *избирательность* ($p = -0,29$). Выявлена взаимосвязь между показателями *распределение* и *устойчивость* ($p = 0,29$).

Корреляционный анализ выборки девочек позволил определить наличие взаимосвязи показателей *распределение* и *переключение* ($p = 0,29$), *распределение* и *избирательность* ($p = 0,30$). Не выявлена взаимосвязь между показателями *распределение* и *объем* ($p = -0,28$), *объем* и *устойчивость* ($p = -0,35$).

Обсуждение

Подтверждение результатов нашего исследования было представлено в работах И. А. Сергеевой, которая продемонстрировала превосходство девочек по основным характеристикам свойств внимания. Вместе с тем И. А. Сергеева анализирует не все показатели, по которым можно определить эффективность внимания: быстроту (время выполнения задачи) и точность (допускает ли ученик ошибки при решении той или иной учебной задачи) исследователь не рассматривает [цит. по: 22, с. 337].

Гендерные исследования свойств внимания у подростков, выполненные М. С. Егоровой и Н. Ф. Шляхтой, продемонстрировали наличие специфических проявлений. Девочки ориентировались на быстроту, а мальчики – на точность работы (по показателям *объем*, *устойчивость* и *распределение*). В то же время обнаружено преимущество девочек по показателям *избирательность*, *устойчивость* и *объем* [23]. Аналогичные результаты были получены в исследовании Т. В. Ядрищенской [24, с. 159]. Тенденция к снижению показателей устойчивости внимания обнаруживается в группе мальчиков. У девочек же подобной тенденции не наблюдается. О. А. Вятлева фиксирует, что девочки-подростки

обладают более высокой устойчивостью внимания. При выполнении заданий девочки отдают предпочтение скорости в ущерб точности работы, а мальчики – наоборот [25, с. 12].

Заключение

Подростковый возраст характеризуется развитием внимания. Объем внимания, а также его способности на длительный промежуток времени удерживать интенсивность и переключаться с одного предмета на другой с возрастом увеличиваются. К тому же внимание подростков зависит от направленности их собственных интересов, следовательно, носит более избирательный характер.

Изучив гендерные особенности внимания младших подростков, мы пришли к выводу, что в настоящее время данная проблема является актуальной, недостаточно изученной и практически не затрагивается в науке.

В ходе исследования выявлено, что среднее значение по показателю *устойчивость* у девочек выше. Ввиду того, что у девочек выше длительность сосредоточения внимания, они способны быть внимательными и концентрироваться на предмете в течение более продолжительного периода времени.

Выявленные по результатам корреляционного анализа на общей выборке прямые связи между показателями *распределение* и *устойчивость* свидетельствуют о том, что рост или снижение одного показателя может выступить детерминантой позитивных или негативных изменений другого. На выборке мальчиков выявлена взаимосвязь между показателями *распределение* и *устойчивость*. На выборке девочек определено наличие взаимосвязи показателей *распределение* и *переключение*, *распределение* и *избирательность*. Данные исследования целесообразно учитывать при построении образовательного процесса.

Обучение подростков концентрации на учебном материале, ориентации в незнакомой информации, развитие у них наблюдательности, способности распределять внимание – важная задача, стоящая перед современным педагогом. При работе с подростками следует повышать уровень их умственной активности, объем и устойчивость внимания, а также обучать способности самостоятельного сосредоточения внимания на конкретном действии либо задаче.

Поскольку все свойства внимания в значительной степени можно улучшить посредством тренировки, необходимо делать упражнения на развитие распределения и переключаемости. Выполняя такие упражнения, подросток научится концентрировать внимание на поставленной задаче длительное время, а значит он будет способен лучше понять ее сущность и получит больше возможностей для ее решения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2023. 336 с. [Vygotsky L. S. *The history of the development of higher cognitive functions*. Moscow: Iurait, 2023, 336. (In Russ.)]
2. Гальперин П. Я., Кабыльницкая С. Л. Экспериментальное формирование внимания. М.: МГУ, 1974. 102 с. [Galperin P. Ya., Kabylnitskaya S. L. *Experimental development of attention*. Moscow: MSU, 1974, 102. (In Russ.)]
3. Рибо Т.-А. Психология внимания. М.: URSS, 2022. 96 с. [Ribot T.-A. *Psychologie de l'attention*. Moscow: URSS, 2022, 96. (In Russ.)]
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 713 с. [Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2015, 713. (In Russ.)] EDN: NKSAKP
5. Узнадзе Д. Н. Общая психология. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. 413 с. [Uznadze D. N. *General psychology*. Moscow: Smysl; St. Petersburg: Piter, 2004, 413. (In Russ.)]
6. Купцова О. В. Внимание как особый психический процесс. *Проблемы современной науки и образования*. 2017. № 20. С. 83–85. [Kuptsova O. V. Attention as a special mental process. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2017, (20): 83–85. (In Russ.)] EDN: YPASCZ
7. Верхотурова Н. Ю., Литвинова А. Г. Теоретические аспекты изучения проблемы внимания в психологии. *Наука и социум: XVI Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Новосибирск, 17 марта 2021 г.)* Новосибирск: СИПППИСР, 2021. С. 41–47. [Verkhoturova N. Yu., Litvinova A. G. Theoretical aspects of studying the problem of attention in psychology. *Science and society: Proc. XVI All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Novosibirsk, 17 Mar 2021*. Novosibirsk: SIPPPIISR, 2021, 41–47. (In Russ.)] EDN: HQQQGV
8. Крамаренко А. С., Клименко М. Е., Кураева Д. А. Сущность понятия «внимание»: виды, критерии, свойства. *Вопросы науки и образования*. 2018. № 29. С. 136–138. [Kramarenko A. S., Klimenko M. E., Kuraeva D. A. The essence of the concept of attention: types, criteria, and properties. *Voprosy nauki i obrazovaniia*, 2018, (29): 136–138. (In Russ.)] EDN: YQXQX
9. Немов Р. С. Психология. Кн. 1: Общие основы психологии. 4-е изд. М.: ВЛАДОС, 2003. 688 с. [Nemov R. S. *Psychology. Book 1: General fundamentals of psychology*, 4th ed. Moscow: VLADOS, 2003, 688. (In Russ.)] EDN: QXFPSR
10. Куркина Е. А. Проблема развития внимания старших дошкольников. *Проблемы педагогики*. 2017. № 9. С. 55–56. [Kurkina E. A. The problem of attention development of senior preschoolers. *Problemy pedagogiki*, 2017, (9): 55–56. (In Russ.)] EDN: ZXPCSB
11. Психология внимания, под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: ЧеРо, 2001. 858 с. [*Psychology of attention*, eds. Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. Moscow: CheRo, 2001, 858. (In Russ.)]
12. Дормашев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. М.: Трикола, 1995. 347 с. [Dormashev Yu. B., Romanov V. Ya. *Psychology of attention*. Moscow: Trivola, 1995, 347. (In Russ.)]
13. Фаликман М. В. Общая психология. Т. 4. Внимание. М.: Академия, 2006. 480 с. [Falikman M. V. *General psychology. Vol. 4. Attention*. Moscow: Akademiia, 2006, 480. (In Russ.)]
14. Худайгулова Г. Р. Наблюдение как метод исследования концентрации внимания детей старшего дошкольного возраста. *Педагогическое образование в России*. 2016. № 7. С. 266–273. [Hudaygulova G. R. Observation as a method for studying concentration of attention of preschoolers. *Pedagogical Education in Russia*, 2016, (7): 266–273. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po16-07-37>
15. Оконешникова А. В., Чапогир Л. С. Особенности внимания младших школьников и пути развития их произвольного внимания. *European Research*. 2016. № 1. С. 108–111. [Okoneshnikova A. V., Chapogir L. S. Particular attention to younger students and the development of voluntary attention. *European Research*, 2016, (1): 108–111. (In Russ.)] EDN: VKBBRJ
16. Рыбалко Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология. Л.: Ленингр. ун-т, 1990. 256 с. [Rybalko E. F. *Age and differential psychology*. Leningrad: Leningrad University, 1990, 256. (In Russ.)]
17. Верхотурова Н. Ю., Литвинова А. Г., Антошечкина Г. К. Особенности произвольного внимания учащихся младшего школьного возраста с задержкой психического развития. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 5-1. С. 203–213. [Verkhoturova N. Yu., Litvinova A. G., Antoshechkina G. K. Features of voluntary attention of students of primary school age with mental retardation. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, (5-1): 203–213. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2020.46.5.020>
18. Хохлов Н. А., Яремченко П. И. Половые различия в состоянии высших психических функций у детей и подростков 4–17 лет. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2021. № 1. С. 73–93. [Khokhlov N. A., Yaremchenko P. I. Sex differences in the state of higher mental functions in children and adolescents aged 4–17 years. *Vestn. pedagog. psihol. Ūzn. Sib.*, 2021, (1): 73–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-1-73-93>

19. Волков Б. С. Психология подростка. М.: Академический проект, 2017. 240 с. [Volkov B. S. *Teenage psychology*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2017, 240. (In Russ.)]
20. Логинова Е. С. Особенности интеллектуального развития мальчиков и девочек 6–10 лет. *Новые исследования*. 2013. № 4. С. 52–66. [Loginova E. S. Intellectual development of boys and girls at the age of 6–10 y.o. *Novye issledovaniya*, 2013, (4): 52–66. (In Russ.)] EDN: TRULTX
21. Волченко Н. С. Особенности внимания и памяти в юношеском возрасте. *Инновационные аспекты развития науки и техники: V Междунар. науч.-практ. конф.* (Саратов, 28 февраля 2021 г.) Саратов: Цифровая наука, 2021. С. 366–371. [Volchenko N. S. Features of attention and memory in adolescence. *Innovative aspects of the development of science and technology: Proc. 5th Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 28 Feb 2021*. Saratov: Tsifrovaiia nauka, 2021, 366–371. (In Russ.)] EDN: FKTGOE
22. Молчанова Л. Н., Корсунова Е. Д. Гендерные особенности структурной организации внимания у детей дошкольного возраста. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 37. № 2. С. 336–347. [Molchanova L. N., Korsunova E. D. Gender peculiarities of structural organization of attention in children of preschool age. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2018, 37(2): 336–347. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2018-37-2-336-348>
23. Егорова М. С., Шляхта Н. Ф. Половые различия в структуре свойств внимания у подростков. *Новые исследования в психологии*. 1987. № 2. С. 33–36. [Egorova M. S., Shlyakhta N. F. Sex differences in the structure of attention properties in teenagers. *Novye issledovaniia v psikhologii*, 1987, (2): 33–36. (In Russ.)]
24. Ядрищенская Т. В. Корреляционные отношения и гендерные особенности характеристик внимания. *Ученые записки ЗабГУ*. 2015. № 1. С. 155–160. [Yadrishchenskaya T. V. The correlation relationship and gender characteristics of attention. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2015, (1): 155–160. (In Russ.)] EDN: TNGOXT
25. Вятлева О. А. Нейробиологические особенности мальчиков и девочек (научный обзор). *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*. 2016. № 2. С. 12–17. [Vyatleva O. A. Neurobiological features of boys and girls (scientific review). *Questions of school and university medicine and health*, 2016, (2): 12–17. (In Russ.)] EDN: WIBQON

оригинальная статья

Технологии обучения деловому английскому языку студентов с нарушениями зрения

Градалева Екатерина Александровна

Самарский государственный технический университет, Россия, Самара

<https://orcid.org/0000-0003-1527-6694>

katerina-888@bk.ru

Поступила 28.06.2022. Принята после рецензирования 11.11.2022. Принята в печать 14.11.2022.

Аннотация: Представлена структура и обосновано дидактическое предназначение учебно-методических материалов для обучения деловому английскому языку лиц с нарушениями зрения. Цель – разработать электронное учебное пособие для обучения иностранному языку лиц с ограниченными возможностями здоровья, которое позволит им не только получать знания в процессе самостоятельной работы, но и взаимодействовать с другими участниками образовательного процесса. Изучен мировой опыт адаптации учебно-методических материалов для инклюзивного образования, проведен теоретический анализ, позволяющий выявить основные тенденции создания адаптированных ресурсов. В результате разработано электронное пособие, удовлетворяющее всем требованиям, предъявляемым для обучения студентов с нарушениями зрения. За счет цифровых технологий обеспечена легкая навигация по разделам, пособие характеризуется доступностью словаря, примеров использования конструкций, простотой изложения теоретического материала и лаконичностью формулировок заданий, предусмотрена система тестирования приобретенных знаний. Доказана эффективность способов подачи материала. Показано, каким образом теория и практика, представленные в аудиоформате, способствуют активному усвоению официально-деловой лексики на слух.

Ключевые слова: учебно-методические материалы, инклюзивное образование, высшее образование, ограниченные возможности здоровья, адаптивное обучение, дистанционное обучение, цифровые технологии, аудиоформат

Цитирование: Градалева Е. А. Технологии обучения деловому английскому языку студентов с нарушениями зрения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-14-20>

full article

Study Materials for Teaching Business English to Visually-Impaired Students

Ekaterina A. Gradaleva

Samara State Technical University, Russia, Samara

<https://orcid.org/0000-0003-1527-6694>

katerina-888@bk.ru

Received 28 Jun 2022. Accepted after peer review 11 Nov 2022. Accepted for publication 14 Nov 2022.

Abstract: The article deals with the assistive technologies that can be used by visually-impaired students to master Business English. The research aimed at developing a special academic course that would allow visually-challenged students to interact with their groupmates during distance learning. The author developed an audio book called Business English: Audio Materials for Visually-Impaired Students and based the new course on the existing assistive technologies. The book includes audio materials, e.g., lectures, examples of business communication, exercises with answer keys, extra tasks with answer keys, a final test, and an audio dictionary of business vocabulary. The course can be taught as tutorials or independently. The teaching and presenting methods proved effective and satisfy the requirements for educational courses for the blind and visually impaired people. The article shows the way the theory and practice presented in the audio format can facilitate the process of learning business vocabulary by listening.

Keywords: study materials, inclusive education, higher education, health limitations, adaptive learning, distance learning, digital technologies, audio format

Citation: Gradaleva E. A. Study Materials for Teaching Business English to Visually-Impaired Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki,* 2023, 7(1): 14–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-14-20>

Введение

Государство поставило перед высшими учебными заведениями важную задачу – повысить качество образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), что осложнено трудными и частично нерешенными аспектами.

Цель нашей работы – разработать электронное учебное пособие для обучения иностранному языку лиц с нарушениями зрения, которое позволит им не только получать знания в процессе самостоятельной работы, но и взаимодействовать с другими участниками образовательного процесса. Актуальность работы определяется низкой доступностью информации – основная часть образовательных ресурсов существует только в визуальном формате [1, с. 65].

В Самарском государственном техническом университете (СамГТУ) ведется активная исследовательская деятельность в сфере инклюзивного образования, позволяющая разрабатывать качественные адаптированные образовательные ресурсы по различным направлениям подготовки, создавать программы психологической поддержки лиц с ОВЗ [2, с. 41]. Специалисты в области педагогики и психологии в 2019 г. провели исследование, показавшее степень осведомленности студентов и преподавателей СамГТУ о возможностях инклюзивного образования. Было опрошено 467 респондентов. Результаты выявили низкий уровень информированности и средний – по эмоциональному и поведенческому аспектам. Ответы на открытые вопросы говорят о положительном отношении к развитию инклюзивной культуры в СамГТУ [2, с. 42].

Сегодня важно не только расширять возможности образования людей с нарушениями зрения с учетом новых IT-технологий, но и разрабатывать дидактические материалы, которые будут использоваться преподавателями при обучении таких студентов. Как отмечают Ю. В. Мелихов и Г. В. Тугулева, необходимо в целом адаптировать учебные программы и образовательную среду к применению цифровых технологий для наилучшего удовлетворения потребностей лиц с нарушениями зрения [3, с. 13].

Соответственно, нашим комплексным решением вопроса об инклюзивном образовании является и разработка учебных материалов, адаптированных для студентов с нарушениями зрения, и внедрение вспомогательных технологий в проводимые научные и творческие мероприятия по иностранному языку, одним из которых является ежегодный конкурс презентаций на английском языке [4].

В данной работе описываются процессы создания и реализации электронного пособия по деловому английскому языку, которое может быть использовано при очном и дистанционном обучении, а также при самостоятельной работе, т. к. имеет аудиоответы (см. [5]). Все аспекты теории и практики, предложенные в аудиоформате, разработаны с учетом потребностей лиц с нарушениями зрения и способствуют активному усвоению официально-деловой лексики на слух.

Теоретические основы исследования

В настоящее время появляется все больше работ, которые посвящены проблеме применения адаптивных технологий при обучении студентов с нарушениями зрения. В них описываются социально-психологические аспекты адаптации [6–9], варианты учебно-методического обеспечения [10–13], моделирование компьютерно-ориентированной среды для лиц с ОВЗ [14–17]. За рубежом активно развиваются организации, которые занимаются вопросами инклюзии при организации социальных, научных и творческих мероприятий¹.

При создании учебно-методических материалов необходимо, прежде всего, учитывать психологические особенности и возможные проблемы адаптации студентов с ОВЗ. Специалисты отмечают у них низкую самооценку, неспособность работать с новыми цифровыми средствами, ощущение отчуждения, отсутствие коммуникации со сверстниками [9, р. 14]. При адаптации учебных материалов для лиц с ОВЗ меняются как методы подачи материала, так и стиль обучения. В то же время нормы и требования должны соответствовать заявленным в учебной программе и предъявляемым остальным студентам потока [18, р. 59].

С учетом особых потребностей студентов с ОВЗ выделяют ряд условий, обязательных при работе с ними. Первостепенное значение имеют материально-техническая база и адаптация учебного материала. Обучение следует начинать с особой подготовки к усвоению программы, уделяя значимое внимание формированию мотивации [19]. Важно учитывать необходимость индивидуализации обучения, а также объем и форму выполнения работ. В целом студентам с ОВЗ необходимо больше времени для усвоения информации и выполнения упражнений [20, с. 116].

Электронные пособия для студентов с нарушениями зрения должны соответствовать педагогическим и офтальмологическим требованиям. Основу всегда составляет принятый образовательный стандарт. Содержание следует разрабатывать с использованием современных достижений тифлопедагогики. Информацию необходимо адаптировать к уровню знаний и индивидуальных особенностей каждого незрячего или слабовидящего студента. Кроме того, по принципу коррекционной направленности обучения пособие должно быть ориентировано на развитие познавательных процессов, внимания, памяти, мышления и речи с учетом особенностей восприятия лиц с нарушениями зрения [21, с. 206].

По мнению Е. Н. Соломиной и Т. В. Шевыревой, при создании учебно-методических пособий необходимо учитывать, что для усвоения материала студентами с ОВЗ значима сама информация. Это возможность применения полученных знаний на практике в различной этнокультурной среде. На первом месте у них находится осознание возможности профессиональной самореализации [20, с. 118].

¹ American Foundation for the Blind. URL: www.afb.org; Vision Australia. URL: www.visionaustralia.org; The Voice of Blind and Partially Sighted People in Europe. URL: www.euroblind.org/events/rehabblind-poland-2021 (accessed 15 Jun 2022).

Примером материалов, разработанных для лиц с нарушениями зрения, служит учебно-методический комплекс «Практический курс испанского языка для начинающих для студентов с ОВЗ (с нарушениями зрения)», созданный преподавателями Южного федерального университета. В основе лежит авторская методика GalaxiaEspiral, которая способствует не только усвоению информации, но и социализации обучаемого, а также формированию положительного отношения к изучению языка [22, с. 68].

В начале обучения при представлении примеров использования лексики и грамматики в речи происходит неосознанное восприятие нового материала. Далее лексические и грамматические явления предъявляются повторно, и, когда студент способен легко узнавать эти явления в контексте, преподаватель детально объясняет материал. Затем полученные знания применяются на практике – студенты анализируют реализацию изучаемого явления в разнообразных коммуникативных ситуациях. После этого преподаватель еще раз более детально объясняет материал. Так, у студентов с ОВЗ формируются компетенции, необходимые для делового общения на иностранном языке в различных коммуникативных контекстах [22, с. 71].

Т. Н. Семеновой разработано учебное пособие для студентов, проходящих подготовку по направлению 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование. Автор описывает интерактивные компьютерные программы и адаптивные технологии, применяемые в коррекционной работе. Рассматривается назначение и содержание цифровых продуктов для обучения, развития, социализации и коммуникации лиц с нарушениями слуха, зрения, речи. Предложены методические рекомендации по созданию мультимедийных презентаций в инклюзивном образовании [23].

Методическое пособие «Школа театрального тифлокомментатора» создано для сотрудников учреждений культуры, обеспечивающих посредством тифлокомментирования доступность разнообразных культурно-массовых и театральных мероприятий для гостей с нарушениями зрения. Авторы описывают особенности восприятия явлений окружающего мира лицами с различными нарушениями зрения. Анализируются проблемы, которые могут возникнуть при тифлокомментировании, а также эффективные способы взаимодействия с незрячими и слабовидящими [24].

В научной литературе описано немало адаптивных цифровых технологий, применяемых в процессе обучения лиц с нарушениями зрения. Для улучшения восприятия материала по иностранному языку И. Р. Абкадырова и М. А. Шевцова предлагают размещать аудиолекции на открытой платформе Sterik.ru. Здесь можно освоить курс дистанционно и прослушать объяснение материала

необходимое количество раз. Авторы советуют дополнять аудиоматериалы упражнениями и тестом, на который платформа позволяет задавать определенный временной промежуток [22, с. 72].

Также доступна платформа Moodle, на которой возможно представлять информацию в различных форматах. Ученые из Испании и Финляндии проверили эффективность данной технологии на лицах с ОВЗ – их успеваемость стала лучше на 45 % [15]. Виртуальная среда Moodle послужила основой для создания образовательного инструмента на смартфонах с системой Android. При помощи приложения лица с нарушениями зрения могут общаться на форуме и в чате в режиме реального времени. Данная технология позволяет сделать обучение более гибким, комфортным и доступным [16]. По нашему мнению, важными задачами сейчас должны стать формирование осведомленности лиц с ОВЗ о возможных цифровых технологиях, приложениях, которые могут использоваться для образовательных целей, а также разработка такого рода средств.

Методы и материалы

Инструментарий исследования включает как эмпирические, так и теоретические методы. С одной стороны, был изучен мировой опыт адаптации учебно-методических материалов для лиц с нарушениями зрения, в частности, опыт американского фонда для слепых², австралийской организации для незрячих и слабовидящих³, Санкт-Петербургской библиотеки для слепых и слабовидящих⁴, Всероссийского общества слепых⁵. Использовались методы наблюдения и беседы с представителями перечисленных организаций, были рассмотрены продукты их деятельности. С другой стороны, проведен анализ социально-педагогической и психологической литературы посредством изучения литературных источников и логического обобщения – индукции и дедукции. Теоретический анализ позволил сопоставить данные, полученные эмпирическим путем, с научно обоснованными фактами, установить степень их достоверности, выявить тенденции в адаптации учебных материалов для лиц с ОВЗ, определить наиболее оптимальные компоненты разрабатываемого электронного пособия.

Результаты

Электронное учебное пособие «Деловой английский язык (аудиоматериалы для лиц с нарушениями зрения)» издано в СамГТУ в 2021 г. Включает 16 тем и проверочный тест. Минимально может быть пройдено за 36 ч. аудиторной работы и 36 ч. самостоятельной работы (72 ч.) без учета дополнительной работы. Рекомендованное время освоения материала – 144 ч.

² American Foundation for the Blind. URL: www.afb.org (accessed 15 Jun 2022).

³ Vision Australia. URL: www.visionaustralia.org (accessed 15 Jun 2022).

⁴ Санкт-Петербургская государственная специальная центральная библиотека для слепых «Точки зрения». URL: www.gbs.spb.ru (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых. URL: www.vos.org.ru (дата обращения: 20.06.2022).

Основу разработанного электронного учебного пособия составляют апробированные учебно-методические материалы для обучения деловому английскому языку студентов направления 08.03.01 Промышленное и гражданское строительство [25]. При разработке пособия для лиц с ОВЗ использовался аналогичный теоретический материал, однако примеры коммуникативных ситуаций и деловых писем были изменены с целью обучения не только строителей, но и студентов других специальностей, в том числе гуманитарного профиля.

Упражнения были адаптированы для лиц с нарушениями зрения с учетом их специфических образовательных потребностей, которые заключаются в развитии познавательной активности и мотивации к обучению, обеспечении коммуникативной деятельности, обогащении эмоциональной сферы, преодолении формализма знаний, совершенствовании навыков самостоятельной работы и восприятия информации на слух. Для студентов с ОВЗ ключевую роль играет осознание значимости получаемой информации, понимание возможности ее дальнейшего применения. Поэтому в каждый раздел включены задания, благодаря которым будущие специалисты могут апробировать приобретенные навыки и умения на практике в ситуациях профессиональной деятельности.

При создании учебно-методических материалов на первый план были выдвинуты педагогические принципы, являющиеся приоритетными для достижения задач инклюзивного образования.

Принцип гуманизации реализуется путем личностно-ориентированного обучения, удовлетворения специфических потребностей студентов с ОВЗ, интеграции в коммуникативный процесс в рамках проектной деятельности, обеспечения принятия их членами коллектива, предоставления права выбора деятельности и роли при выполнении творческих заданий. В коррекционной педагогике данный принцип оказывается тесно связанным с принципом природосообразности, сущность которого состоит во внимательном отношении к природе обучаемого, его состоянию здоровья и уровню его социального развития.

Принцип интегративности определяет активную роль лиц с ОВЗ в учебном процессе. Они не являются социально обособленными, а участвуют во всех видах деятельности наравне с остальными студентами потока. Разработанное нами учебное пособие существует в двух форматах: аудиоверсия и печатное издание – текстовая версия всех аудиозаписей. Таким образом, лица с нарушениями зрения занимаются по такому же учебному пособию, как и весь поток студентов. Часть работы осуществляется дистанционно в виде самостоятельного изучения материала и выполнения упражнений. Время от времени студенты с ОВЗ объединяются с основным потоком курса для создания творческих работ и онлайн-проектов.

Принцип субъектности и активности заключается в том, что совместная деятельность позволяет лицам с ОВЗ научиться проявлять личную инициативу, показывать свою

позицию. Очень важно учитывать его при планировании учебной деятельности с такими студентами, поскольку им свойственно чувство отчужденности из-за отсутствия коммуникации, низкая способность работать в команде и брать на себя ответственность.

Принцип культуросообразности обеспечивает формирование картины мира, отношения к культуре, обществу и самому себе. Аутентичный материал, отобранный для учебного пособия, отражает особенности лингвокультуры страны изучаемого языка в сравнении с родной. Рассматриваются специфика официально-делового стиля английского языка и правила перевода, особенности делового этикета в различных культурах, устройство на работу и достижение положительных результатов на собеседовании, культура составления письменных деловых сообщений, структура зарубежных компаний и особенности управления. Изучаются стандарты ведения деловых переговоров с использованием современных средств конференц-связи: Skype, Zoom, Go-to-Meeting и др.

Принцип активности и сознательности обеспечивается благодаря практико-ориентированной направленности обучения. Для лиц с ОВЗ особенно значимым является осознание возможностей профессиональной самореализации, поэтому в учебное пособие включено большое количество примеров реальных ситуаций делового общения, коммуникативные и проектные задания, играющие важную роль в отработке базовых речевых моделей. Например, в разделе 2 главы 2 необходимо послушать текст о компании Turner Construction Company и определить, какой тип корпоративной культуры в ней реализуется. Далее предложено составить диалог, в котором один из собеседников работает в Turner Construction Company, а другой заинтересован компанией и задает вопросы о ней. Ему следует узнать: 1) крупная ли компания; 2) основной вид деятельности; 3) где находится главный офис; 4) основные корпоративные ценности. Упражнения такого рода можно выполнять индивидуально, записывая придуманный диалог на диктофон, либо с сокурсниками, используя средства конференц-связи. В разделе 3 главы 6 студентам предлагается представить, что они работают в крупной компании в своей профессиональной сфере. Необходимо описать, какую должность они хотели бы иметь, рассказать о том, что делают, чем занимается отдел в целом.

Принцип единства сознания и деятельности, реализуемый в нашем учебном пособии, заключается в том, что опыт, приобретенный в ситуациях, моделирующих решение профессиональных задач, порождает мотивы студента к дальнейшей деятельности, определяет его поведение, формирует умение ставить цели. Практико-ориентированной деятельностью мы формируем личность и можем повлиять на ее психическое развитие, что очень важно при работе с лицами с ОВЗ.

Принцип создания перспектив движения к новым целям при разработке учебных материалов для инклюзивного обучения необходимо учитывать в связи с тем, что студенты

с ОВЗ чаще остальных нуждаются в одобрении своей деятельности. Наше учебное пособие ориентирует будущих специалистов на новые свершения, они постепенно переходят от более простой задачи к более сложной и объемной. При этом студенты чувствуют свое продвижение вперед, реализуя себя в совместной деятельности с сокурсниками и представляя свои проекты.

Принцип доступности предъявляемой информации реализуется путем представления материалов в аудиоформате и обеспечения легкой навигации по учебному пособию. Материал внутри каждой темы изложен в следующей последовательности: аудиозапись лекции с примерами использования новых лексических и грамматических конструкций в речи, упражнения с ответами, дополнительные материалы на отработку пройденной темы с ответами. Каждое упражнение и каждый ответ оформлены в виде отдельных файлов. В содержании озвучены номера упражнений, глав и разделов. Названия лекций также даны с указанием номеров глав и разделов (например: Аудио 136. Лекция. Глава 6. Типы компаний в англоязычных странах и их структура. Раздел 6.2. Типы компаний в США). Учебное пособие имеет аудиословарь клишированных выражений, который помогает обучающемуся подобрать наиболее подходящий вариант фразы для конкретной коммуникативной цели. Качество усвоения материала проверяется при помощи аудиотеста. Тест разделен на разделы и на отдельные аудиозаписи, после прослушивания и выполнения которых есть возможность ознакомиться в аудиоформате с правильными ответами.

Предусмотрено два варианта работы с пособием. В случае работы с преподавателем файлы с ответами скрыты от студента, а педагог получает его ответы на упражнения в виде записанных им аудиофайлов. При самостоятельном изучении пособия студент слушает теорию, выполняет упражнения и проверяет свои ответы путем прослушивания правильных ответов после каждого задания. Упражнения творческого характера, не предусматривающие однозначный ответ, не включены в раздел с ответами. Ответы на них предлагается записывать и отправлять преподавателю на проверку или в групповые чаты с сокурсниками для обсуждения.

Учитывая тот факт, что незрячие студенты не смогут выполнять упражнения письменно, самопроверка некоторых из них запланирована при использовании диктофона. Например, в разделе 2 главы 2 дано упражнение на усвоение лексики. В наушниках предлагается прослушать слова и фразы (*trade, lap top, industrial and commercial ownership, environmental awareness, investment, franchise operations, productive potential, economic development, data transmission, free market*), которые необходимо разделить по трем тематическим категориям (Multinational Corporations, Information Technologies, Politics). Повторяя за автором, следует записать на диктофон фразы каждой категории отдельно. В аудиофайле с ответами автор также дифференцирует лексику по трем категориям, поэтому проверка выполненного задания не вызывает трудностей.

Особым образом в разработанном электронном пособии решена проблема дополнения предложений, которая также возникает по причине того, что все упражнения запланировано выполнять на слух. Например, одно из заданий раздела 2 главы 6 содержит 2 части. В части 1 предлагается прослушать 6 предложений три раза и запомнить причинно-следственную связь. Так, в аудио звучит: *What makes a good company? There are regular meetings with the boss so that you are informed about the events in the company.* Далее в части 2 представлена только часть фразы: *There are regular meetings with the boss so that you are informed about.* Предложения необходимо дополнить так, как было в оригинале в части 1. Ответы записываются на диктофон. Затем студенты сравнивают свои ответы с оригиналом. Такого рода задание выполняет несколько функций: и отработку грамматической конструкции *so that*, и запоминание новой официально-деловой лексики. Для закрепления материала студента просят в последующем упражнении составить еще 3 типичных предложения о том, что смогло бы принести удовлетворение на работе, используя изучаемую грамматическую конструкцию *so that*.

Большая часть упражнений носит тестовый характер и имеет варианты ответов. Это объясняется тем, что такой тип заданий представляется нам наиболее легким в выполнении и проверке на слух. Однако в пособии существуют и интерактивные упражнения, различного рода игры, которые способствуют формированию мотивации у студентов и помогают в усвоении материала. Например, в одном задании предлагается послушать отрывок из функционального резюме, порассуждать и угадать, на какую должность хочет устроиться специалист; в другом – послушать ответы соискателя и отгадать, какие вопросы задавал интервьюер в каждом случае (возможные вопросы приведены в лекции к уроку). В дополнительных материалах можно найти шуточный диалог представителей китайской и американской культур, по-разному воспринимающих время (*polychrone time VS monochrome time*). Требуется найти объяснение возникшим при переговорах проблемам: почему дело никогда не будет закончено, и чем они раздражали друг друга. При апробации материала задание вызвало у студентов особый интерес, активную дискуссию и множество вариантов развития ситуации.

Итак, эффективность обучения обеспечивается за счет выборки изучаемых тем, охватывающих культурный контекст, выполнения упражнений аналитического и творческого характера, подготовки коммуникативных заданий по пройденному материалу, создания небольших проектов, работы как индивидуально с преподавателем, так и в мини-группах на интернет-платформе. Разработанное нами учебное пособие не только содействует формированию различных умений и навыков, но и активно развивает способность запоминать, логическое и абстрактное мышление, направлено на повышение мотивации к изучению делового английского языка.

Заключение

Сегодня достаточно много исследователей пишут об актуальности создания новых возможностей для лиц с ограниченными возможностями здоровья, включающих дистанционные курсы, электронные учебные пособия, аудиоматериалы, технологические решения для образовательных целей [2; 8; 13; 15–17; 20; 26].

Представленное электронное пособие по деловому английскому языку для лиц с нарушениями зрения соответствует всем требованиям, описанным в современных работах по инклюзивному образованию [21–23]. При создании материалов на первый план были выдвинуты следующие педагогические принципы: гуманизации, природосообразности, интегративности, доступности, субъектности и активности, культуросообразности, активности и сознательности, единства сознания и деятельности, создания перспектив движения к новым целям.

Учебный материал создан с учетом образовательных возможностей и особых потребностей студентов с нарушениями зрения. За счет цифровых средств обеспечена легкая навигация по разделам учебного пособия. Оно характеризуется доступностью словаря и примеров использования конструкций, простотой изложения теоретического материала, лаконичностью формулировок упражнений. Предусмотрена система тестового контроля приобретенных

знаний. Во время обучения лицам с ОВЗ важно осознавать возможность профессиональной самореализации, поэтому во все разделы включены задания, направленные на активное использование приобретенных навыков и умений на практике в деловой коммуникации.

Поскольку особое место в организации учебного процесса занимает самостоятельная работа студентов с ОВЗ, в ближайшее время планируется создать методические рекомендации для обучающихся в аудиоформате.

Подобные учебные материалы имеют огромный потенциал. Они создаются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, позволяют студентам с ОВЗ получать высшее образование наравне с другими, быть активными участниками учебного процесса, понимать, что у них есть профессиональное будущее, и действительно впоследствии становиться конкурентоспособными на рынке труда.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Малахов С. В., Сыркин А. Д. Методические подходы к классификации ассистивных технологий, реализуемых в интересах повышения качества жизни лиц с глубокими нарушениями зрения. *Вестник восстановительной медицины*. 2015. № 2. С. 65–68. [Malakhov S. V., Syrkin L. D. Methodological approach to the classification of assistive technology to be implemented in order to enhance the quality of life of visually impaired with a deep. *Bulletin of Rehabilitation Medicine*, 2015, (2): 65–68. (In Russ.)] EDN: UFZMZR
2. Бакшутова Е. В. Инклюзия как цель и ценность университета. *Инклюзия для всех: социальная инклюзия в современном социокультурном пространстве: Междунар. модульная науч.-практ. конф.* (Самара, 23 марта – 13 мая 2020 г.) Самара: Самар. ун-т, 2020. С. 41–43. [Bakshutova E. V. Inclusion as the aim and value of the university. *Inclusion for everyone 2020: social inclusion in modern social and cultural space: Proc. Intern. Modular Sci.-Prac. Conf.*, Samara, 23 Mar – 13 May 2020. Samara: Samara University, 2020, 41–43. (In Russ.)] EDN: XOJMTJ
3. Мелихов Ю. В., Тугулева Г. В. Новые цифровые решения в обучении людей с нарушением зрения в современной инклюзивной образовательной среде. *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2022. Т. 6. № 1. С. 12–18. [Melikhov Yu. V., Tuguleva G. V. New digital solutions in inclusive educational environment for people with visual impairment. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, 2022, 6(1): 12–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2022-6-1-12-18>
4. Градалева Е. А., Хьюстон М. Стратегии проведения дистанционных научных мероприятий для лиц с нарушениями зрения. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки»*. 2021. Т. 18. № 4. С. 35–44. [Gradaleva E. A., Houston M. Strategies of planning online scientific projects for blind and visually impaired students. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021, 18(4): 35–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.4.3>
5. Градалева Е. А. Деловой английский язык: учебное пособие для лиц с ОВЗ (аудиоматериалы для лиц с нарушениями зрения). Самара: СамГТУ, 2021. 134 с. [Gradaleva E.A. *Business English: audio materials for visually-impaired students*. Samara: SSTU, 2021, 134. (In Russ.)]
6. Алехина С. В. Золотое сечение: психологическая канва инклюзии. *Инклюзивное образование*, сост. М. Р. Битянова. М.: Клас. рук-во и воспитание школьников, 2015. С. 11–17. [Alekhina S. V. Golden ratio: psychological canvas of inclusion. *Inclusive education*, comp. Bityanova M. R. Moscow: Klas. ruk-vo i vospitanie shkolnikov, 2015, 11–17. (In Russ.)] EDN: VPJPTZ
7. Пекпаева М. А. Информационное общество: современные реалии и проблемы развития. *Вопросы политологии*. 2020. Т. 10. № 11. С. 3364–3374. [Pekpaeva M. A. Information society: modern realities and development problems. *Voprosy politologii*, 2020, 10(11): 3364–3374. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.11.035>

8. Battistin T., Mercuriali E., Zanardo V., Gregori D., Lorenzoni G., Nasato L., Reffo M. E. Distance support and online intervention to blind and visually impaired children during the pandemic COVID-19. *Research in Developmental Disabilities*, 2021, 108. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103816>
9. Asrorov I. F. o'g'li. Problems and solutions of teaching classes with blind students. *Proceedings of 8th International Multidisciplinary Scientific Conference on Innovative Technology*, Manchester, 25 May 2021. 2021, vol. 26, iss. 1, 13–15.
10. Айсмонтас Б. Б., Панюкова С. В., Сaitгалieва Г. Г. Учебно-методическое сопровождение обучения студентов с инвалидностью в вузе. *Психологическая наука и образование*. 2017. Т. 22. № 1. С. 60–70. [Aismontas B. B., Panyukova S. V., Saitgalieva G. G. Academic support of students with disabilities in university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2017, 22(1): 60–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2017220108>
11. Рогалева Е. В., Соловьева Д. С. Инновационные технологии в инклюзивном образовании. *Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: VI Всерос. науч. конф. с Междунар. уч.* (Иркутск, 22 апреля 2022 г.) Иркутск: ИГУ, 2022. С. 253–258. [Rogaleva E. V., Solovieva D. S. Innovative technologies in inclusive education. *Social processes in modern Russian society: problems and prospects*. Proc. 6th All-Russian Sci. Conf. with the Intern. Participation, Irkutsk, 22 Apr 2022. Irkutsk: ISU, 2022, 253–258. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2032-5.2022.1-490>
12. Fansury A. H., Lutfin N., Arsyad S. N. Audio books as teaching media to blind students in learning EFL. *Klasikal: Journal of Education, Language Teaching and Science*, 2019, 1(1): 1–9. <https://doi.org/10.52208/klasikal.v1i1.4>
13. Fayziyeva M. Ch. Creating materials on the basis of an integrated approach to English language teaching for blind teenagers. *Spanish Journal of Innovation and Integrity*, 2022, 7: 296–301.
14. Khan A., Khusro S. An insight into smartphone-based assistive solutions for visually impaired and blind people: issues, challenges and opportunities. *Universal Access in the Information Society*, 2021, 20(2): 265–298. <https://doi.org/10.1007/s10209-020-00733-8>
15. Batanero C., De-Marcos L., Holvikivi J., Hilera J. R., Otón S. Effects of new supportive technologies for blind and deaf engineering students in online learning. *IEEE Transactions on Education*, 2019, 62(4): 270–277. <https://doi.org/10.1109/TE.2019.2899545>
16. Luna A. Da Silva, Jatoba P. I. B., Viana T., Pacheco F. Implementing an Android tool for visually impaired students of e-learning. *International Journal of Engineering Research and Applications*, 2016, 6(4): 95–99.
17. Samigulina G. A., Shayakhmetova A. S. Smart-system of distance learning of visually impaired people based on approaches of artificial intelligence. *Open Engineering*, 2016, 6(1): 359–366. <https://doi.org/10.1515/eng-2016-0051>
18. Abduvokhidova Sh. A. Teaching English as a second language to visually impaired or blind students. *Journal of Pedagogical Inventions and Practices*, 2021, 2(2): 57–59.
19. Богданова Т. М. Структурная организация интеллектуальной деятельности лиц с нарушениями слуха на разных этапах психического развития: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2010. 42 с. [Bogdanova T. M. *Structural organization of intellectual activity of the hearing-impaired at different stages of cognitive development*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2010, 42. (In Russ.)] EDN: QGWDJN
20. Соломина Е. Н., Шевырева Т. В. Обеспечение качества высшего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. *Специальное образование*. 2019. № 4. С. 114–129. [Solomina E. N., Shevyreva T. V. Provision of high quality higher education for students with disabilities. *Special Education*, 2019, (4): 114–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/sp19-04-10>
21. Попова Т. М. Информационные технологии в обучении лиц с нарушением зрения. *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 2. С. 205–210. [Popova T. M. Information technology in the training of persons with visual impairment. *Kazan Pedagogical Journal*, 2020, (2): 205–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34772/KPJ.2020.139.2.028>
22. Абкадырова И. Р., Шевцова М. А. Об опыте составления учебно-методического комплекса по испанскому языку для обучающихся с нарушением зрения. *Наука и школа*. 2020. № 3. С. 68–73. [Abkadyrova I. R., Shevtsova M. A. On the experience of developing educational and methodological material on the Spanish language for students with visual impairment. *Nauka i shkola*, 2020, (3): 68–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-3-68-73>
23. Интерактивные компьютерные программы и ассистивные информационные технологии в коррекционной работе, сост. Т. Н. Семенова. Чебоксары: ЧГПУ, 2021. 195 с. [Interactive computer programs and assistive information technologies in correctional work, comp. Semenova T. N. Cheboksary: CSPU, 2021, 195. (In Russ.)] EDN: PGBAOL
24. Ростомашвили И. Е. Школа театрального тифлокомментатора. СПб.: КАРО, 2022. 42 с. [Rostomashvili I. E. *The school of the theatrical audio describer*. St. Petersburg: KARO, 2022, 42. (In Russ.)] EDN: QKWWJE
25. Градалева Е. А. Деловой английский язык для инженеров-строителей. Самара: СГАСУ, 2015. 220 с. [Gradaleva E. A. *Business English for civil engineers*. Samara: SGASU, 2015, 220. (In Russ.)] EDN: UWSWUH
26. Lintangari A. P., Emaliana I. Inclusive education services for the blind: values, roles, and challenges of university EFL teachers. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*, 2020, 9(2): 439–447. <http://doi.org/10.11591/ijere.v9i2.20436>

оригинальная статья

Этнокультура в системе духовно-нравственного воспитания

Закирьянова Ирина Аксановна

Черноморское высшее военно-морское Орденов Нахимова
и Красной Звезды училище имени П. С. Нахимова,
Россия, Севастополь

Михайлова Алла Григорьевна

Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь
<https://orcid.org/0000-0002-9419-543X>
steba1971@mail.ru

Поступила 21.07.2022. Принята после рецензирования 11.11.2022. Принята в печать 14.11.2022.

Аннотация: Цель – рассмотреть проблему духовно-нравственного воспитания в исторической ретроспективе и перспективе. Объект исследования – духовно-нравственное воспитание студентов. Предмет – этнокультура в системе духовно-нравственного воспитания. Задачи: изучить проблемы духовно-нравственного воспитания в исторической ретроспективе и перспективе; раскрыть значение понятий *духовно-нравственное воспитание*, *этнокультура* с учетом представлений о сути духовно-нравственного воспитания и самовоспитания; обозначить пути развития духовно-нравственного потенциала студентов. Методологическую основу исследования составили фундаментальные труды классиков педагогической науки. Анализ, опирающийся на проверенный исторической практикой научный потенциал, с одной стороны, способствует объективной оценке генезиса духовно-нравственного воспитания, осмыслению феномена в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, позволяет выявить: 1) педагогические возможности этнокультуры, хранящей ценностные ориентиры и жизненные смыслы; 2) целесообразность ее включения в систему духовно-нравственного воспитания в социокультурных условиях. Научная новизна состоит в выявлении роли этнокультуры в системе духовно-нравственного воспитания молодежи, обусловленной конкретными культурно-историческими условиями страны с опорой на бесценный опыт жизни народа и находящей свое выражение в требованиях к отбору содержания духовно-нравственного воспитания. Теоретическая значимость состоит в том, что полученные результаты позволяют конкретизировать возможности использования образовательного и воспитательного потенциала внеурочной деятельности в духовно-нравственном воспитании студентов. Практическая значимость заключается в определении педагогических условий развития духовно-нравственного потенциала студентов с учетом возможностей этнокультуры.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, этнокультурные традиции, национальная самобытность, аксиологический потенциал, принцип природосообразности, ответственность

Цитирование: Закирьянова И. А., Михайлова А. Г. Этнокультура в системе духовно-нравственного воспитания. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 21–29. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-21-29>

full article

Ethnic Culture in the System of Spiritual and Moral Education

Irina A. Zakiryanova

P. S. Nakhimov Black Sea Higher Naval School, Russia, Sevastopol

Alla G. Mikhaylova

Sevastopol State University, Russia, Sevastopol
<https://orcid.org/0000-0002-9419-543X>
steba1971@mail.ru

Received 21 Jul 2022. Accepted after peer review 11 Nov 2022. Accepted for publication 14 Nov 2022.

Abstract: The article introduces the history and prospects of spiritual and moral education. The authors identified the pedagogical possibilities of ethnic culture and its inclusion in the system of spiritual and moral education. The analysis was based on the scientific potential proven by historical practice. It provided an objective assessment of the genesis of spiritual and moral education in its dynamics. As a pedagogical tool, ethnic culture is a treasure trove of moral and ethical value orientations and life meanings. The article clarifies the concepts of spiritual and moral education and ethnic culture, as well as identifies the ways of developing the spiritual and moral potential of university students. The research relied on the fundamental standards developed by the leading educationalists. It identified the place of ethnic culture in the system of spiritual and moral education developed by the specific cultural and historical conditions and based on the invaluable experience of the life of the people. Ethnic culture finds its expression in the requirements for the content of spiritual and moral education. The research makes it possible to use the academic and educational potential of extracurricular activities in the spiritual and moral education of university students.

Keywords: spiritual and moral education, ethno-cultural traditions, national identity, axiological potential, principle of conformity to nature, responsibility

Citation: Zakiryanova I. A., Mikhaylova A. G. Ethnic culture in the System of Spiritual and Moral Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 21–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-21-29>

Введение

В течение двух последних десятилетий педагогическая наука переживает кризис, связанный не просто с совершенствованием традиционной образовательной практики в условиях перехода на современные информационные технологии, а с поиском и становлением новых представлений о сущности и месте образования в жизни общества XXI в. [1].

При этом все более актуальным становится развитие ценностно-смысловой сферы личности обучающихся, реализуемое в процессе освоения и принятия ими системы базовых этнокультурных ценностей, носителями которых являются многонациональный народ РФ, государство, культурно-образовательные учреждения и в первую очередь семья. Текущей тенденцией развития высшего образования является аксиологизация как ключевой компонент гуманизации процесса обучения [2].

Такое развитие, на наш взгляд, в значительной мере реализуется под влиянием особенностей, связанных с наличием ценностями. Это, прежде всего, историческое и культурное наследие, т.к. невозможно изолироваться от векового и даже тысячелетнего человеческого опыта, вобравшего в себя все значимое из прошлого, не осознавая своей обусловленности им; это и наличная система ценностей человека. В этом плане актуализация проблемы духовно-нравственного воспитания есть результат отражения реальных процессов – как общественных, так и образовательных. Потребности в разрешении противоречия между традиционными формами взаимоотношений и обрушившейся информационной лавиной, в понимании разнообразия целей жизнедеятельности, в определении нового системообразующего центра, который позволил бы обеспечить целостное восприятие происходящего, – все это обуславливает необходимость обращения к духовно-нравственному воспитанию как значимой составляющей воспитания человека. Неотъемлемым элементом гуманистических ценностей воспитания и образования выступает человек как главная ценность. Развитие ценностного самоопределения личности – основная цель образовательного процесса [2].

Методологическую основу исследования составили фундаментальные труды зарубежных (Я. А. Коменский, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Ф. А. В. Дистервег) и отечественных (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, И. Ф. Богданович, И. В. Киреевский, В. Г. Белинский, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин, В. В. Розанов, К. Н. Венцель, С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Г. Н. Волков и др.) классиков педагогической науки. Существенные результаты осмысления

обозначенной проблемы, содержащиеся в работах этих исследователей, приводят к осознанию необходимости духовно-нравственного воспитания, актуальность которого остро ощущается в настоящее время. Каковы пути его реализации? Ответ, на наш взгляд, содержится в том, что О. В. Долженко характеризует как «единство природного и духовного, включенного в контекст прошлого, который в значительной мере определяется состоянием той семьи и среды, в которой человек вырос» [1, с. 19]. Иными словами, реализация духовно-нравственного воспитания в современных условиях предполагает освоение новыми поколениями нравственного опыта старших поколений, т.е. тех морально-этических ценностей, принципов, норм и правил жизни, которые влияют на формирование духовной, эмоциональной, мировоззренческой и поведенческой сфер жизнедеятельности человека.

Необходимость обращения к духовно-нравственному воспитанию обусловлена потребностью в разрешении противоречия между традиционными формами взаимоотношений и обрушившейся на молодых людей в условиях всеобщей глобализации информацией. Существенные результаты осмысления проблемы духовно-нравственного воспитания в современных социокультурных условиях содержатся в работах [1; 3–7]. Большое внимание авторы уделяют определению ценностно-смысловых ориентиров духовно-нравственного воспитания на основе исторической и культурной преемственности, традиций народов России. Развитие аксиологического потенциала личности студента отражено в работах [8–10].

В качестве методов исследования использовались анализ философской, историко-педагогической, психолого-педагогической литературы по изучаемой проблеме; сравнение и сопоставление; обобщение передового педагогического опыта о реализации духовно-нравственного воспитания в современных социокультурных условиях.

Вопросами развития духовно-нравственного потенциала личности занимались многие отечественные ученые, однако отсутствует специальное исследование, посвященное определению влияния этнокультуры в развитии аксиологического потенциала личности. Это позволяет сформулировать проблему: какова роль этнокультуры в системе духовно-нравственного воспитания в образовательном процессе?

Цель – рассмотреть проблему духовно-нравственного воспитания в исторической ретроспективе и перспективе. Подобный анализ, опирающийся на проверенный исторической практикой научный потенциал, с одной

стороны, способствует объективной оценке генезиса духовно-нравственного воспитания, осмыслению данного феномена в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, позволяет выявить педагогические возможности этнокультуры – поистине сокровищницы, хранящей ценностные ориентиры и жизненные смыслы (морально-этические ценности, принципы, нормы, правила поведения, образ жизни), а также целесообразность ее включения в систему духовно-нравственного воспитания в социокультурных условиях. Объектом исследования является процесс духовно-нравственного развития студентов. Предметом – этнокультурное развитие личности.

В соответствии с целью, объектом и предметом поставлены следующие задачи исследования:

- 1) рассмотреть проблемы духовно-нравственного воспитания в исторической ретроспективе и перспективе;
- 2) проанализировать понятия *духовно-нравственное воспитание, этнокультура* на основе представлений о сути духовно-нравственного воспитания и самовоспитания;
- 3) определить пути развития духовно-нравственного потенциала студентов с учетом возможностей этнокультуры.

Научная новизна исследования определяется тем, что обозначена роль этнокультуры в системе духовно-нравственного воспитания молодежи. Эта система обусловлена конкретными культурно-историческими условиями страны с опорой на бесценный опыт жизни народа и находит свое выражение в требованиях к отбору содержания духовно-нравственного воспитания.

Теоретическая значимость состоит в конкретизации возможностей использования образовательного и воспитательного потенциала внеурочной деятельности в духовно-нравственном воспитании студентов.

Практическая значимость заключается в том, что определены педагогические условия развития духовно-нравственного потенциала студентов с учетом возможностей этнокультуры, обозначены возможности их использования участниками образовательного процесса, преподавателями дополнительного образования для решения задач духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Учет специфических факторов содержания духовно-нравственного воспитания в условиях внеурочной деятельности будет содействовать осознанному подходу к отбору мероприятий, принятию во внимание сущности содержания воспитания в целом.

Анализ проблемы духовно-нравственного воспитания

Попытки научного объяснения специфики духовно-нравственного воспитания, его целей и задач встречаются в философских системах Древней Греции. Так, Аристотель, обращая внимание на воспитание, отмечал, что быть моральным означает поступать добродетельно по отношению к другим. Первым в древней философии, кто обратил

внимание на внутренний мир человека, был Демокрит. Он считал, что быть порядочным человеком значит не только не делать несправедливости, но и не желать этого другим. Сократ связывал духовно-нравственное воспитание с самовоспитанием и самосовершенствованием – процессами, продолжающимися в течение всей жизни человека. Прежде чем стать регуляторами поведения людей в обществе, моральные нормы должны быть обоснованы с помощью разума человека. Согласно Платону, духовно-нравственное воспитание призвано лишь раскрыть то, что изначально заложено в человеке. Суть духовно-нравственного воспитания он видел в том, что настоящий гражданин должен руководствоваться не только личным благом, но и интересами своего государства.

Решительный поворот в анализе проблемы духовно-нравственного воспитания связан с естественно-научным толкованием морали Р. Декартом, утверждавшим, что «рычаги управления» присутствуют в самом человеке. Мораль является своеобразным инструментом для выбора полезных для человека страстей, защиты его от чрезмерной эмоциональности.

Большую роль в развитии представлений о сути духовно-нравственного воспитания и самовоспитания сыграл Я. А. Коменский. Согласно обоснованному им принципу природосообразности в воспитании, человек – это автономная природная система с присущими ей закономерностями, влияющими на формирование морали. Особую роль при этом чешский педагог отводил значению личного примера в духовно-нравственном воспитании. Идеи Я. А. Коменского не потеряли актуальности и в наше время. Его последователями были философы-гуманисты Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Ф. А. В. Дистервег. Мысль о целесообразности создания наставником воспитывающих жизненных ситуаций впервые в истории этической мысли высказал Дж. Локк [11]. Сам процесс воспитания трактовался им как взаимодействие между воспитателем и воспитанником, при этом философ определял личные качества воспитателя как важнейшее условие духовно-нравственного воспитания.

Ж.-Ж. Руссо в работе «Эмиль, или О воспитании» выявил три основных фактора воспитания, которые влияют на ребенка: природу («воспитание со стороны природы»), людей («воспитание со стороны людей») и вещи («воспитание со стороны вещей»). С точки зрения И. Г. Песталоцци, существенное влияние на духовно-нравственное воспитание оказывает естественная среда: язык народа, религия, традиции семейного воспитания, уклад народной жизни, основанный на искренности, любви и доверительности. Стержнем воспитания является любовь к матери. Впоследствии нравственная личность переносит это чувство на свой народ и на все человечество. Идеи И. Г. Песталоцци о духовно-нравственном воспитании молодежи в соответствии с конкретными культурно-историческими условиями страны с опорой на бесценный опыт жизни ее народа получили дальнейшее творческое

развитие в педагогическом наследии Ф. А. В. Дистервега. По его мнению, воспитание должно осуществляться сообразно той среде, в которой формируется каждый человек [11].

В России до XVIII в. духовно-нравственное воспитание осуществлялось на религиозной (православной) почве. Мысли о необходимости формирования у молодых поколений милосердия, сострадания, почитания старших, заботы о слабых нашли отражение в «Повести временных лет» (конец XI – начало XII в.), в «Поучении князя Владимира Мономаха детям» (XII в.).

Ценным источником сведений о традициях, обычаях, влияющих на духовно-нравственное развитие детей и взрослых, является памятник русской литературы XVI в. «Домострой» – руководство для спасения семьи и государства, не потерявшее своей актуальности и в настоящее время: «учить не красть, не блудить, не глать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушными да покорными, к средним – дружелюбными, к младшим и убогим – приветливыми и милостивыми»¹. «Домострой» – это не просто собрание правил и установок. Это вполне рациональная основа жизни человека, причем в обществе, в котором порой отсутствует рациональная система взглядов. В данном случае обращение к культурному наследию, непреходящим ценностям, заложенным в веками создаваемых народом традициях и обычаях; их сохранение в рамках нового может стать тем регулирующим и объединяющим началом в процессе поиска и становления новых представлений о сущности и месте образования в жизни современного общества, о роли духовно-нравственного воспитания молодежи.

Смена мировоззренческих ориентиров и ценностей сопряжена с научной, педагогической и литературной деятельностью М. В. Ломоносова. Согласно «Проекту регламента Академической гимназии», созданному М. В. Ломоносовым, отношения между учителями и учениками, как и межгрупповые отношения между учениками, должны быть основаны на взаимоуважении и доброжелательности².

Разработке некоторых теоретических аспектов проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения посвящены работы Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, И. В. Киреевского, В. Г. Белинского, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и др.

Зарубежные ученые также рассматривали вопросы развития нравственных качеств человека [12–16]. L. G. T. de Gerone и P. U. R. Bataglia отмечали, что взаимосвязь между духовностью, нравственностью и влиянием педагогов отражается в поисках целостного и общечеловеческого образования. В религиозном воспитании присутствуют

общечеловеческие ценности с нравственными последствиями, такие как уважение, братство, солидарность, благополучие [17]. Z. Nasrollahi et al. [12], A. M. Sharifnia et al. [18] установили, что в образовании на духовность как на необходимость повышения качества обучения влияют различные личностные, социальные, религиозные и культурные факторы. Т. Г. Русакова [19] и И. А. Соловцова [20] изучали факторы формирования и обогащения духовного опыта. С. Doehring исследовал роль духовной и моральной борьбы, влияющей на здоровье и благополучие людей [21].

И. А. Соловцова полагает, что для определения содержания духовно-нравственного воспитания молодежи применяется гуманитарный подход. Принцип культуросообразности в рамках данного подхода означает необходимость учета характеристик этнокультуры: символичности, уникальности и динамизма. На первый план выдвигаются духовно-нравственная жизнь молодого человека, необходимость создания условий для обращения к ценностям этнокультуры [20].

По мнению Н. И. Новикова, только духовно-нравственный, выросший в атмосфере любви и впитавший правильный пример родителей ребенок может стать достойным гражданином своего Отечества [22, с. 105].

Основной задачей воспитания, по мнению А. Н. Радищева, является воспитание человека высокой нравственности, патриота своей родины. О наличии нравственных качеств патриотизма и гражданственности также рассуждал Н. М. Карамзин [23, с. 45].

В труде «О воспитании юношества» (1807) И. Ф. Богданович одним из первых изложил выдержанную в национальном духе систему воспитания русского юношества. В книге он раскрыл достоинства воспитания и обучения, основанного на знании родного языка, географии и истории Отечества, на вере и обычаях своего народа: «Известно, что нравы, обычаи... имеют свои национальные оттенки, которые всегда остаются оригинальными; следственно, не лучше ль нам применяться к оным, нежели худою копию? Мне скажут, благонравие принадлежит вообще всем народам. Сие неоспоримо: правила благонравия везде и всегда одинаковы... Мешает ли общему благонравию национальный характер? Он не только безобразит, но собственными чертами ума и сердца дает каждому ясное понятие о том, что принадлежит ему, что отличает его от прочих народов» [24, с. 13]. Таким образом, И. Ф. Богданович, не умаляя значение Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других известных зарубежных философов, убеждает, что у русского народа свои национальные черты, которые нужно учитывать в воспитании не только дворянских детей. Его программа воспитания юношества, формирования высоких представлений о любви к своим корням, языку, родной

¹ Домострой. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5145> (дата обращения: 20.01.2022).

² Ломоносов М. В. 1758 марта 24 – мая 27. Проект регламента Академической гимназии. Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М.-Л.: АН СССР, 1955. С. 477–523.

земле, традициям и обычаям своего народа, о чувстве долга и человеческого достоинства, являясь основанием национального воспитания, остается единственным комплексным исследованием проблемы формирования этнокультурной идентичности у молодежи в первой половине XIX в.

Разграничивая логическое и нравственное (внутреннее) просвещение, И. В. Киреевский предостерегал педагогов, что простое накопление знаний и прогресс наук не в состоянии улучшить человеческие отношения в существенном нравственном смысле [25].

По мнению В. Г. Белинского, родительская любовь, духовная связь родителей и детей, внимание родителей к внутреннему миру ребенка во многом способствуют его нравственному и духовному воспитанию [26, с. 198].

Становление духовно-нравственных качеств и гуманистических начал, с точки зрения Н. И. Пирогова, должно быть приоритетным направлением в воспитании новых поколений [27].

В основании педагогической концепции А. Н. Толстого – духовно-нравственное развитие личности, которое предполагает прежде всего развитие ответственности человека по отношению к самому себе. Отстаиваемая писателем идея свободного развития призвана удовлетворить свойственную каждому человеку духовно-нравственную потребность узнать свои корни, чтобы найти дорогу к самому себе [28].

Весомый вклад в рассмотрение проблемы духовно-нравственного воспитания внес основоположник национального гуманистического направления в педагогике К. Д. Ушинский. Духовно-нравственное воспитание сопряжено с развитием гуманности, правдивости, честности, трудолюбия, ответственности, дисциплинированности и чувства собственного достоинства. Высказывания о том, что «каждый народ имеет свой особенный идеал человека» [5, с. 122], который он реализует «в своей особенной национальной системе воспитания» [5, с. 165], созданной характером и историей народа, находим в статье «О народности в общественном воспитании» (1857): для каждого народа характерна народность как особое духовное образование, результат исторической жизни нации. В нем отражены мирозерцание, мировосприятие, представления о ценностях, духовный опыт народа, стремление и желание сохранить свое «Я» [5]. По мнению К. Д. Ушинского, только народное воспитание, складывавшееся веками, сохраняет самобытность и неповторимость [5, с. 482], а приобщение к культурному богатству народа, накопленному творческими усилиями его славных представителей, является условием нравственного и духовного развития личности.

Изучение педагогического и методического наследия В. И. Водовозова («Русская народная педагогика» (1861), «Идеал народного учителя» (1864), «Поэтические образы в русских народных песнях и пословицах» (1867), «Рассказы о том, что у нас сохранилось по народной памяти и по грамоте» (1869)) позволяет сделать вывод, что без обращения к народному опыту, народным культурным

ценностям нельзя обеспечить подлинное гуманитарное образование, т. е. образование человека [29]. Первостепенная цель воспитания сводится к развитию высоконравственной личности, которая в жизнедеятельности руководствуется прежде всего интересами своего народа [29].

В работах «Развитие педагогических идей в России в XVIII столетии» (1857–1858), «Из истории воспитания в России в начале XIX столетия» (1878), «Заметки о русской школе. Чего не досказали нам немецкие педагоги» (1881), «Наша семья и ее исторические судьбы» (1884) педагога, общественного деятеля и просветителя В. Я. Стоюнина [7] отдан приоритет воспитанию на основе народных традиций через осознание учащимися «нравственной связи с народом», а также развитию творческих способностей молодежи, их национального самосознания с целью воспитания достойных людей, полезных своей стране. Так, в «Заметках о русской школе. Чего не досказали нам немецкие педагоги» В. Я. Стоюнин утверждает, что народная школа обязана воспитывать не «человека вообще», а гражданина своего Отечества [7, с. 155]. Сформулированные В. Я. Стоюниным положения о создании целостной воспитательной системы, направленной на сохранение и развитие национальной самобытности, способствующей подготовке молодежи к реальной жизни, несомненно, ценны при решении проблемы духовно-нравственного воспитания молодых людей на основе приобщения к культурному и историческому наследию своего народа.

Вопросам духовно-нравственного воспитания, основанного на культурных традициях народа, на почитании истории своего народа, на поклонении героям прошлого, посвящены работы В. В. Розанова «Афоризмы и наблюдения» (1894), «Сумерки просвещения» (1899), а также статьи, которые относятся в основном к 1899 г.: «Педагогические трафаретки», «Три главные принципа образования», «Город и школа», «Беспочвенность русской школы», «Семья как истинная школа», «О гимназической реформе 70-х годов» и др. В приобщении к культурным ценностям своего народа, к его традициям видит В. В. Розанов смысл духовно-нравственного воспитания, формирования личности, которое осуществляется в пределах национальной культурной среды [30].

Начало XX в. отмечено гуманистическими педагогическими концепциями, основоположниками которых являются К. Н. Вентцель и С. Т. Шацкий. Цель духовно-нравственного воспитания К. Н. Вентцель видел в развитии лучших человеческих устремлений. По мнению С. Т. Шацкого, духовно-нравственное и трудовое развитие ребенка находятся в неразрывном единстве [31, с. 30]. В своей педагогической деятельности в качестве одного из воспитательных воздействий на личность воспитанников он взял за основу изучение сущности старых народных обрядов, обычаев, форм их организации и проведения, чтобы создать новые трудовые обряды с новым содержанием [32].

На основе переосмысления народных традиций в колонии и коммуне, созданными А. С. Макаренко, получали новую жизнь трудовые традиции, традиции семейного (коллективного) воспитания, являющиеся действенным фактором духовно-нравственного воспитания молодого поколения. С 1917 г. важнейшими нравственными идеалами и ценностями стали интернационализм, трудолюбие, коллективизм (А. С. Макаренко), а также патриотизм, готовность к самопожертвованию в интересах Родины, героизм, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны [31, с. 30].

В творческом наследии В. А. Сухомлинского отчетливо прослеживается идея К. Д. Ушинского о необходимости сохранения народной самобытности, многовековой национальной культуры как духовной сокровищницы народа, имеющей огромный педагогический потенциал для решения проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи [33]. В. А. Сухомлинский на практике доказал, что реализация идеи духовно-нравственного воспитания возможна лишь в условиях подлинно народной системы образования [5].

Анализ проблемы духовно-нравственного воспитания в советский период показывает: несмотря на то что такое воспитание было в некоторой степени порождением идеологии советского государства, тем не менее оно имело свои положительные стороны, многие из которых могли бы стать ценностными ориентирами в воспитании современного поколения.

В этой связи считаем целесообразным процитировать В. Г. Газзаева, председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей: «Мы должны передать нашим детям, внукам, правнукам здоровые и традиционные для нашей страны представления о семье, о традициях, богатейшей многовековой истории нашего государства, о героизме многонационального народа и, конечно же, о любви к своему Отечеству, а разложению моральной и духовной культуры необходимо жестко противостоять»³.

Под влиянием православной церкви в 1990-е гг. духовно-нравственное воспитание все чаще интерпретируется так. Многие регионы России начинают работать по программам духовно-нравственного воспитания, базирующимся на этнокультурных традициях.

Воспитывают как слова, так и сопряженный со словом комплекс отношений, нравственные начала – все то, что является системообразующим элементом этнокультуры.

Поэтому решение проблемы духовно-нравственного воспитания мы видим в создании таких педагогически целесообразных условий, как обеспечение субъектной позиции студентов; развитие их рефлексивных и коммуникативных умений и навыков, способствующих конструктивному межкультурному взаимодействию; применение интерактивных методов и приемов в образовательной деятельности при изучении глубинных оснований этнокультуры народов.

На наш взгляд, построение образовательного процесса на основе этнокультурного наследия страны – традиций, обычаев и обрядов – позволяет эффективно решать задачи, связанные с развитием аксиологического потенциала личности студентов как устойчивой структуры ценностных ориентаций, определяющих характер их будущей жизнедеятельности. «В основе отбора содержания духовно-нравственного воспитания лежат принципы ориентации на ценности, природосообразности, культуросообразности и диалогичности» [20, с. 732]. Педагогическими условиями развития духовно-нравственного потенциала студентов с учетом возможностей этнокультуры, на наш взгляд, являются следующие:

- реализация содержания духовно-нравственного воспитания в процессе проведения внеурочных мероприятий: факультативных курсов по культурологии, форумов, фестивалей, чтений, выставок, проектов современной культуры. Для этой цели создан «Молодежный культурный центр»⁴;
- проведение патриотических конференций⁵, в которых участвуют представители разных этнокультур, с последующим выпуском сборников трудов⁶;
- оптимизация деятельности различных образовательных и культурных структур (школ, вузов, училищ, музейных комплексов, выставок и т. п.), информационное сопровождение.

Президент России В. В. Путин уделяет большое внимание вопросам духовно-нравственного воспитания, считая, что «духовно-нравственные ценности, о которых в ряде стран уже забывают, нас, напротив, сделали сильнее. И эти ценности мы всегда будем отстаивать и защищать»⁷. Это в очередной раз свидетельствует о том, что наше государство проявляет особое беспокойство о духовно-нравственном воспитании молодежи и осуществляет продуманную и взвешенную политику в данном направлении. Проблема духовно-нравственного воспитания личности не утратила своей актуальности и в настоящее время.

³ Заседание Совета по межнациональным отношениям. *Президент России*. 30.03.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/65252> (дата обращения: 24.01.2023).

⁴ Молодежный культурный центр. *Севастопольский государственный университет*. URL: <https://www.sevsu.ru/aktivnost/mkc/> (дата обращения: 24.01.2023).

⁵ V конференция «Севастополь – Сталинград: одна война, одна история» прошла на 35-й батарее. *Севастопольский государственный университет*. 25.04.2022. URL: <https://clck.ru/32FDmi> (дата обращения: 24.01.2023).

⁶ Севастополь-Сталинград: одна война, одна история: IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 76-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. (Севастополь, 23–24 апреля 2021 г.) Севастополь: СевГУ, 2021. 258 с. EDN: PLZDCC; Севастополь-Сталинград: одна война, одна история: V Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 77-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. (Севастополь, 22–23 апреля 2022 г.) Севастополь: СевГУ, 2022. 238 с. EDN: ZEJLZZ

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. *Президент России*. 21.04.2021. URL: <https://clck.ru/VB8oV> (дата обращения: 24.01.2023).

Заключение

Духовно-нравственное воспитание, сопряженное с этнокультурным воспитанием человека, ориентировано на социализацию личности как субъекта этноса и гражданина многонационального российского государства. Полагаем, что в современных социокультурных условиях именно духовно-нравственное воспитание, базирующееся на этнокультурных традициях народов России, следует рассматривать как социокультурную реальность, содержащую в себе будущее. Невозможно изолироваться от тысячелетнего человеческого опыта, вобравшего в себя все значимое из прошлого, не осознавая при этом своей обусловленности им.

Педагогическая мысль с момента возникновения на протяжении нескольких веков решала задачи, поставленные временем, обстоятельствами и условиями жизни. Многие решения педагогической проблемы духовно-нравственного воспитания личности представляют интерес до настоящего времени.

Особую роль в духовно-нравственном воспитании личности играет образовательный процесс, имеющий для этого все возможности. С целью эффективного развития духовно-нравственного потенциала студентов с учетом возможностей этнокультуры мы реализовали следующие педагогические условия:

- внедрено содержание духовно-нравственного воспитания в проведение внеурочных мероприятий;
- проведены научные патриотические конференции, в которых участвовали представители разных культур;
- задействованы к совместной деятельности различные образовательные и культурные структуры: музейный

историко-мемориальный комплекс героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея», школы города Севастополя и Крыма, вузы, училища, Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя, Бессмертный полк Севастополя, религиозные общины и др.

Осознание необходимости духовно-нравственного воспитания в первую очередь обусловлено потребностью передать нравственный опыт старших поколений молодежи. Передаваемые из поколения в поколение морально-этические ценности, принципы, нормы, правила и образ жизни, присущие полиэтнокультурному обществу и отвечающие его идеалам, способствуют формированию духовной, эмоциональной, мировоззренческой и поведенческой сфер жизнедеятельности человека [33]. В этом залог нашего процветания как великой нации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Долженко О. В. Университет и образование: между прошлым и будущим. *Педагогика и просвещение*. 2013. № 1. С. 19–36. [Dolzhenko O. V. University and education: between the past and the future. *Pedagogika i prosveshchenie*, 2013, (1): 19–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-434X.2013.01.3>
2. Нижнёва Н. Н., Михайлова А. Г., Нижнева-Ксенофонтова Н. Н. Развитие аксиологического потенциала личности с целью актуализации межсубъектных отношений. *Векторы развития контекстного образования*, отв. ред. Э. П. Комарова. Воронеж: Научная книга, 2022. С. 257–271. [Nizhneva N. N., Mikhaylova A. G., Nizhneva-Ksenofontova N. N. Development of the axiological potential of the individual in order to actualize intersubjective relations. *Vectors of development of contextual education*, ad. Komarova E. P. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2022, 257–271. (In Russ.)] EDN: JNPYMA
3. Метлик И. В. Ценностно-целевые ориентиры гражданского образования и духовно-нравственное воспитание в российской школе. *Педагогика*. 2020. № 6. С. 77–88. [Metlik I. V. Value-oriented guidelines for civic education and spiritual and moral education in a Russian school. *Pedagogika*, 2020, (6): 77–88. (In Russ.)] EDN: JBVGXA
4. Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 66–93. [Ushkin S. G., Koval E. A., Zhadunova N. V. From theoretical design to practical viewpoints: implementation of ethical principles are in young life strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (3): 66–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>
5. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.-Л.: АПН РСФСР, 1948. 655 с. [Ushinsky K. D. *Collected works*. Vol. 2. *Pedagogical articles*. 1857–1861. Moscow-Leningrad: APS RFSFR, 1948, 655. (In Russ.)]
6. Епископ Зиновий (Корзинкин), Гатилова Н. Н., Меньшиков В. М. Духовно-нравственное воспитание: сущность и предмет. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2014. № 1. С. 87–92. [Bishop Zinovy (Korzinkin), Gatilova N. N., Menshikov V. M. Spiritual-moral upbringing: essence and subject. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1): 87–92. (In Russ.)] EDN: SQVMVB

7. Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1991. 368 с. [Stoyunin V. Ya. *Selected pedagogical works*. Moscow: Pedagogika, 1991, 368. (In Russ.)]
8. Слостенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию. М.: Академия, 2003. 192 с. [Slastenin V. A., Chizhakova G. I. *Introduction to pedagogical axiology*. Moscow: Akademiia, 2003, 192. (In Russ.)] EDN: RYWBXR
9. Загвязинский В. И. Социально-педагогическое прогнозирование и проектирование региональных образовательных систем. *Образовательная стратегия в начале XXI века и проектирование региональных образовательных систем*: Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 27–28 мая 2003 г.) Тюмень: ТюмГУ, 2003. С. 3–8. [Zagvyazinsky V. I. Socio-pedagogical forecasting and design of regional educational systems. *Educational strategy in the early XXI century and design of regional educational systems*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Tyumen, 27–28 May 2003. Tyumen: UTMN, 2003, 3–8. (In Russ.)] EDN: VTHVZV
10. Тимофеева С. В., Игнатова В. В. Педагогика духовно-творческого развития. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2008. 149 с. [Timofeeva S. V., Ignatova V. V. *Pedagogy of spiritual and creative development*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk SAU, 2008, 149. (In Russ.)] EDN: КТЮОВР
11. Пискунов А. И., Вендровская Р. Б., Кларин В. М., Плохова М. Г., Блинов В. И., Петров В. М., Рогаленкова Л. В., Савина С. Л., Стецкая Т. С. *История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Сфера, 2001. 512 с. [Piskunov A. I., Vendrovskaya R. B., Klarin V. M., Plokhova M. G., Blinov V. I., Petrov V. M., Rogalenkova L. V., Savina S. L., Stetskaia T. S. *History of pedagogy and education. From the origin of education in primitive society to the end of the XX century*, 2nd ed. Moscow: Sfera, 2001, 512. (In Russ.)]
12. Nasrollahi Z., Eskandari N., Adaryani M. R., Tasuji M. H. H. R. Spirituality and effective factors in education: a qualitative study. *J. Educ. Health Promot*, 2020, 9. https://doi.org/10.4103/jehp.jehp_430_19
13. Wilson K. Moral and spiritual education. *Westminster Studies in Education*, 1993, 16(1): 5–7. <https://doi.org/10.1080/0140672930160102>
14. Bower W. C. *Moral and spiritual values in education*. Lexington: University of Kentucky Press, 2014, 232.
15. Asadzandi M. Professors, spiritual characteristics for role-modeling education. *Educ Strategy Med Sci*, 2017, 10(1): 23–35.
16. Crawford M., Rossiter G. Teaching wisdom: religious education and the moral and spiritual development of young people. *Journal of Christian Education*, 1991, os-34(2): 47–63. <https://doi.org/10.1177/002196579103400206>
17. Gerone L. G. T. de, Bataglia P. U. R. Spirituality and morality in the practice of teachers. *Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento*, 2020, ed. 9, vol. 1, 108–120.
18. Sharifnia A. M., Fernandez R., Green H., Alananzeh I. Spiritual intelligence and professional nursing practice: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Nursing Studies Advances*, 2022, 4. <https://doi.org/10.1016/j.ijnsa.2022.100096>
19. Русакова Т. Г. Искусство как фактор формирования и обогащения духовного опыта личности. *Грани познания*. 2014. № 2. С. 52–54. [Rusakova T. G. Arts as the factor of formation and enrichment of spiritual experience of a personality. *Grani poznaniia*, 2014, (2): 52–54. (In Russ.)] EDN: RXOFDR
20. Соловцова И. А. Требования к содержанию духовно-нравственного воспитания: гуманитарный подход. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 5. № 6. С. 727–733. [Solovtsova I. A. Requirements for the content of spiritual and moral education: classical approach. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2020, 5(6): 727–733. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/ped200168>
21. Doehring C. Using spiritual care to alleviate religious, spiritual, and moral struggles arising from acute health crises. *Ethics, Medicine and Public Health*, 2019, 9: 68–74.
22. Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 145 с. [Novikov N. I. *Upbringing and instructing children*. Moscow-Berlin: Direct-Media, 2015, 145. (In Russ.)]
23. Валиева З. И. Отражение идей патриотического воспитания подрастающего поколения в российской педагогической мысли. *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2015. № 5. С. 44–48. [Valieva Z. I. Reflection of the ideas of patriotic education of the rising generation in the Russian pedagogic thought. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2015, (5): 44–48. (In Russ.)] EDN: UMNDON
24. Богданович И. Ф. О воспитании юношества. М.: Тип. Платона Бекетова, 1807. 228 с. [Bogdanovich I. F. *Bringing up the youth*. Moscow: Tip. Platona Beketova, 1807, 228. (In Russ.)]
25. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 248–293. [Kireevskii I. V. *The nature of the enlightenment in Europe and its relation to the enlightenment in Russia. Criticism and aesthetics*. Moscow: Iskusstvo, 1979, 248–293. (In Russ.)]
26. Грицай Л. А. Понимание сути родительского воспитания детей в семье в педагогическом наследии западников и славянофилов (на примере трудов В. Г. Белинского и А. С. Хомякова). *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 198–202. [Gritsay L. A. Views on children parenting in the family in the pedagogical heritage of the westerners and slavophiles (the works of V. G. Belinsky and A. S. Khomiakov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (378): 198–202. (In Russ.)] EDN: RZCIED

27. Богуславский М. В. Н. И. Пирогов: педагогические идеалы и жизненные реалии. *Проблемы современного образования*. 2010. № 6. С. 21–33. [Boguslavsky M. V. N. I. Pirogov – pedagogical ideals and realities of life. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2010, (6): 21–33. (In Russ.)] EDN: NTPINL
28. Брешковская К. Ю., Кувырталова М. А. Анализ взглядов Л. Н. Толстого на психолого-педагогические условия эффективной организации обучения. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2013. № 3. С. 66–88. [Breshkovskaya K. Yu., Kuvyrtalova M. A. The analysis of Leo Tolstoy's views on psychological and pedagogical conditions of the effective organization of learning. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2013, (3): 66–88. (In Russ.)] EDN: RHMGWZ
29. Водовозов В. И. Предметы обучения в народной школе: методика обучения грамоте, арифметике и другим предметам. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. В. А. Поветики и Ф. С. Сушинского, 1875. 277 с. [Vodovozov V. I. *Subjects of study at the folk school: methods of teaching literacy, numeracy, and other subjects*, 2nd ed. St. Petersburg: Tip. V. A. Poletiki i F. S. Sushchinskogo, 1875, 277. (In Russ.)]
30. Розанов В. В. Сумерки просвещения. In: Розанов В. В. *Эстетическое понимание истории*. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 622–815. [Rozanov V. V. Twilight of enlightenment. In: Rozanov V. V. *Aesthetic understanding of history*. Moscow: Respublika; St. Petersburg: Rostok, 2009, 622–815. (In Russ.)] EDN: QWVOXD
31. Майстренко А. И. Проблема нравственного воспитания в истории отечественной педагогики. *Современное педагогическое образование*. 2019. № 5. С. 28–33. [Maistrenko A. I. The problem of moral education in the history of native pedagogy. *Modern pedagogical education*, 2019, (5): 28–33. (In Russ.)] EDN: NAUKQE
32. Шацкий С. Т. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1980. Т. 1. 304 с. [Shatskii S. T. *Selected pedagogical works*. Moscow: Pedagogika, 1980, vol. 1, 304. (In Russ.)]
33. Михайлова А. Г., Кокодей Т. А. Полиэтническая культура как основа профессионального и личностного успеха. *Современные тенденции развития науки и мирового сообщества: I Междунар. науч.-практ. конф. (Анапа, 3 марта 2022 г.) Анапа: Иннова, 2022. С. 34–39. [Mikhaylova A. G., Kokodey T. A. Polyethnic culture as the basis of professional and personal success. *Modern trends in the development of science and the world community: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Anapa, 3 Mar 2022. Anapa: Innova, 2022, 34–39. (In Russ.)] EDN: KUPUYD**

оригинальная статья

Формирование soft skills посредством применения дидактических игр с цифровыми компонентами на ступени общего образования

Петлина Елена Михайловна

 Ставропольский государственный педагогический институт,
 Россия, Ставрополь
 356620@gmail.com

Зверева Лариса Геннадьевна

 Ставропольский государственный педагогический институт,
 Россия, Ставрополь

Корчак Константин Игоревич

 Ставропольский государственный педагогический институт,
 Россия, Ставрополь

Поступила 08.09.2022. Принята после рецензирования 12.10.2022. Принята в печать 12.10.2022.

Аннотация: Разные способы взаимодействия человека с информацией, обусловленные процессом цифровизации общества, кардинально изменили методы формирования у обучающихся умений и навыков. Возникает задача наработки новых подходов к определению специфического содержания учебных занятий и способов реализации образовательного процесса с ориентацией на формирование начальных представлений о профессиональной компетентности. Недостаточное развитие надпрофессиональных навыков в условиях их значимости требует совершенствования работы по их формированию. Цель – описать процесс формирования надпрофессиональных компетенций с применением цифровых дидактических игр. Исследование выполнено на основе принципов системности, связи логического и исторического, теоретического и эмпирического, целостного изучения образовательных процессов в их развитии. Применены такие теоретические методы, как анализ и сопоставление полученных выводов и интерпретаций с результатами трудов исследователей по методике формирования soft skills. Уточнено научное знание о профессиональных и надпрофессиональных компетенциях, изложен концептуальный образ формирования надпрофессиональных компетенций на ступени общего образования – описана смысловая структура модели формирования soft skills посредством применения цифровых дидактических игр. Рассмотрена дидактическая игра как вариант эффективного способа развития soft skills, определен потенциал интеграции цифровых компонентов в дидактические игры. Указана возможность персонализации определенных частей дидактической игры через цифровые компоненты. Приведены ключевые особенности дидактических игр, требования к условиям их использования, а также конкретные soft skills, которые в современных реалиях оправданно можно считать обязательными для формирования надпрофессиональных навыков на ступени общего образования. Материалы статьи могут быть положены в основу разработки методических материалов по освоению учебного материала и ключевых компетенций на основе дидактических игр, обеспечивающих успешное освоение рабочей программы.

Ключевые слова: soft skills, надпрофессиональные компетенции, цифровые игры, цифровизация образования

Цитирование: Петлина Е. М., Зверева Л. Г., Корчак К. И. Формирование soft skills посредством применения дидактических игр с цифровыми компонентами на ступени общего образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 30–36. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-30-36>

full article

Developing Soft Skills through Digital Didactic Games at the Stage of General Education

Elena M. Petlina

 Stavropol State Pedagogical Institute, Russia, Stavropol
 356620@gmail.com

Larisa G. Zvereva

Stavropol State Pedagogical Institute, Russia, Stavropol

Konstantin I. Korchak

Stavropol State Pedagogical Institute, Russia, Stavropol

Received 8 Sep 2022. Accepted after peer review 12 Oct 2022. Accepted for publication 12 Oct 2022.

Abstract: Digitalization has changed the methods of developing new skills and abilities in schoolchildren. New approaches have to be designed to plan training sessions and implant the basic ideas about professional competence. Modern supra-professional skills also require novel methods. This research featured digital didactic games as a means of developing supra-professional competencies. The authors reviewed available publications on professional and supra-professional competencies

and their development methods. They described the semantic structure of the soft skills formation model through the use of digital didactic games. Didactic games are effective in developing soft skills and have a great digital potential, e.g., certain parts of a didactic game can be digitally personalized. The article describes didactic games, their requirements, and specific soft skills that are considered mandatory as part of supra-professional skills. The research relied on the principles of consistency and the holistic approach to academic processes, as well as on the connection between logic, history, theory, and practice. The article can help educators to develop new didactic games for various disciplines.

Keywords: soft skills, supra-professional competencies, digital games, digitalization of education

Citation: Petlina E. M., Zvereva L. G., Korchak K. I. Developing Soft Skills through Digital Didactic Games at the Stage of General Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 30–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-30-36>

Введение

XXI век, привнесший в повседневную жизнь подавляющего количества населения доступную и разнообразную информацию, изменил принципиальное понимание профессии как трудовой единицы. Сегодня рутинные процессы, выполнявшиеся прежде исполнителями по алгоритму, автоматизируются и передаются в управление программным решениям. Человек же в процессе трудовой деятельности рассматривается теперь как творческая единица, способная грамотно обнаружить проблемную составляющую и создать решение для ее устранения. Способность трансформировать привычные процессы в новую форму, находить выход из уникальной проблемной ситуации – главные требования к профессионалу любой сферы деятельности XXI в. [1].

Реализация федеральных проектов с учетом актуальных требований к информатизации образования ставит перед педагогом вопрос о сохранении лучших традиций отечественной школы, но с использованием современных подходов в условиях цифровизации образования. Качественное и доступное образование обучающегося должно быть реализовано с учетом обеспечения индивидуального дифференцированного подхода. Ввиду этого современному педагогу необходимо владеть цифровыми технологиями, позволяющими выстраивать индивидуальную образовательную траекторию для обучающегося, подбирать качественный цифровой образовательный контент, формировать не только содержательную часть урока с применением дидактических игр, но и всего курса предмета (на основании уровня и потребностей конкретного учащегося). Педагог современной школы должен применять цифровые и дистанционные технологии для достижения задачи по развитию единого образовательного пространства школы, внедрять интересные формы работы, одной из которых являются дидактические игры цифровых платформ. Г. А. Кружлик подчеркивает необходимость использования педагогом цифровых дидактических игр в условиях реализации федерального проекта, направленного на цифровизацию современной школы [2]. Цифровые дидактические игры – это вид электронного образовательного ресурса для детей, функционирующий на базе информационно-коммуникационных

технологий, представляющий из себя цепочку заданий, построенных на основе развивающего обучения [3].

Современная образовательная организация – это не только источник знаний и умений, но и компонент самоопределения обучающихся, т. н. путеводитель по выбору будущей профессии и основа для формирования функциональной грамотности – предпосылки компетенций. Под умением в данном случае стоит понимать «навык в каком-нибудь деле, опыт»¹.

При рассмотрении детерминант профессиональной успешности принято выделять не только профессиональные (hard skills), но и надпрофессиональные (soft skills) компетенции. З. М. Большакова и Н. Н. Тулькибаева предлагают понимать под компетенцией «способность мобилизовать и преобразовывать знания, умения и опыт в результат в конкретной сфере деятельности» [4, с. 16]. Образование по всему миру имеет устойчивый вектор гуманистической направленности [5–7], что в первую очередь обусловлено преобразованием глобальных информационных принципов. Следствием информатизации стал пересмотр ожидаемых образовательных результатов [8]. Так, если до 2000-х гг. главным маркером профессионала считалось соответствие его личностных характеристик строгим профессиональным требованиям, которые устанавливались должностными обязанностями, то сегодня трудовые запросы общества значительно изменились, а с ними – и ключевые общие компетенции.

Безусловно, hard skills остаются важнейшей частью профессиональной компетентности специалиста, однако недостаточное развитие надпрофессиональных навыков в условиях их повышенной значимости требует совершенствования работы по их формированию. С. Н. Фомина с соавторами характеризуют soft skills как «комплекс неспециализированных, важных для карьеры надпрофессиональных навыков, которые отвечают за успешное участие в рабочем процессе, высокую производительность и являются сквозными, то есть не связаны с конкретной предметной областью» [9, с. 158]. Под навыком понимается «умение, выработанное упражнениями, привычкой»². Рассматривая надпрофессиональные навыки,

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 832.

² Там же. С. 377.

Ю. В. Сорокопуд и коллеги разделяют soft skills на три группы: когнитивные, социально-коммуникативные, эмоционального интеллекта [1, с. 194].

Вслед за Ю. В. Сорокопуд с соавторами мы выделяем три группы soft skills:

- группу личности (лидерские качества, критическое и креативное мышление, осознанность);
- группу общения (навыки публичного выступления, делового и цифрового общения, работы в команде);
- группу общих умений (цифровая компетентность – способность адаптироваться к новым средам работы, навыки эффективного использования цифровых / электронных ресурсов в собственной работе).

При разделении на группы был применен логический принцип, заключающийся в следующем: успешность выполнения задачи напрямую зависит от исполнителя и способов ее решения. При этом очевидно, что решение любой неэлементарной задачи значительно ускоряется при увеличении количества исполнителей и корректно выстроенной взаимосвязи между ними.

Так как перечисленные выше надпрофессиональные компетенции оказываются общими для профессионала практически любого вида деятельности, предлагается начинать их формирование с уровня основного общего образования, стандарт которого призван обеспечить непосредственно «развитие личностных качеств, необходимых для решения повседневных и нетиповых задач с целью адекватной ориентации в окружающем мире», «личностное развитие обучающихся»³.

Актуальные надпрофессиональные компетенции следует связывать с цифровыми технологиями, т. е. технологиями, использующими компьютеры и / или другую современную технику для записи кодовых импульсов и сигналов с соблюдением определенной последовательности и частоты⁴. Современные цифровые технологии, предоставляющие уникальные возможности для проектирования более эффективных прикладных решений, являются идеальным средством для разрешения вышеобозначенной проблемы недостаточности методики и дидактики развития soft skills в свете их глобальной значимости [10]. Так, предлагается рассмотреть применение дидактических игр с цифровыми элементами на уровне общего образования в целях формирования у обучающихся выделенных нами групп soft skills.

Методы. Исследование выполнено на основе принципов системности, связи логического и исторического, теоретического и эмпирического, целостного изучения

образовательных процессов в их развитии. При обосновании достоверности получаемых результатов и выводов использовались теоретические методы: анализ научно-педагогической литературы, сопоставление полученных выводов и интерпретаций с трудами исследователей, работы которых посвящены методике формирования soft skills [5; 6; 10–12].

Результаты

Заметный интерес к изучению формирования soft skills наблюдается с 2010-х гг. Прежде всего, увеличение значимости надпрофессиональных навыков связывается с техническим прогрессом и метаморфозами образовательной среды начала XXI в. По мнению О. Абашкиной, soft skills – это «качества, без которых даже самый лучший профессионал не сможет добиться хорошего результата»⁵. Примером служит выделение учеными Мюнхенского института Макса Планка в качестве основных надпрофессиональных умений таких позиций, как стремление к успеху, выносливость, область межличностных отношений. Иначе – это навыки, приобретенные благодаря дополнительному образованию и личному опыту, применяемые для собственного развития в профессии⁶. При этом существуют и иные позиции, сосредотачивающие soft skills в контексте практико-ориентированного обучения.

Обобщая приведенные трактовки soft skills, определим их как личностные качества человека, напрямую влияющие на успешность его профессиональной самореализации. При этом важно разграничивать качества, влияющие непосредственно на деятельность обучающегося, и его личностные характеристики. Так, опрометчиво было бы отрицать, что морально-нравственные качества человека не влияют на его продвижение по карьерной лестнице, но назвать их в полной мере надпрофессиональными умениями нельзя: оценочные суждения могут влиять, однако не являются компонентом, составляющим оценку результатов работы обучающегося, находящегося на ступени общего образования.

Развитие и формирование цифровых компонентов soft skills должно начинаться с уровня общего образования в 5–9 классах, т. к. уже на этом этапе человек способен к саморазвитию и развитию частичной самостоятельности. В. Давыдова отмечает, что soft skills в большинстве своем формируются в процессе внеучебной деятельности и являются следствием личностного опыта⁷.

Формирование soft skills в процессе обучения требует применения нестандартных методик проведения урока,

³ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утв. Приказом Минпросвещения РФ № 287 от 31.05.2021. СПС Гарант.

⁴ ГОСТ Р 33.505-2003. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием. Утв. Постановлением Госстандарта РФ № 255-ст от 29.07.2003. СПС Гарант.

⁵ Абашкина О. Soft skills: ключ к карьере. *Pro-personal.ru*. 28.06.2010. URL: <http://www.pro-personal.ru/article/7811-soft-skills-klyuch-k-karere> (дата обращения: 30.04.2022).

⁶ Давыдова В. Слушать, говорить и договариваться: что такое soft skills и как их развивать. *Теория и практика*. 27.10.2015. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills> (дата обращения: 30.04.2022).

⁷ Там же.

использования дополнительного педагогического инструментария. Классические субъект-объектные отношения на уроке содействуют становлению надпрофессиональных навыков лишь частично, способствуя самоорганизации личности, но практически не учитывая группу общения soft skills. Современные исследования предлагают следующие формы развития soft skills на уроках ступени общего образования: проектная деятельность, тренинги, дидактические игры. Также к применению дополнительного педагогического инструментария располагает и принцип отдыха через смену деятельности.

Проектная работа обучающихся развивает их лидерские качества и группу социальных компетенций. Кроме того, тренируются различные формы работы: распределение ролей между участниками, обсуждение возникающих задач, проведение исследования, демонстрация презентации готового проекта. Сложностью развития soft skills при выполнении проекта можно считать отсутствие непосредственного контакта между участниками, поскольку выполняется узкий спектр работы и результат виден только в конце деятельности. Большинство навыков soft skills формируется, но для этого необходима сплоченная команда.

Тренинги по развитию личности также относятся к эффективным вариантам улучшения soft skills. Однако развитие компетенций во время тренинга является вопросом самоорганизации обучающегося, который должен постоянно следить за действиями ведущего и повторять требуемые действия.

Крайне действенным современным средством повышения эффективности обучения являются дидактические игры, особенно на ступени основного общего образования, к чему располагают и возрастные особенности обучающихся. Дидактические игры имеют огромный потенциал для обучения школьников 5–9 классов: они могут применяться как вариант формы обучения и как средство воспитания личности обучающегося [13, с. 48]. Игра – это основная деятельность, направленная на развитие личности и формирование ее свойств, а также на обогащение ее внутреннего содержания. Обучающиеся на ступени общего образования в процессе дидактической игры пробуют себя в различных сферах: общественной жизни, профессиональной деятельности и т. д. [14, с. 215]. Известный русский педагог и психолог А. С. Макаренко также считал, что игровая деятельность занимает важное место в жизни ребенка, равное по важности той позиции, какую у взрослого имеют работа, служба [15].

Прогресс «поколения зумеров» в области цифровой компетентности настолько заметен, что его невозможно игнорировать в обучении XXI в. Сама же цифровая компетентность представляет собой «способность пользователя уверенно, эффективно и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизни» [16, с. 19]. Цифровая компетентность основана на непрерывном овладении знаниями, умениями,

мотивацией, ответственностью (поиск информации, использование цифровых устройств и функционала социальных сетей, финансовые операции, онлайн-покупки, критическое восприятие информации, производство мультимедийного контента, синхронизация устройств и др.). Открытость образовательных платформ и решений, государственная поддержка и обилие методической помощи позволяют учителям не только пользоваться дидактическими наработками, но и создавать свои уникальные учебные единицы, начиная от домашнего задания и цифрового элемента урока до целых образовательных ресурсов, где преподаватель может подвешивать в жизнь собственные идеи по творческой реализации учебного материала.

Существующие исследования идеи формирования soft skills посредством дидактических игр показывают эффективность ее реализации. О. Н. Бакурова и Е. Д. Пузанова, изучая применение дидактических игр при формировании soft skills в процессе обучения, выявили, что «учащиеся после обучения статистически значимо выше оценивают у себя степень овладения “мягкими навыками” по сравнению с ситуацией до обучения» [17]. Результаты исследования российских педагогов Л. Н. Катаевой и Н. Н. Тереховой в условиях учреждений дополнительного образования также подтверждают, что дидактические игры «являются эффективным средством развития коммуникативных компетенций личности, оказывают большое влияние на развитие столь значимых в современной мире soft skills» [18, с. 54].

Согласно позиции ряда ученых, потенциально более качественным эффектом представляется интеграция цифровых компонентов в дидактические игры для обучающихся общего образования с целью формирования soft skills [19; 20]. Так, благодаря виду учебной деятельности возможно объединить выделенные нами три группы soft skills. Группу личности развивает формат дидактической игры, обязательно направленной на достижение определенного результата. При этом через цифровые компоненты soft skills возможно персонализировать определенные части игры и анализ их результатов, что позволит в большей степени конкретизировать информацию по каждому обучающемуся и реализовать лично-ориентированный подход в обучении, не жертвуя при этом ресурсными затратами педагога. Группу общения развивает формат коллективной игровой работы, а также цифровые компоненты, предоставляющие возможность удобной и доступной межличностной коммуникации в онлайн-формате. Группу общих умений, очевидно, развивают цифровые компоненты, позволяющие обучающимся в игровой форме, без груза ответственности усвоить одну из ключевых составляющих цифровой грамотности – цифровую мобильность, т. е. способность адаптироваться к новым средам работы [21; 22].

Рассматривая в качестве реальной практики применение дидактических игр с цифровыми компонентами при усовершенствовании soft skills на ступени общего образования, выделим те надпрофессиональные умения,

которые в современных реалиях оправданно можно считать обязательными для формирования:

- осознание, внутренняя потребность и способность к саморазвитию;
- способность к планированию собственной деятельности и самоорганизации;
- способность к анализу ситуации, поиску вариантов решения проблемы и избранию верного пути на основании анализа;
- стрессоустойчивость;
- разносторонность мышления, развитые критическая и креативная составляющие;
- способность к свободной межличностной коммуникации, публичному выступлению, работе в команде;
- цифровая компетентность – способность к адаптации в новых рабочих средах;
- навыки эффективного использования существующих программных возможностей для решения имеющейся проблемы.

Отталкиваясь от перечисленных надпрофессиональных умений, определим ключевые особенности уроков с использованием дидактических игр:

- наличие этапов с различными видами деятельности, смена видов деятельности внутри дидактической игры, отсутствие монотонности;
- соревновательность, формирование и поддержание здоровой конкуренции в ходе игры;
- мобильность / постоянная сменяемость состава групп, формируемых в ходе командных этапов игры;
- целенаправленность игры, наличие реального итога в конце игры, рефлексивная составляющая;
- наличие капитанов команд для развития лидерских качеств;
- ограничения по времени для выработки стрессоустойчивости и организованности у обучающихся;
- применение цифровых компонентов для автоматизации рутинных процессов, возможность анализа как результатов, так и входных данных обучающихся;
- возможность использования всего доступного преподавателю и обучающимся педагогического инструментария.

Требования к использованию цифровых компонентов в ходе дидактических игр, направленных на формирование soft skills на ступени общего образования, с учетом возрастных особенностей обучающихся 5–9 классов:

- соблюдение максимально допустимого времени работы с цифровыми устройствами согласно федеральному стандарту;
- идентичность используемых цифровых устройств, предлагаемых программных решений;
- возможность дополнительных курсов цифровой грамотности для обучающихся, свободного доступа к цифровым устройствам во внеурочное время;

- доступность платформ, программных решений для редактирования и создания уникальных учебных единиц преподавателями;
- постоянный дистанционный доступ к демоверсиям / тренировкам / заданиям, позволяющим обучающимся дополнительно заниматься во внеурочное время при наличии желания.

На основе указанных требований целесообразно разрабатывать технологические карты уроков с цифровыми дидактическими играми, поскольку soft skills – это адаптивные навыки, вырабатывать которые необходимо при определенных условиях. Для эффективного проектирования образовательного процесса по формированию ключевых компонентов компетенций учителям необходимо использовать различные формы, методы и средства при организации учебной и внеучебной деятельности обучающихся, а также определить критерии диагностики сформированности метапредметных компетенций [23–26].

Заключение

В контексте роста значимости soft skills для современного профессионала потребность в трансформации образования в части развития надпрофессиональных компетенций на уровне общего образования не вызывает сомнений. Дидактические игры являются эффективной формой развития soft skills у обучающихся на ступени общего образования, учитывающей возрастные особенности учеников, а еще больше увеличить результативность предложенного способа позволяет интеграция в игры цифровых компонентов. В работе выделены требования к использованию цифровых компонентов в ходе дидактических игр, направленных на формирование soft skills, а также определен перечень надпрофессиональных навыков, развиваемых на ступени общего образования.

Для изложения особенностей процесса формирования надпрофессиональных компетенций необходимы дальнейшие исследования, перспективы которых связаны с разработкой программ целенаправленного развития soft skills методами цифровых дидактических игр и с апробацией результатов в образовательном процессе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Сорокопуд Ю. В., Амчиславская Е. Ю., Ярославцева А. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1. С. 194–196. [Sorokopud Yu. V., Amchislavskaya E. Yu., Yaroslavtseva A. V. Soft skills and their role in training modern. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, (1): 194–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-186-194-196>
2. Кругликова Г. А. Развитие soft skills навыков участников образовательной деятельности педагогического вуза в рамках конкурсов профессионального мастерства «Учитель будущего». *Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета*. 2021. № S2-2. С. 39–43. [Kruglikova G. A. Development of soft skills of participants in educational activities of a pedagogical university in the framework of competitions of professional skills "Teacher of the Future". *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, (S2-2): 39–43. (In Russ.)] EDN: WOJCPV
3. Романенко В. С. Компьютерные дидактические игры как средство развития элементарных математических представлений детей дошкольного возраста. *NovaInfo*. 2016. № 45. С. 260–263. [Romanenko V. S. Computer didactic games as a means of developing elementary mathematical concepts in preschool children. *NovaInfo*, 2016, (45): 260–263. (In Russ.)] EDN: VWATFH
4. Большакова З. М., Тулькибаева Н. Н. Компетенции и компетентность. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2009. № 24. С. 13–19. [Bolshakova Z. M., Tulkibaeva N. N. Competences and competency. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*, 2009, (24): 13–19. (In Russ.)] EDN: KXJZCZ
5. Маркушевская Е. А., Никандрова А. В. Дидактическая игра как средство формирования коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников. *Обучение и воспитание: методики и практика*. 2016. № 26. С. 63–68. [Markushevskaya E. A., Nikandrova A. V. Didactic game as a means of forming communicative universal lessons for primary schoolchildren. *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika*, 2016, (26): 63–68. (In Russ.)] EDN: VTZQFX
6. Унарова Р. С. Развитие soft skills у школьников через модели интеллектуальных и деловых игр. *Современная школа как результат развития педагогической системы в условиях реализации ФГОС*: науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Якутск, 26 марта 2021 г.) Якутск: СВФУ, 2021. С. 86–90. [Unarova R. S. Developing soft skills in schoolchildren through models of intellectual and business games. *Modern school as a result of the development of the pedagogical system in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard*: Proc. Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Yakutsk, 26 Mar 2021. Yakutsk: NEFU, 2021, 86–90. (In Russ.)] EDN: UWTL LJ
7. Фасоля А. А. Гуманизация образования как основная детерминанта развития личности. *Образование и наука в России и за рубежом*. 2019. № 2. С. 505–510. [Fasolya A. A. Humanization of education as the main determinant of personality development. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 2019, (2): 505–510. (In Russ.)] EDN: YWJWEH
8. Петлина Е. М., Хатагова С. В. Информатизация образования как основной принцип формирования компетенций специалиста. *Инновации в образовании*. 2017. № 3. С. 124–133. [Petlina E. M., Khatagova S. V. Informatization of education as a basic principle the formation of specialist skills. *Innovatsii v obrazovanii*, 2017, (3): 124–133. (In Russ.)] EDN: XXRL YB
9. Фомина С. Н., Добрынин К. А., Григорьева И. Г. Систематизация дефиниции «soft skills» в отечественной и зарубежной научной литературе. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2021. Т. 20. № 1. С. 156–163. [Fomina S. N., Dobrynin K. A., Grigorieva I. G. Systematization of the definition of "soft skills" in domestic and foreign scientific literature. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2021, 20(1): 156–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2021-20-1-156-163>
10. Баранов А. В., Медякова Е. М., Кислицкая Н. А., Бабанов А. Б., Котлярова О. В., Кривошеева Т. Д., Литвинова С. А., Никоненко Н. Д., Тагаев А. В., Тирацунян В. Х. Soft skills в работе с цифровыми ресурсами. *Цифровое и проектное управление*. Ростов на/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 209–239. [Baranov A. V., Medyakova E. M., Kislitskaya N. A., Babanov A. B., Kotlyarova O. V., Krivosheeva T. D., Litvinova S. A., Nikonenko N. D., Tagaev A. V., Tiratsuyan V. Kh. Soft skills in working with digital resources. *Digital and project management*. Rostov-on-Don: SRIM RANEPА, 2021, 209–239. (In Russ.)] EDN: BUZVFX
11. Хлебникова Е. П., Мирошникова О. А. Применение коммуникативных и исследовательских «soft-skills» при реализации современных образовательных технологий. *Актуальные вопросы образования*. 2021. № 2. С. 50–54. [Khlebnikova E. P., Miroshnikova O. A. Application of communication and research "soft-skills" in the implementation of modern educational technologies. *Aktualnye voprosy obrazovaniia*, 2021, (2): 50–54. (In Russ.)] EDN: NLUUWN
12. Савельев М. Е. Использование универсальных учебных действий для формирования soft skills (мягких навыков) у обучающихся. *Вопросы педагогики*. 2022. № 6-2. С. 147–153. [Savelev M. E. Universal learning activities for soft skills development in students. *Voprosy pedagogiki*, 2022, (6-2): 147–153. (In Russ.)] EDN: WFOGPU
13. Демиденко Л. В. Значение дидактических игр в развитии детей. *Проблемы педагогики*. 2020. № 1. С. 47–49. [Demidenko L. V. The value of didactic games in the development of children. *Problemy pedagogiki*, 2020, (1): 47–49. (In Russ.)] EDN: HNDHUJ
14. Шмаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры. М.: Новая школа, 1994. 240 с. [Shmakov S. A. *Student games are a cultural phenomenon*. Moscow: Novaia shkola, 1994, 240. (In Russ.)] EDN: JHVMPJ

15. А. С. Макаренко о воспитании, сост. Д. И. Латышина. М.: Школьная Пресса, 2003. 192 с. [A. S. Makarenko's ideas about education, comp. Latyshina D. I. Moscow: Shkolnaia Pressa, 2003, 192. (In Russ.)]
16. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления, под ред. М. С. Шклярук, Н. С. Гаркуши. М.: РАНХиГС, 2020. 84 с. [Competence model of the digital transformation team in the public administration system, eds. Shklyaruk M. S., Garkusha N. S. Moscow: RANEPa, 2020, 84. (In Russ.)]
17. Бакурова О. Н., Пузанова Е. Д. Формирование навыков «soft skills» учащихся старших классов с различным уровнем метакогнитивных знаний и навыков. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7. № 6. [Bakurova O. N., Puzanova E. D. The "soft skills" formation of high school students with different levels of knowledge engineering skills and competence. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019, 7(6). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/100PSMN619.pdf> (accessed 13 Jun 2022). EDN: BQWPKL
18. Катаева Л. Н., Терехова Н. Н. Формирование soft skills у обучающихся учреждений дополнительного образования посредством игровой деятельности. *Образование и воспитание*. 2020. № 3. С. 52–54. [Kataeva L. N., Terekhova N. N. Formation of soft skills in students of institutions of additional education through gaming activities. *Obrazovanie i vospitanie*, 2020, (3): 52–54. (In Russ.)] EDN: SNFSDS
19. Рылеева А. С., Хомутникова Е. А., Еманова С. В. Развитие soft skills у старшеклассников с применением цифровых инструментов. *Science for Education Today*. 2022. Т. 12. № 1. С. 77–98. [Ryleeva A. S., Khomutnikova E. A., Emanova S. V. Developing soft skills in high school students using digital tools. *Science for Education Today*, 2022, 12(1): 77–98. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.04>
20. Китайгородский М. Д. Soft skills как преемники универсальных учебных действий в цифровизации технологического образования. *Информатика в школе*. 2021. № 2. С. 28–31. [Kitaygorodskiy M. D. Soft skills as a successor of universal educational actions in the digitalization of technological education. *Informatika v shkole*, 2021, (2): 28–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2021-2-28-31>
21. Бородина Т. Ф. Определение роли креативного мышления в структуре soft skills. *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 34. С. 179–183. [Borodina T. F. Determining the role of creative thinking in the structure of soft skills. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, (34): 179–183. (In Russ.)] EDN: URMYNX
22. Кващенко И. В., Сакуновская М. А., Ладычина А. В., Матвеевко А. Д., Балаева-Тихомирова О. М. Опыт применения квест-технологий в формировании навыков soft skills у учащихся выпускных классов. *Вопросы педагогики*. 2022. № 5-2. С. 121–126. [Kvashchenko I. V., Sakunovskaia M. A., Ladychina A. V., Matveenko A. D., Balaeva-Tikhomirova O. M. Experience in quest technologies in the formation of soft skills in graduate students. *Voprosy pedagogiki*, 2022, (5-2): 121–126. (In Russ.)] EDN: NBIMHO
23. Никонова Т. П. Методическая разработка занятия на развитие soft skills компетенций. *Профессиональная ориентация*. 2022. № 1. С. 32–35. [Nikonova T. P. Methodical development of classes for the development of soft skills competencies. *Professionalnaia orientatsiia*, 2022, (1): 32–35. (In Russ.)] EDN: UXTMSY
24. Омарова К. А. Диагностическая оценка сформированности метапредметных компетенций (soft-skills) у учащейся молодежи на базе цифровой платформы. *Современный ученый*. 2021. № 6. С. 231–234. [Omarova K. A. Diagnostic assessment of the formation of meta-subject competencies (soft-skills) for young students on the basis of a digital platform. *Modern Scientist*, 2021, (6): 231–234. (In Russ.)] EDN: LJXXYD
25. Труханова А. Д. Методы оценивания «soft skills». *Академическая публицистика*. 2022. № 2-1. С. 229–232. [Trukhanova A. D. Methods of soft skills assessment. *Akademicheskaiia publitsistika*, 2022, (2-1): 229–232. (In Russ.)] EDN: YIDSYB
26. Leontyeva E. G., Bogdanova A. G., Khachin S. V. Building soft skills of students at a technical university. *Edulearn 19 Proceedings: 11th Intern. Conf. on Education and New Learning Technologies*, Palma, 1–3 Jul 2019. IATED Academy, 2019, 2685–2690. <https://doi.org/10.21125/edulearn.2019.0731>

оригинальная статья

Перспективы развития государства в XXI веке

Гаврилов Евгений Олегович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

gavrilich@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.11.2022. Принята после рецензирования 21.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Научное прогнозирование и долгосрочное планирование социального развития необходимы и привлекают внимание к будущему такого ключевого структурного составляющего современного общества, как государство. Выявлены основные факторы, влияющие на трансформацию государства; определены наиболее распространенные интерпретации последствий, которые оказывают эти факторы на развитие современных государств. В качестве основных факторов определены глобализация, научно-технический прогресс и конкуренция со стороны транснациональных компаний и связанных с ними наднациональных структур. Выделены четыре прогноза перспектив развития государства: радикальная замена государства новыми системами управления; сохранение основных политических центров либо в качестве исполнительных звеньев надгосударственных структур, либо в качестве относительно самостоятельных макрообразований; перерождение национальных государств в новые политические формы под влиянием современных факторов общественного развития; построение новых автархий или неоавтархий на территориях существующих государств. Значительное число прогнозистов констатируют уменьшение самостоятельности и субъектности в осуществлении внутренней и внешней политики государств в планетарном масштабе. Часть из них видят в этом процесс перехода к новым негосударственным моделям управления обществом. Другие заявляют об усилении государств в исторической перспективе вплоть до обретения состояния автархии на более прочных, нежели ранее, основаниях. Реализация потенциала государства в нынешнем веке или его забвение зависит не только от активности в сфере политических отношений, но тесно связывается футурологами с трансформацией человека, его ценностей и связей. Будущее государства как самостоятельного субъекта внутренней или внешней политики находится в прямой зависимости от способности давать ответ угрозам современной цивилизации.

Ключевые слова: глобализация, сеть, корпорация, государство, автаркия, суверенитет

Цитирование: Гаврилов Е. О. Перспективы развития государства в XXI веке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 37–45. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-37-45>

full article

Scenarios of State Development in the XXI Century

Evgeniy O. Gavrilov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

gavrilich@yandex.ru

Received 30 Nov 2022. Accepted after peer review 21 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: Scientific forecasting and long-term planning of social development cannot ignore such a key structural component of modern society as the state. This article describes the prospects for the development of the state in the XXI century, the main factors of state transformation, and the most common interpretations of their consequences. The list of factors includes globalization, scientific and technological progress, competing multinational companies, and various supranational structures. The research revealed four scenarios. (1) The state gives place to new management systems. (2) The main political centers remain either as executive units of supranational structures, or as relatively independent macro-formations. (3) National states degenerate into new political forms under the influence of modern social factors. (4) New autarkies or neo-autarkies appear on the territories of contemporary states. Most forecasters foretell those states are bound to lose their independence of internal and foreign policy on a planetary scale. Some of them see a process of transition to new non-state models of society management. Others declare that states will grow in strength in the historical perspective, reaching the form of autarky, and on stronger grounds than ever before. The future of the state in this century depends not on political relations, but on the transformation of personality, values, and connections. The future of the state as an independent subject of domestic or foreign policy depends on its ability to respond to the challenges of modern civilization.

Keywords: globalization, network, corporation, state, autarky, sovereignty

Citation: Gavrilov E. O. Scenarios of State Development in the XXI Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 37–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-37-45>

Введение

В представлении обывателя государство является привычным и кажется неизменным элементом политического ландшафта. Все значимое, что происходит в мире, так или иначе связывается с ним или с его производными. Поэтому необходимость научного прогнозирования и долгосрочного планирования социального развития привлекает внимание к будущему одного из ключевых структурных составляющих современного общества. Интерес к политическому прогнозированию усиливается, когда социальной повесткой становится идея кардинальности происходящих в мире изменений. Осознание катастрофичности социальных трансформаций заставляет одних уповать на могущество государственного аппарата, а других – констатировать неспособность государственных структур справиться с вызовами современности. Неопределенность места и роли государства в современном мире, а равно неоднозначность понимания происходящих процессов образует проблемное поле исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы определить перспективы развития государства в XXI в.

Прежде всего нужно уточнить способ постановки вопроса и используемый подход к решению поставленной цели. Очевидно, что построение футурологических прогнозов опирается на анализ движущих сил исторического процесса, нередко представленных в гиперболизированном виде. Специалисты проецируют факторы социального развития на государство, а затем определяют его место в происходящих процессах. Однако не меньшее значение для выводов имеют и субъективные установки самих представителей науки и общественных деятелей, озвучивающих социальные прогнозы, а также цели стоящих за ними социальных групп, которые реализуются в многочисленных программах развития общества. В свою очередь программы находят выражение в стратегиях, миссиях, политических платформах, альянсах, инвестиционных проектах, социальных ожиданиях и мн. др. Такое своеобразное преломление объективных тенденций в субъективных трактовках позволяет очертить горизонты развития государства в современном мире. Поэтому каждый футурологический прогноз будет рассматриваться в исследовании не как беспристрастная констатация наступления нового социально-политического порядка под влиянием объективных условий и законов развития, но как желаемая программа развития общества, за которой стоят как ценностные установки конкретных авторов, так и интересы стоящих за ними социальных групп.

Факторы социального развития и следствия их реализации

Обозначим наиболее часто называемые специалистами объективные факторы современного периода исторического развития. Часть из них лежит на поверхности и используется в содержании учебного материала в университетах.

Тем не менее конкретизация воздействия этих факторов на государство в интерпретациях специалистов носит нередко гипотетический характер и часто выражает субъективный компонент любого социального прогнозирования. Это означает, что сам набор выделяемых исследователями факторов, их определение и объяснение их воздействия могут отличаться. Представленный перечень претендует на репрезентативность, поскольку выделяется значительным числом специалистов.

I. Первый фактор динамики современного общества можно обозначить как **глобализацию** [1]. Этот процесс, начавший активно проявляться еще как минимум в прошлом столетии, в современном мире существенно ускорился. Наблюдается высокая синхронность в действиях государств, которая стала заметнее после разрушения социалистического блока стран, исторически выступавших противником капиталистическим странам. Социальные потрясения, вооруженные конфликты, разрушение хозяйственных цепочек, торговые войны, санкционная политика и агрессивная пропаганда не стали препятствием для глобализации. Современные системы управления позволяют синхронизировать и координировать процессы даже в такой политической реальности, которая представлена разделенными и враждующими анклавами, санитарными зонами, конкурирующими экономиками, несовместимыми стилями жизни. Как объединение, так и дробление мира одинаково могут быть использованы в реализации глобальной политики.

Развертывание процессов глобализации влечет два следствия для государства как социального института. Первым является своего рода кризис суверенитета. Причем не только государственного суверенитета, но и суверенитетов других видов и уровней. Отсутствие или неполнота одного вида влечет умаление всех остальных. В этих условиях становится очевидным, что связь личности и государства носит взаимный характер именно в аспекте их суверенности. Кризис первого означает кризис второго и наоборот (подробнее см. [2, с. 149]). Второе следствие глобализации состоит в разрушении прежних принципов построения системы государственного управления. В процессе своего развития государство оформляется в иерархическую, относительно замкнутую структуру, в то время как процессы глобализации приносят в организацию системы социальных отношений скорее сетевой, ризоморфный характер¹ [3]. Это ведет к формированию и усилению различных надгосударственных и внегосударственных структур и связей, дублирующих или пересекающих (в некоторых случаях прерывающих) контуры государственного управления, построенные на иерархических связях.

II. Вторым фактором современных социальных трансформаций можно считать **научно-технический прогресс**, создающий новые средства производства, продукты

¹ См. также: Яновский О. С. Химера. Олег Яновский о безымянном субъекте мировой политики. (Интервьюер С. Харцизов). *Завтра.ру*. 05.08.2022. URL: <https://zavtra.ru/blogs/himera> (дата обращения: 10.09.2022).

и в целом новую среду существования человеческой цивилизации. Это развитие получило название НБИК-конвергенции² [4; 5], наиболее зримой частью которой является цифровизация всех сфер общественной жизни. Именно она выявляет односторонность научно-технического прогресса, который уже и человеку, не обладающему специальными познаниями, видится как бесосновательное усиление надзора и контроля за жизнью индивидов и общества в целом. Однако этот контроль из орудия государственного управления превращается в средство подмены государственных полномочий функционированием алгоритмов, которые лишь отчасти находятся в юрисдикции конкретных стран. Сама же деятельность госорганов и должностных лиц все более вовлекается в виртуальную реальность. Как производная процессов информатизации всех сегментов общества она уже сформировала общественную структуру третьего порядка, если брать за первые две экономический базис и политическую надстройку.

Фактор тотальной цифровизации, как и предыдущий, имеет по крайней мере два следствия. Первым является деформация конституционного строя государств и ослабление порождаемых ими правовых систем. Логика конституционно-правового развития стран после Второй мировой войны осуществлялась в русле демократизации государственного управления и утверждения приоритета прав человека. НБИК-конвергенция в целом и цифровизация в частности в значительной степени отменяют эти программы развития. Цифровые технологии, лишь отчасти урегулированные правовыми нормами, активно вторгаются в охраняемые конституциями области публичной и частной жизни, вступают в противоречия с утверждаемыми конституциями принципами³ [6]. Провозглашение наступления эры глобальных цифровых прав [7] по сути констатирует не только вторичность основ конституционного строя по отношению к внешним инстанциям, но также и превращение самой идеи прав человека в свою противоположность, т.е. в средство экстерриториального вторжения в охраняемые законом области человеческой жизни и государственного управления⁴.

Вторым следствием процессов цифровизации становится виртуализация государственного управления, что выражается в появлении т.н. электронного правительства и государства – цифровой платформы [8]. Точнее, нужно говорить о системе государств – цифровых платформ, поскольку единые стандарты их создания и функционирования прямо предполагают возможность интеграции электронных правительств мира в единый комплекс унифицированных и взаимодействующих цифровых алгоритмов администрирования⁵. Уместным будет использование понятий *социотехнологическая экосистема*, *цифровая экосистема* [9], смысловое содержание которых демонстрирует процессы размывания границ государственной и негосударственной сфер общественных отношений, а также виртуализацию жизни общества. Виртуальный уровень осуществления государственной власти не является, строго говоря, только государственным, т.к. контролируется сторонними субъектами частного права, которые находятся вне государственных юрисдикций в силу транснационального характера ведения бизнеса, распределенной системы владения активами, инициативного участия в международных организациях и мн. др.

Но и в самом государстве появляется два дополнительных слоя управленцев, деятельность которых не очевидна и, возможно, не вполне урегулирована правом. Первый слой представлен операторами, которые имеют свой круг должностных обязанностей и собственную иерархию, на вершине которой может быть Главный архитектор Платформы или иное лицо [10, с. 22], чьи полномочия и компетенция выбиваются из привычных систем управленческих отношений, урегулированных административным правом. Они могут выступать «невидимыми» посредниками в системе административных правоотношений, но могут выполнять и самостоятельные функции в области модерации, фильтрации, защиты или обработки информации.

Второй слой представлен так называемым искусственным интеллектом, который в настоящий момент является комплексом алгоритмов и нейросетей, чья роль в системе управленческих отношений все более возрастает и приобретает прескриптивный характер. Искусственный интеллект

² Полное наименование: нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии. В некоторых интерпретациях к ним добавляются социальные или социогуманитарные технологии.

³ СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ. 01.12.2021. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svododami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Чтобы не умножать примеры, отметим только один тренд, который особо рьяно внедряют различные государства по всему миру. Речь идет о создании цифровых профилей граждан и формирование из них различного рода реестров (регистров). Многочисленные сообщения об утечках персональных данных, их подделке, совершении с их помощью преступлений не образуют необходимой полноты общей картины. Следует учитывать перспективы попадания в мировую сеть данных о таких категориях граждан, как военнослужащие, чиновники, сотрудники правоохранительных органов и служб безопасности и т.д. Скорее всего, защита этих данных в условиях стремительной информатизации общества всегда будет отставать. Если же часть общества каким-либо способом будет выведена из процесса оцифровки, то это фактически означает перекраивание всей прежней системы социальных связей – образование параллельных взаимообусловленных общественных устройств. Нужно ли говорить, что ни одна конституция на сегодняшний день не предусматривает подобного рода конструкций.

⁵ Для примера – исследование ООН об электронном правительстве: E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. With addendum on COVID-19 Response. United Nations, 2020. URL: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed 01.10.2022).

уже сегодня принимает управленческие решения в различных областях общественной жизни⁶ [11]. В перспективе обсуждается возможность предиктивного управления, осуществляемого с минимальным участием человека или без такового [12; 13].

Общим итогом реализации второго фактора – виртуализации государственных структур – является трансформация управленческой деятельности, идущая вразрез с основами конституционного строя современных государств.

III. Третьим фактором социальных трансформаций является существование в современном мире политических игроков, чья экономическая мощь и политическое влияние сопоставимы с потенциалом большинства государственных образований. В качестве таковых исследователи обычно называют **транснациональные корпорации**, среди которых чаще всего выделяют пятерку крупнейших, используя для их обозначения аббревиатуру GAFAM, дефиницию Big Tech и ряд других названий [14].

Однако более емким следует считать подход, согласно которому в каждом сегменте экономических отношений в мировом масштабе преобладающее положение имеют несколько компаний, которые занимают и практически монополично делят основную долю рынка: в сфере аудита и консалтинга – Большая четверка, представленная Deloitte, PwC, EY, KPMG [15, с. 443]; в сфере инвестиций – Большая двойка, представленная Vanguard Group, BlackRock [16, с. 69]. Схожее распределение наблюдается во многих сферах экономики, что формирует систему мировых хозяйственных связей со своими центрами и перифериями [17; 18].

Эту модель мировой олигополии можно дополнить указанием на то, что зачастую крупные бизнес-структуры имеют офшорную юрисдикцию и, что не менее важно, связаны между собой большим количеством экономических и внеэкономических связей (см., напр. [19]). Четко осознавая свои групповые интересы, они совокупными усилиями вполне способны направлять политику государств, конкурировать с ними или дистанцироваться от их внутренней или внешней политики. Область распространения таких компаний превышает границы любого из существующих государств. Их деятельность на территориях государств не вполне подконтрольна национальным системам права. Фактор разрастания совокупной мощи корпораций нередко превращает их в центры принятия политических решений, наряду с правительствами.

Прогнозы перспектив развития государства

Обратимся к субъективным установкам и интерпретациям, облакающим обозначенные выше факторы в прогнозы перспектив существования современных государств и государства как социального института в целом. Обобщение высказываний общественных деятелей и специалистов из различных областей научного знания позволяет выделить четыре основных прогноза⁷.

I. Первый предполагает радикальную замену государства новыми системами управления. Подобного рода идеи последовательно разрабатываются начиная еще с XVIII–XIX вв. теоретиками левого и правого анархизма. В событиях XXI в. современные мыслители и общественные деятели угадывают реализацию некоторых идей анархизма в политике глобализма. В качестве вариантов безгосударственных систем глобального управления предполагаются надгосударственные структуры, которые, в частности, могут быть представлены международными организациями, находящимися в сотрудничестве с ООН. Их влияние в последние десятилетия только возрастало. Выработывая международные стандарты для имплементации их национальными правовыми системами, они, несомненно, уже сейчас претендуют на роль координаторов мировых процессов, на право устанавливать различные правовые режимы в суверенных юрисдикциях⁸, создавать структуры, неподконтрольные суверенным судебным системам⁹. Государственные служащие в ранге министров часто входят в состав исполнительных комитетов и иных структур этих организаций, крупнейшие корпорации и фонды финансируют их деятельность. Однако они – не единственные претенденты на замещение национальных суверенитетов.

Не менее часто на роль новых управленческих систем прочат транснациональные корпорации или ассоциированные с ними структуры. Так, известный футуролог, бывший глава Европейского банка реконструкции и развития Ж. Аттали предполагает, что в недалеком будущем «контракт придет на смену закону, наемники – армии и полиции, арбитры – судьям» [20, с. 183], возникнет «огромный рынок, лишенный государств и наделенный характеристиками центра» [20, с. 187]. Он использует термин *гиперимперия*, которую должна сменить *гипердемократия*, для обозначения порядка, где на передний план выйдут системы глобального наблюдения, мегагорода, коммерческие и связанные с ними некоммерческие ассоциации, а государства, напротив, утратят свое значение и признаки. Еще более радикален футуролог, технический

⁶ Китайская компания назначила искусственный интеллект генеральным директором. *Хайтек*. 01.09.2022. URL: <https://hightech.fm/2022/09/01/robot-ceo-shina> (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ Оговоримся, что выделение этих прогнозов является несколько условным, поскольку у одних и тех же авторов можно встретить элементы нескольких футурологических интерпретаций.

⁸ Потеряйко А. «Пандемическое соглашение» ВОЗ для всего мира: интервенция и диктатура. *ИА REGNUM*. 01.12.2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3438408.html> (дата обращения: 10.09.2022).

⁹ О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Всемирной организацией здравоохранения об открытии Географически удаленного офиса Всемирной организации здравоохранения по первичной медико-санитарной помощи в городе Алматы, Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан № 353-V ЗПК от 01.10.2015. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000353> (дата обращения: 10.09.2022).

директор компании Google Р. Курцвейл, который в интервью прямо говорит о том, что принадлежность к государству перестает иметь значение, а сами государства уступят место негосударственным ассоциациям¹⁰. Подобного рода идеи развиваются не только в русле рыночных воззрений. Так, проект инклюзивного капитализма напоминает риторику левого толка в духе троцкизма, дополненного концепциями анархизма, экологизма, технологизма (К. Шваб, Ж. Фреско). Неизменным атрибутом подобного рода идей становится требование радикальной и насильственной перекройки человека (от генома до мышления), что дает основания критикам трактовать подобные взгляды как «био-эко-техно-фашизм»¹¹ [21, с. 84–110, 182, 193, 195; 22].

II. Второй вариант прогноза допускает сохранение основных политических центров либо в качестве исполнительных звеньев надгосударственных структур, либо в качестве относительно самостоятельных макрообразований. Разница между этим подходом и раскрытым выше не столь уж значительна. Представители первого подхода делают вывод о неизбежности глобализации, что, собственно, и влечет эрозию национальных государств, их растворение в глобальном контексте, а представители второго подхода склонны утверждать, что мир, вступивший в полосу кризисов, сохранит свою дробность. Логично предположить, что в распадающейся системе хозяйственных, культурных и прочих связей, усилении хаотизации социального пространства роль государства может и будет возрастать. По мнению М. Г. Деягина, монополии как движущая сила глобализации вступили в состояние упадка, потенциал глобализации в целом исчерпан, ее сменила глокализация, которая в свою очередь ведет к распаду глобального мира на макрорегионы [23, с. 76–77, 779]. Так уже было раньше в эпоху биполярного мира, когда существовали советский и американский макрорегионы [23, с. 778], а в наши дни происходит формирование макрорегионов уже вокруг Китая и США, но не завершается на этом, а продолжает стремиться к усилению дискретности [23, с. 775–777]. Думается, что мир макрорегионов может раскалывать государственно-территориальные целостности, но может вести и к их объединению в рамках крупных политических образований или к возвышению одного государства в каждом макрорегионе с включением в орбиту воздействия своих политических структур некоторых из расположенных рядом стран.

Можно утверждать, что процессы макрорегионализации не мешают процессам глобализации, но корректируют исходную модель в пользу сильного государства. Эту тенденцию выделяет У. Бек, указывая, что ответом на шок глобализации, влекущей смерть политики и смерть демократии, может стать транснациональное государство, которое рассматривается им как форма кооперации национальных

государств [1, с. 188–189]. Автор рассматривает транснациональное государство как гибридную модель, точнее, как «контр-модель контейнерной теории государства и общества» [1, с. 191], в политическом сознании населения которого проявляется восприятие собственных государств как провинции мирового общества [1, с. 192]. Создание транснационального государства осуществляется сложением, уступкой суверенитетов (инклюзивный суверенитет), а не образованием межнациональных или наднациональных государств [1, с. 191, 235], формированием транснационального федерализма [1, с. 235].

III. Третий прогноз предполагает перерождение национальных государств в новые политические формы под влиянием современных факторов общественного развития. Этот прогноз не противоположен первым двум и вполне сочетается с ними. Он акцентирует внимание не на вопросах усиления или ослабления государства, а на трансформации его основ и форм. Значительное число авторов отмечает, что наступило время политических гибридов, которые сочетают прежде несочетаемые черты. Например, в области политических режимов функционируют различные комбинации демократизма и антидемократизма [24; 25], государственная монополия на правотворчество начинает сочетаться с «законотворческим краудсорсингом» [24, с. 43]. Можно констатировать заметное размывание границ между государственной и негосударственной сферами. Иными словами, наступает своего рода кризис идентичности государства, который говорит об изменении сути прежде достаточно четко определенных политических структур, т.е. об их перерождении. Происходит возрастание «гетерогенности политического пространства и неоднородности акторов, взаимодействующих в нем» [24, с. 45]. Постулируется равноценность способов организации и самоорганизации людей – «города-государства, империи, церкви и корпорации» [26, с. 139]. Это влечет приобретение государством ранее не свойственных ему черт и, наоборот, присвоение государственных функций негосударственным структурам.

В результате государство утрачивает монополию в областях, составляющих его прерогативу, и в связи с этим теряет часть возможностей управления собственной территорией. В условиях развития техногенного общества субъектами политики становятся не только люди, но и автоматизированные системы и их производные, способные в будущем порождать специфические политические образования. Действуя как политики, они начинают приобретать качества профессионального сообщества бюрократов, но при этом могут быть не связаны с конкретным государством либо порождать политические образования нового типа. Этот тренд дал основание предположить бывшему помощнику Президента РФ В. Ю. Суркову в качестве будущих

¹⁰ Diamandis P. H. 3 dangerous ideas from Ray Kurzweil. *Singularity Hub*. 10 Nov 2017. URL: <https://singularityhub.com/2017/11/10/3-dangerous-ideas-from-ray-kurzweil/> (accessed 10 Sep 2022).

¹¹ Забирова К. Био-эко-техно-фашизм: новый общественный строй в представлении Клауса Шваба. *Новые известия*. 06.01.2022. URL: <https://newizv.ru/news/world/06-01-2022/bio-eko-tehno-fashizm-novyy-obschestvennyy-stroy-v-predstavlenii-klavsa-shvaba> (дата обращения: 10.09.2022).

политических форм «карликовую сверхдержаву», «экологическую диктатуру», «постпатриотическое сообщество», «виртуальную республику» и в целом сформулировать прогноз об обретении виртуальным миром черт государственности¹². Эти идеи коррелируют с некоторыми тезисами трансгуманизма о цифровом бессмертии, создании тел-голограмм и т. п. [27, с. 141].

IV. Четвертый прогноз может быть выделен в противовес предыдущим трем и обозначен как построение новых автаркий или неоавтаркий на территориях существующих государств. Заранее уточним, что подобного рода изоляционистский прогноз хоть и выглядит контрглобалистской антитезой¹³, но на деле способен участвовать в качестве составной части глобалистской политики. Как уже было отмечено ранее, для глобализма не столь важно, будет ли единым или фрагментированным поле политических отношений, будет ли оно общим мирохозяйственным укладом или разрозненными локальными экономиками, будет ли оно мирным или наполнено враждой. Однако в рамках автаркического прогноза ставится вопрос о реальной, а не номинальной независимости, которая понимается не столько как изоляционизм, сколько как самодостаточность.

Почву для такого рода прогнозирования одни авторы видят в идеях евразийства [28], другие в качестве модели предлагают опыт построения в СССР социализма в отдельно взятой стране [29]. Эти теоретические основания могут объединяться в представлениях о самобытном типе цивилизации, в область существования которой включается большое число современных политических образований, связанных общностью исторического пути. Очевидно, что автаркия – достаточно сложное понятие¹⁴, и его интерпретация применительно к государствам, включенным в систему международных связей, ставит ряд вопросов, ответ на которые не сводится только к констатации задачи достижения самообособления как тактического приема в рамках глобальной политики.

Обозначим наиболее важные из этих вопросов:

- Каким должно быть автаркическое государство в XXI в. в качестве наиболее предпочтительной альтернативы глобалистским проектам?
- Каковы основания для его построения?
- Как могут взаимодействовать автаркические государства с остальным миром?

Отвечая на эти вопросы, современные футурологи не ограничиваются только сферой экономики, права или политики. В качестве обязательного компонента они указывают на необходимость реконструкции ценностных оснований государственности [30; 31], противоположных глобалистским футурологическим проектам, утверждающим ценности трансгуманизма [27]. Тем самым в осмысление современной государственности вводятся антропологическое измерение, нравственные и теологические аспекты, выраженные языком конституционно-правового строительства.

На фоне выделенных тенденций четвертый прогноз реабилитирует роль государства как необходимого цивилизационного достижения именно в аспекте противостояния негативным тенденциям современности и акцентирует внимание на его способности решать насущные задачи, успешно противостоять угрозам нынешнего века. Однако не стоит игнорировать тот факт, что автаркия не вполне противоположна глобализму, стремление к ней может выродиться в усиление политического прессинга, но уже не во имя построения всепланетного общества постлюдей, а под предлогом утверждения высокого нравственного идеала на отдельной территории¹⁵. Все названные проекты реконструкции государства, воспринимаемые по отношению друг к другу в качестве альтернатив, в равной степени могут способствовать утверждению тотального контроля, усилению негативных тенденций современного общества, приближению катастрофического финала современного человечества.

Заключение

Современные факторы, определяющие развитие цивилизации, существенно влияют на развитие современного государства как социального института, особой политической организации публичной власти и во многом предопределяют его будущее. Институт государства в целом претерпевает такие изменения, которые частью исследователей определяются как процесс ослабления его роли в нынешнем веке, а другими воспринимаются как цивилизационный вызов, создающий перспективы для его усиления. Складывается парадоксальная ситуация, когда государства в современном мире одновременно много и мало. Его избыток видится в присутствии государственного вмешательства практически

¹² Сурков В. Ю. Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года. *Актуальные комментарии*. 11.10.2021. URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudes-2121-goda-2110111125.html> (дата обращения: 10.09.2022).

¹³ Суммируя высказывания экспертов и общественных деятелей, кратко эту антитезу можно выразить фразой – автаркия противопоставляется античеловеческому глобальному обществу, представляющему собой античеловеческий мировой порядок, для которого государство оказывается помехой и пережитком прошлого либо инструментом для достижения глобальных целей. Как бы подспудно здесь подразумевается связь человечности и государственности, которая может иметь как религиозные, так и светские интерпретации.

¹⁴ Брагинская Н. В., Бергман А. С. Автаркия. *Гуманитарный портал*. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7164> (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁵ Здесь уместно вспомнить о том, что обычно проекты желаемого будущего преподносятся их сторонниками как благо, за которым подразумеваются определенные ценностные основания и идеалы. Однако их воплощение с определенной долей закономерности может обернуться своей противоположностью. Этот эффект не является единственно следствием макиавеллизма или иезуитства в политике, но является результатом действия механизма выдвижения и реализации социальных проектов, который в предшествующих исследованиях был определен нами как *инверсия утопии* [32, с. 27–32]. Если же содержательно изучить проявления современной глобализации, то прогноз проекта автаркии может показаться естественным стремлением общества к самосохранению.

во всех областях общественной жизни, его недостаток – в утрате самостоятельности и ценностных ориентиров государственной политики.

Перспективы современного государства задаются факторами глобализации, научно-технического прогресса и конкуренции со стороны негосударственных образований. Возможное развитие государства представляется исследователям в ослаблении его роли и даже исчезновении с исторической арены либо, напротив, в усилении государства при трансформации его сущностных черт, а может быть даже обретении самодостаточности при усилении традиционных ценностных оснований. В свете этих точек зрения будущее государства не кажется однозначно предопределенным или отданным на волю стихийных сил истории, а определяется современной полемикой, основанной на представлениях о сущности человека и будущем человечества.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

Литература / References

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с. [Beck U. *What is globalization?* Moscow: Progress-Traditsiia, 2001, 304. (In Russ.)] EDN: RAYTKT
2. Гаврилов Е. О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152. [Gavrilov E. O. Digital sovereignty in the context of globalization: philosophical and legal aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 146–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>
3. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование. *Мир России. Социология. Этнология*. 2000. Т. 9. № 1. С. 23–51. [Castells M., Kiselyova E. Russia and the network society. An analytical exploration. *Mir Rossii*, 2000, 9(1): 23–51. (In Russ.)] EDN: TFASJH
4. Быков Е. М. NBIC-конвергенция технологий: исторический обзор. Часть II: 2007–2013 гг. *НБИКС-Наука. Технологии*. 2017. № 2. С. 24–36. [Bykov E. M. NBIC-converging technologies: historical overview. Part II: 2007–2013. *NBICS-Science. Technology*, 2017, (2): 24–36. (In Russ.)]
5. Дубровский Д. И. NBIC-конвергенция: некоторые теоретические и методологические вопросы. *НБИКС-Наука. Технологии*. 2017. № 2. С. 37–45. [Dubrovsky D. I. NBICS-convergence: some theoretical and methodological issues. *NBICS-Science. Technology*, 2017, (2): 37–45. (In Russ.)]
6. Филипова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 9. С. 119–130. [Filipova I. A. Artificial intelligence and neurotechnologies: in need for constitutional and legal regulation. *Lex Russica*, 2021, 74(9): 119–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130>
7. Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации. *Век глобализации*. 2020. № 3. С. 54–70. [Buryanov M. S. Global digital human rights in the context of risks of digitalization. *Vek globalizatsii*, 2020, (3): 54–70. (In Russ.)] EDN: HJDRBU
8. Коданева С. И. Цифровое правительство: государство как платформа. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2022. № 3. С. 8–20. [Kodaneva S. I. Digital government: the state as a platform. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*, 2022, (3): 8–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.01>
9. Гаврилов Е. О. Экосистема современного общества как новая среда организации системы социальных связей. *Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения: II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Кемерово, 23 апреля 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2021. С. 13–19. [Gavrilov E. O. The ecosystem of modern society as a new environment for organizing a system of social relations. *Social communications: philosophical, political, cultural, and historical dimensions: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Kemerovo, 23 Apr 2021. Kemerovo: KemSU, 2021, 13–19. (In Russ.)] EDN: BBPWZZ
10. Буров В. В., Петров М. В., Шклярчук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: эффекты реализации и управление развертыванием. *Государственная служба*. 2018. Т. 20. № 4. С. 17–26. [Burov V. V., Petrov M. V., Shklyaruk M. S., Sharov A. V. 'State-as-platform': implementation effects and deployment management. *Public administration*, 2018, 20(4): 17–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-4-17-26>

11. Иванько А. Ф., Иванько М. А., Бутырская Д. В. Искусственный интеллект и государственное управление. *Научное обозрение. Фундаментальные и прикладные исследования*. 2019. № 3. [Ivanko A. F., Ivanko M. A., Butyrskaya D. V. Artificial intelligence and public administration. *Nauchnoe obozrenie. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia*, 2019, (3). (In Russ.)] URL: <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=66> (accessed 10 Sep 2022).
12. Талапина Э. В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 1. С. 4–27. [Talapina E. V. Artificial intelligence processing and risks of discrimination. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, 15(1): 4–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>
13. Харитоновна Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2021. № 53. С. 488–515. [Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Artificial intelligence's algorithmic bias: ethical and legal issues. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2021, (53): 488–515. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
14. Smurina N. The GAFAM effect: Strategies and logics of the internet oligopoly. *Communication & Languages*, 2016, 188(2): 61–83.
15. Зиборева О. Ю., Распутина А. В. Тенденции развития международной аудиторской деятельности в эпоху глобализации экономики. *Известия Байкальского государственного университета*. 2018. Т. 28. № 3. С. 442–451. [Ziboreva O. Yu., Rasputina A. V. Trends in the development of international audit activities in the era of economy globalization. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, 28(3): 442–451. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(3\).442-451](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(3).442-451)
16. Еремин В. В., Крупнов Ю. А., Золотарев Е. В., Решетников С. Б. Глобальный корпоративный контроль как угроза экономической безопасности Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15. № 4. С. 66–76. [Eremin V. V., Krupnov Yu. A., Zolotarev E. V., Reshetnikov S. B. Global corporate control as a threat to the economic security of the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2022, 15(4): 66–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-4-66-76>
17. Казанцева Е. Г. Устойчивость олигополии как рыночной структуры. *Новые технологии*. 2011. № 3. С. 101–105. [Kazantseva E. G. Stability of an oligopoly as market structure. *New technologies*, 2011, (3): 101–105. (In Russ.)] EDN: OJGDZH
18. Гаврилов Е. О., Кандров М. И. Правовые и организационные аспекты должности теневого директора офшорной компании: полномочия, идентификация, ответственность. *Россия молодая: XII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с Междунар. уч. (Кемерово, 21–24 апреля 2020 г.)* Кемерово: КузГТУ, 2020. С. 63003.1–63003.9. [Gavrilov E. O., Kandrov M. I. Legal and organizational aspects of the position of shadow director of an offshore company: powers, identification, and responsibility. *Young Russia: Proc. XII All-Russian Sci.-Prac. Conf. of young scientists with Intern. participation*, Kemerovo, 21–24 Apr 2020. Kemerovo: KuzSTU, 2020, 63003.1–63003.9. (In Russ.)] EDN: UZJFYQ
19. Теняков И. М., Хубиев К. А., Эпштейн Д. Б., Заздравных А. В. Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст. *Terra Economicus*. 2022. Т. 20. № 2. С. 40–58. [Tenyakov I. M., Khubiev K. A., Epstein D. B., Zazdravnykh A. V. Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: new alternatives. *Terra Economicus*, 2022, 20(2): 40–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58>
20. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 288 с. [Attali J. *A brief history of the future*. St. Petersburg: Piter, 2014, 288. (In Russ.)]
21. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2021. 208 с. [Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2021, 208. (In Russ.)]
22. Киз К. С. мл., Фреско Ж. Взгляд в будущее. 1969. 119 с. [Keys K. S. Jr., Fresco J. *A look into the future*. 1969, 119. (In Russ.)]
23. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 832 с. [Delyagin M. G. *The end of the era: Stand clear of the opening door! Vol. I. General theory of globalization*. Moscow: IPROG, Knizhnyi mir, 2019, 832. (In Russ.)]
24. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Гибридные политические институты в современных политиях. *Вест. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество)*. 2015. № 3. С. 34–46. [Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Hybrid political institutions in modern polities. *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2015, (3): 34–46. (In Russ.)] EDN: UAPSGF
25. Шмиттер Ф. К. Угрозы и дилеммы демократии. *Век XX и мир*. 1994. № 7-8. [Schmitter P. C. Dangers and dilemmas of democracy. *Vek XX i mir*, 1994, (7-8). (In Russ.)] URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm> (accessed 10 Sep 2022).
26. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с. [Harari Y. N. *21 lessons for the 21st century*. Moscow: Sindbad, 2019, 416. (In Russ.)]
27. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, 2016. 160 с. [Chetverikova O. N. *Dictatorship of the "enlightened": the spirit and goals of transhumanism*. Moscow: Blagoslovenie, 2016, 160. (In Russ.)] EDN: BAYLME

28. Романовская В. Б., Цыганов В. И. От автаркии к антиглобализму: преемственность идей в политико-правовом дискурсе. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2015. № 5-6. С. 307–311. [Romanovskaya V. B., Tsyganov V. I. From autarky to anti-globalization: the continuity of ideas in political and legal discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2015, (5-6): 307–311. (In Russ.)] EDN: VNTPTR
29. Пелих С. А. Неоавтаркия – возможная стратегия экономического развития союзного государства. *Экономическое возрождение России*. 2017. № 3. С. 90–94. [Pelih S. A. Neoavtarkia is a possible strategy for the economic development of the union state. *Economic revival of Russia*, 2017, (3): 90–94. (In Russ.)] EDN: ZHLETD
30. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 264 с. [Baburin S. N. *Integration constitutionalism*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2022, 264. (In Russ.)] EDN: IRKRRA
31. Бабурин С. Н. Духовно-нравственный фактор конституционных трансформаций административных правоотношений. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022. № 2. С. 40–52. [Baburin S. N. Spiritual and moral factor of constitutional transformations of administrative legal relations. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn*, 2022, (2): 40–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-2-44-52>
32. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. Утопия и идеология как формы социального проектирования: закономерности функционирования. In: Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., Грицкевич Т. И., Жукова О. И., Казаков Е. Ф. *Модусы социального взаимодействия: концепты идентичности, духовного опыта, общественных преобразований*. Кемерово: КемГУ, 2020. С. 10–37. [Gavrilov E. O., Gavrilov O. F. Utopia and ideology as forms of social design: patterns of functioning. In: Gavrilov O. F., Gavrilov E. O., Gritskevich T. I., Zhukova O. I., Kazakov E. F. *Modes of social interaction: concepts of identity, spiritual experience, and social transformation*. Kemerovo: KemSU, 2020, 10–37. (In Russ.)] EDN: MESKCD

оригинальная статья

Конституционно-правовые ценности либерализма и консервативная политическая традиция: диалектика конкурирующих парадигм

Ким Юрий Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2022. Принята после рецензирования 09.01.2023. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Оформляющаяся с начала нулевых годов XXI в. приверженность руководства страны и общества консервативной идее делает закономерным активизацию научного интереса к теоретическому наследию, созданному в рамках рассматриваемого направления философской и политико-правовой мысли, как отечественной, так и зарубежной. Не праздным является вопрос о том, какое информационное значение для науки конституционного права, практики государственного и конституционного строительства имеет обращение руководства страны к теме российского консерватизма при обсуждении вопросов стратегического развития России – директивный или же лишь рекомендательно-ориентирующий характер. К настоящему времени только обозначилась направленность возможного движения, сделаны очень приблизительные наброски. Пока что консервативно-ориентированной является лексика, а не практические шаги. Между тем явно вырисовывается глубокий антагонизм между прокламируемыми задачами на этот счет и либеральной моделью действующей Конституции РФ, а также вектором развития российской политической системы, тупиковый характер которого со всей очевидностью выявился задолго до ее принятия в 1993 г. В представляемом исследовании обосновывается настоятельная необходимость в глубокой и системной работе по освоению научного наследия, накопленного отечественной консервативной традицией, и трансформации его в программу конкретных шагов. В центре внимания статьи находится творческое наследие Н. Я. Данилевского, теоретические положения, обобщения и выводы которого представляются исключительно полезными для осмысления текущего состояния и перспектив российской государственности с учетом складывающейся вокруг нее непростой геополитической ситуации. На этой основе должна быть фундаментально переосмыслена научная парадигма российского государствоведения, в первую очередь науки государственного (конституционного) права.

Ключевые слова: консерватизм, консервативная традиция, либерализм, цивилизация, государственность, конституция, правосознание

Цитирование: Ким Ю. В. Конституционно-правовые ценности либерализма и консервативная политическая традиция: диалектика конкурирующих парадигм. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 46–53. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-46-53>

full article

Constitutional and Legal Values of Liberalism and Conservative Political Tradition: Dialectics of Conflicting Paradigms

Yuriy V. Kim

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Received 13 Dec 2022. Accepted after peer review 9 Jan 2023. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: The first decade of the XXI century saw an explosive growth of conservatism in Russian government and society. This process resulted in the scientific focus on the domestic and foreign theoretical heritage in this philosophical and political-legal aspect. The question remains whether the Russian conservatism is directive or only recommendatory. At this moment, it is the current political vocabulary that is conservative, not the actual activities. The gap between the proclaimed tasks and the liberal model of the current Constitution is growing wider. The dead-end nature of the Russian political system had been obvious long before its adoption in 1993. The present study substantiates the urgent need for the development

of the scientific heritage accumulated by the domestic conservative tradition and its transformation into a program with a clear roadmap. The article focuses on the theoretical provisions, generalizations, and conclusions made by N. Ya. Danilevsky, which may be applied to the current state of Russian statehood and its prospects. The Russian state studies need a new scientific paradigm, primarily in the field of constitutional law.

Keywords: conservatism, conservative tradition, liberalism, civilization, statehood, constitution, legal consciousness

Citation: Kim Yu. V. Constitutional and Legal Values of Liberalism and Conservative Political Tradition: Dialectics of Conflicting Paradigms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 46–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-46-53>

Введение

В декабре 2022 г. исполнилось 200 лет Николаю Яковлевичу Данилевскому [4(16).12.1822], выдающемуся русскому мыслителю, кредо интеллектуальной деятельности которого невозможно определить односложно, ибо его любознательность и научно-познавательный интерес не ограничивались какой-либо отдельной, ограниченной областью. Он ярко проявил себя как естествоиспытатель и философ, как социолог и культуролог, как геополитик и публицист. Основной его труд – сочинение «Россия и Европа» (1869) – не просто актуален, а исключительно злободневен. Книга многопланова, разноаспектна и, как всякое произведение фундаментального свойства, обладает неисчерпаемой глубиной. В силу известных обстоятельств, определяющих нынешнее состояние гражданского правосознания (речь об этом несколько позднее), с ней плохо знаком наш современный читатель. Но нет сомнений, что при погружении в нее найдут себе богатую пищу для серьезных размышлений историки, антропологи, этнографы, политологи и, конечно же, государствоведы.

Для государствоведов имя Н. Я. Данилевского как основоположника цивилизационного подхода к классификации государств знакомо благодаря общетеоретическим разработкам по проблемам типологии государства. Если быть точнее, то Н. Я. Данилевским выдвинута теория культурно-исторических типов человечества, согласно которой общечеловеческой цивилизации нет и не может быть по определению. Каждая цивилизация самобытна и эволюционирует по имманентным законам. Культурно-исторические типы им были выстроены хронологически, т. е. в такой последовательности, которая соответствует сведениям об их эволюционной истории: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабийский, 10) германо-романский, или европейский [1, с. 109–110].

Основные выводы Н. Я. Данилевского о природе цивилизации заключались в следующем:

- всякий этнос, т. е. устойчивая социальная общность, характеризующаяся наличием языкового, культурного, хозяйственного, территориального и другого единства, способная к саморазвитию, образует самобытный культурно-исторический тип;

- культурно-исторический тип способен сформироваться и развиваться как цивилизация при условии политической независимости ее народов;
- цивилизационные начала одного культурно-исторического типа не передаются другому, вместе с тем они могут взаимодействовать;
- в наибольшей степени раскрытию цивилизационного потенциала культурно-исторического типа способствует этническое разнообразие народа, не поглощаемое единым политическим началом и подкрепляемое федерацией или иной адекватной политической системой государства.

В отличие от большинства славянофилов, веривших в мессианские задачи русского народа, Н. Я. Данилевский отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он полагал, что будущее – за славянской (русской) цивилизацией, приходящей на смену угасающей западной. Славянская цивилизация существенно отличается от западной: она не агрессивна, здесь общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, и формированию этих качеств в значительной степени способствовало православие. У России два неравноценных пути: либо она будет наращивать свой цивилизационный потенциал, либо она утратит свою самоценность, будучи поглощенной другими цивилизациями [1, с. 113–114].

Сегодня творческое наследие Н. Я. Данилевского, созданное полтора столетия назад, не только не утратило своей актуальности, но и обретает особую значимость, в том числе и для науки конституционного права. Теоретические положения, обобщения и выводы ученого представляются исключительно полезными для осмысления текущего состояния российской государственности и перспектив ее дальнейшего развития с учетом складывающейся вокруг нее непростой геополитической ситуации.

К слову сказать, истоки современного противостояния России и т. н. коллективного Запада на фоне украинского кризиса Н. Я. Данилевским были фундаментально обоснованы именно в названном сочинении. Неприязнь Европы по отношению к России запрограммирована генетически и имеет не ситуативный, а перманентный характер. Он писал о том, что Европа видит в России не просто чуждое, но враждебное начало. Европа инстинктивно чувствует

ее внутреннюю силу и исходящую отсюда угрозу своим геополитическим и прочим фундаментальным интересам. Необходимость осмысления Россией своей судьбы и роли как самостоятельной цивилизации вытекает из констатации очевидного факта: она слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место только лишь одного из членов европейской семьи, быть одной из великих европейских держав [1, с. 65–69]. Таким образом, Н. Я. Данилевский видел в противостоянии России и Европы экзистенциальный конфликт цивилизаций, когда идет неприкрытая битва на уничтожение. Как видим, пророческие предсказания автора подтвердились неоднократно со всей ее драматичной очевидностью.

Интерес к творчеству Н. Я. Данилевского мотивирован также и тем, что он является одним из ярчайших представителей консервативного крыла отечественной философской и государствоведческой мысли, наряду с такими видными учеными, как Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров и др.

Демонстрируемая с начала нулевых годов XXI в. приверженность руководства страны консервативной идее делает закономерным обращение к научному наследию, созданному представителями данного направления.

Современный кризис правосознания: материалы

Одной из наиболее злободневных и острейших проблем государственно-правовой жизни современности является разрастающийся в планетарном масштабе кризис правосознания вкупе со все явственнее обозначающимся кризисом российского конституционализма. Уточним, что кризис правосознания в России не есть явление локальное. Он представляет собой специфическое преломление в условиях российской государственности глобального кризиса западной традиции права и западного правосознания, берущих свое начало в XVIII в. Выявлено данное обстоятельство еще в начале XX в. [2–4] и находит свое подтверждение в исследованиях последнего времени [5–11]. Известный американский юрист Г. Дж. Берман характеризует его именно как всеобщий кризис западной традиции права, зародившейся в конце XI в. Он разворачивался поэтапно, воплощаясь в кризис секуляризма начиная с XVI в., в кризис либерализма – с XVII в.; кризис индивидуализма – с XVIII в., вылившийся в конечном счете не просто в кризис философии права, но и в кризис самого права. Последнее, все более теряя моральные начала, входящие к с своим первоистокам – праву каноническому, становится более утилитарным, фрагментированным, субъективным, больше заботится об удовлетворении текущих и преходящих потребительских запросов общества, нежели чем о преэминентности логики права, генерируемой традицией. «Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться» [4, с. 53].

Внутренняя динамика правосознания общества, периодически претерпевающая кризисные состояния, глубоко раскрыта И. А. Ильиным, его умозаключения созвучны с выводами Г. Дж. Бермана. Человечество наталкивается на эти кризисы тогда, когда право из фундаментальной предпосылки государственности и его правового уклада превращается в инструмент, приспособляемый для удовлетворения узкокорыстных и конъюнктурных задач. В основе такого расклада вещей – безыдейность власти, утрата ее авторитета в глазах социально и ментально распадающегося общества, внутренние и внешние войны. Опять же, периодически обнаруживается, что и право, и государство приняли несвойственные им функции и формы, которые вырождаются в процессе своего функционирования и эволюции. Между тем с признанием факта кризисного развития событий не приходит отчетливое понимание того, как из этого всего выбрать [12, с. 540–541].

Кризис российского правосознания обусловлен не только близостью русского права к романо-германской семье, но и известной восприимчивостью отечественной политической и правовой культуры к западному опыту государственного строительства, получившего название *западничества* (Н. Н. Алексеев) [13, с. 140], или же, как образно выразился Н. Я. Данилевский, «европейничания – болезни русской жизни» [1, с. 315]. Болезнь эта, поразившая общественное сознание России в первой четверти XVIII в., проявлялась в следующих формах:

- 1) замещении и деформации социальной и культурной среды посредством внедрения в нее чуждых, иноземных форм народного быта во всех его проявлениях, включая и внешний облик, и образ жизни;
- 2) устремленности к слепому, некритическому заимствованию зарубежных институтов и учреждений и воспроизводству их в отечественных условиях;
- 3) восприятию и оценке вопросов национального образа жизни, государственной политики, как внутренней, так и внешней, сквозь «европейские очки» и нацеленности на их перекройку на европейский лад [1, с. 320–322].

Симптомы болезни «европейничания» он объяснял слабостью и немощью народного духа в высших образованных слоях русского общества. Болезнь эта, по убеждению Н. Я. Данилевского, не только препятствует в целом раскрытию созидательного потенциала и осуществлению великих судеб русского народа, но и подводит его к точке саморазрушения [1, с. 359].

У Н. Н. Алексеева склонность отечественных правоведов и реформаторов к подражательству, некритическому, слепому заимствованию либеральных политико-правовых взглядов и опыта получила название *западничества*, характеризовавшегося в целом теми же чертами, которые были отмечены Н. Я. Данилевским [13, с. 139–140].

Нетрудно заметить, что оценки относительно той исторической эпохи, где берет начало современный кризис правосознания, со стороны российских и западных правоведов примерно совпадают. И. А. Ильин, П. И. Новгородцев

связывали его с эпохой французской революции конца XVIII в., которая явилась переломным событием не только в истории Франции, но и всего человечества. Она ознаменовалась небывалым всплеском популярности и распространением либеральных политико-правовых идей европейского Просвещения в XVIII в. (правового государства, народного суверенитета, разделения властей, прав человека) и последовавшим вслед за этим глубоким разочарованием в XIX в.

По наблюдениям П. И. Новгородцева, опыт государственно-правового развития в XIX в. обнаружил условность и нежизнеспособность схем, конструируемых на основе названных идей и казавшихся привлекательными благодаря своей «изящной простоте». На самом деле идеальные начала правового государства не только не способствовали наступлению ожидавшейся полной гармонии, но и выявили свой внутренний антагонизм и абсолютную нереальность [14, с. 28]. По мере того, как накапливался опыт демократии, последняя также все больше стала подвергаться строгой критике. Политическая теория постепенно отказывается от фетиша демократии, снимая с нее ореол чуть ли не ниспосланного свыше откровения, раскрывающего высшую и конечную форму, в которой политическое развитие достигает предельной точки. При этом выявились как чрезвычайная трудность осуществления демократической идеи, так и одновременно величайшая легкость ее искажений [15, с. 540–541]. П. И. Новгородцев степень отдаленности современных демократий от демократического идеала соотносил с вопросом о том, в какой мере фактически действительно народовластие. На самом деле в демократиях естественным и закономерным образом над народными массами всегда выдвигались немногие, руководящее меньшинство, вожди, направляющие общую политическую жизнь. «Это давно замеченное и притом совершенно естественное явление, что демократия практически всегда переходит в олигархию, в правление немногих» [15, с. 549–550]. В свою очередь Н. Н. Алексеев, основываясь на собственном анализе эволюции политических режимов и форм правления, резонно подметил: «Фактически все известные нам государства были олигархиями и вообще не существовало никакого иного государства, кроме *олигархического*» [13, с. 545].

В названных произведениях не только подверглись фундаментальному рассмотрению идейно-теоретические основы политико-правовых доктрин либерализма, но и обозначены перспективные направления выхода из тупиковой траектории развития отечественной государственности и системы права. Они предполагали ориентированность не на формально-правовое, сугубо институциональное оформление неких ценностных установок и благородных устремлений общества, идеалов добра и справедливости

и проч. Это своеобразное проявление номинализма¹ в кризисно разворачивающемся правовом сознании, выражающееся в широком прокламировании метафор (свобода, равенство, братство и т. д.), улаждающим слух, но не способствующим решению злободневных проблем. Именно на их основе в последующем массивно продуцируются конституционно-правовые фикции – категории, широко употребляемые, но отличающиеся значительной смысловой неопределенностью (подлинная демократия, настоящий федерализм, народный и национальный, а также судебный, технологический, финансовый и прочие суверенитеты, классический конституционализм, правовое, или же социальное, государство и т. д.).

Уже на подходе к началу XX в. со всей очевидностью приходит осознание того, что «вера в идеал либерализма уже стала невозможной» [16, с. 326]. Она была основана на ложном учении о человеческой природе, при игнорировании ее явных и скрытых иррациональных сторон. Улетучивается слепая вера в конституции и парламентаризм, воспринимавшиеся поначалу как панацея от всех зол. Наступление эры конституционализма и парламентаризма признавалось как неизбежность, но их полезность также оказалась относительной. Ведь все политические начала относительны, и ни одно из них не может иметь исключительного значения, тем более рассматриваться в качестве единственного спасительного средства. «Вера в конституцию – жалкая вера. Конституции можно устраивать согласно требованиям исторического дня, но верить в них бессмысленно. <... > Правовое государство – вещь очень относительная» [16, с. 326–327].

Н. А. Бердяев принадлежал к консервативному крылу российской философско-правовой науки. Его современник Б. Н. Чичерин занимал промежуточное положение между консервативным и либеральным течениями, но более тяготел к последнему, хотя свою идейную платформу характеризовал как «разумный и либеральный консерватизм» [17, с. 202]. Вместе с тем его оценки и суждения по существу совпадали: «Как будто изменением статей Свода Законов, да сменой нескольких администраторов, да еще новым и новым разглагольствием возможно обновить Россию! Мы ищем лекарства не там, где оно находится. И корень зла, и средства врачевания лежат не в учреждениях, не во внешних условиях, а в нас самих» [17, с. 202] (*прим.* – выделено нами).

Заметим, что сегодня, даже в либерально ориентированной литературе Запада, критические оценки опыта осуществления политико-правовых принципов либерализма получают широкое распространение. В этом отношении взгляды и либералов, и консерваторов, и отечественных, и западных, начали сближаться довольно давно. Они основываются на реалистичной оценке действительного потенциала правовых

¹ Номинализм – философское учение, отрицающее онтологическое значение универсалий (общих понятий), т. е. утверждающее, что универсалии существуют не в действительности, а только в мышлении. «Современный номинализм в логике рассматривает абстракции как "символические фикции" – термины, смысл которых определяется контекстом, а употребление служит своего рода сокращающим приемом для формулировки вполне осмысленных утверждений о реальных объектах, особенно в тех случаях, когда этих объектов бесконечно много» [Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 440].

институтов и учреждений, как правило, уступающих по своей влиятельности абсолютизму политического государства. О. Шпенглер, немецкий историкософ, публицист консервативно-националистического направления, писал о том, что демократической традиции свойственно то, что те, кто творил популистские конституции – и античные, и Нового времени, – не представляли себе, как на самом деле будут действовать их «проекты», поскольку они были измышлены, причем не на основе глубокого знания людей и вещей, но из абстрактных представлений о праве и справедливости. Политический опыт убедительно показывает, что «права народа и влияние народа – вещи разные. Чем более всеобщим делается избирательное право, тем ничтожнее власть электората. <...> Чистой теорией остается также и идеальное фундаментальное право западноевропейских конституций, а именно право масс свободно определять своих представителей» [18, с. 484–485], ибо развитая политическая система самодостаточна и самовосполняема.

Выдающийся британский экономист, лауреат Нобелевской премии (1974) Фридрих Август фон Хайек, сторонник классического либерализма, заметил, что на Западе закон как источник права утратил свое былое значение особого, универсального акта, предотвращающего несправедливое поведение вне зависимости от того, от кого оно исходит, включая самих законодателей и правительство. То, что современные законодатели располагают совершенно не ограниченной законом властью, привело к образованию самодовлеющего и склонного к произволу механизма власти, по преимуществу ориентированного на удовлетворение внутренних запросов. Такую форму демократии он считал саморазрушительной и нуждающейся в защите от самой себя» [19, с. 471].

Следует подчеркнуть при этом, что отечественными правоведами – как либерального (П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин и др.), так и консервативного (Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.) направлений – симптомы глубокого кризиса правосознания были выявлены раньше, чем это обнаружено представителями либерального течения на Западе. Сочинение П. И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис правосознания» вышло в свет в 1908 г. Правда, современный читатель увидел его только в 1996 г. благодаря публикации, подготовленной Институтом государства и права РАН. Труд Н. А. Бердяева «Философия неравенства» опубликован в 1918 г. [16]. Публичная речь И. А. Ильина о проблемах современного правосознания, произнесенная в Берлине в феврале 1923 г. [2], легла в последующем в основу его классического труда «О сущности правосознания», изданного в Мюнхене в 1956 г. уже после его смерти (1954).

Результаты

В начале Новейшего времени как отечественными, так и европейскими прогрессивными мыслителями-государствоведами была с достаточной убедительностью выявлена глубина кризиса европейского правосознания, его действительные идейно-теоретические и исторические

предпосылки. Между тем он активно укоренялся в ментальности российского общества, увлеченного просветительскими идеями и склонного к упрощенному их восприятию и слепому заимствованию. Масштабное проникновение политико-правовых начал западного либерализма в российскую государственность было приостановлено переходом к строительству советской политической системы. Этот процесс был всего лишь отложен и возобновился с крушением Союза ССР и приходом к управлению страной новой либерально настроенной политической элиты, не знакомой всерьез с тем опытом конституционного строительства и демократии, который на Западе постигался и переосмысливался на протяжении целого столетия.

У современного кризиса российского правосознания – двойной источник. С одной стороны, его корни уходят вглубь отечественной государственной истории, на всем протяжении которой наблюдалась общая отсталость правовой культуры и пренебрежение ее ценностями (законностью, правами и свободами граждан, верностью служебному долгу и т.д.). С другой – незрелая правовая культура являлась питательной почвой для паразитирования доктринерства, выхолащивающего государственную действительность и склоняющегося к конструированию упрощенных схем. С этим феноменом практика отечественного конституционного строительства современности сталкивается чуть ли не повседневно.

С сожалением приходится констатировать, что отечественная наука государственного (конституционного) права в период, предшествующий разработке и принятию Конституции РФ 1993 г., не сумела усвоить и осмыслить должным образом теоретическое наследие передового отечественного и западного государственоведения второй половины XIX – первой половины XX в. Тем более не был ментально готов к адекватному восприятию историко-правового момента конституционный законодатель, для которого чуть ли не откровением явились просветительские идеи более чем двухвековой давности. Они, собственно говоря, и послужили идеологической подпоркой основ конституционного строя, придавшим Конституции очевидную либеральную направленность. Либеральный дух Конституции соответствующим образом выстраивал систему координат не только для государственно-правового развития, но и государствоведческих исследований, включая науку конституционного права. Получается, что в Основной закон, призванный способствовать преодолению системного кризиса государственности, разразившегося на переломе отечественной политической истории, был изначально внедрен культурный код кризисного правосознания.

Правосознание, включая и конституционное правовое сознание, детерминируемое факторами мировоззренческого, общекультурного порядка, самым непосредственным образом сказывается на уровне и стилистике разрешения проблем государственного и конституционного строительства. И в нынешних условиях в этой области дела, как можно увидеть невооруженным глазом, складываются

не самым блестящим образом, что в очередной раз явственно было продемонстрировано в ходе т.н. конституционной реформы 2020 г. [20; 21].

О. Е. Кутафин, размышляя о современном российском конституционализме, называл его мнимым, отличающимся «неустойчивостью, возможностью обращения вспять, очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность – авторитаризм» [22, с. 42]. Фундаментальные причины кризисного состояния конституционализма он видел в расхождении между конституционными принципами и нормами (народовластие, верховенство права, незабываемость прав и обязанностей личности, разделение властей, политический плюрализм, самостоятельность местного самоуправления, многообразие форм экономической деятельности и проч.), кризисных процессах в экономике, либеральных реформах, беспрецедентном социальном расслоении общества, в недостатках, «связанных с подготовкой ее в качестве документа, призванного обеспечить всевластие Б. Н. Ельцина» [22, с. 146–147]. Важнейшей особенностью российского конституционализма О. Е. Кутафин справедливо называл отсутствие широкой социальной опоры ввиду растущего среднего класса с присущими ему политическими интересами. Носителями конституционной идеологии являлись, как правило, представители тех или иных элитных групп, апеллирующих время от времени к Конституции, исходя из нюансов текущей политической повестки [22, с. 147].

Сегодня понятие конституционализма характеризуется, как и многие упомянутые ранее фундаментальные категории государственного управления, известной смысловой многозначностью. Оно активно разрабатывается и правоведами, и политологами, и философами. Остается открытым вопрос об объеме (границах) и содержании (глубине) этого понятия, подобно тому, как в общеполитическом плане остается неразрешенной проблема о пределах государственного регулирования, или же – в конституционно-правовом смысле – нескончаемо дискутируемой является тема объекта / предмета конституционного и конституционно-правового регулирования.

Очевидно, что сложившееся положение дел с отечественной моделью конституционализма и практикой конституционного строительства диссонирует с публичными высказываниями Президента РФ В. В. Путина о тяготении российского общества к консервативным ценностям и традициям, необходимости соответствующего переосмысления траектории государственного развития. И эти суждения, по сути, имеют директивный характер, поскольку сформулированы главой государства в ряде официальных документов стратегического планирования².

К настоящему времени только лишь обозначилась направленность предстоящего движения, сделаны очень приблизительные наброски. Пока что консервативно-ориентированными являются лексика, а не практические шаги в сфере государственного строительства. Между тем настоятельно необходимой видится глубокая и системная работа по освоению и трансформации в программу конкретных шагов интеллектуальных накоплений, сделанных в рамках отечественной консервативной традиции. А они на самом деле масштабны и глубоки. Подчас предпринимаемые в этой области шаги ничего, кроме недоумения, не вызывают. Обратимся к опубликованному недавно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. Традиционные ценности, как отмечено в Указе, – это *нравственные ориентиры*, формирующие мировоззрение граждан России, *передаваемые от поколения к поколению*, лежащие в основе *общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны*, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое *уникальное, самобытное* проявление в *духовном, историческом и культурном развитии* многонационального народа России (п. 4). Сформулированные в приведенной норме положения как бы подготавливают почву для объявления давно ожидавшихся в обществе неких сакральных по своему звучанию и назначению идеологем, причем явно консервативного толка. Но ко всеобщему удивлению этого не произошло. К традиционным ценностям Указ относит *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд*, приоритет духовного над материальным, *гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России* (п. 5).

Но дело в том, что многие из названных ценностей, такие как *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, взаимоуважение* и др., имеют либеральную идейную основу и являются ключевыми в манифестах и идейных платформах мирового движения либералов (Оксфордский манифест, выработанный в апреле 1947 г. представителями 19 либеральных политических партий на Wadham College в Оксфорде, и последующие его редакции, составленные в 1997 г. (Либеральная программа для 21 в.) и 2017 г. (Либеральный манифест 2017 г.)).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ от 09.11.2022. № 809. *Собрание законодательства РФ*. 2022. № 46. Ст. 7977.

³ Какую Россию мы строим. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000. *Российская газета*. 2000. № 133; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007. *Российская газета*. 2007. № 90; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013. *Российская газета*. 2013. № 282.

Более того, представляется странным выведение отмеченного понятийного ряда в отдельный «каталог», который, с одной стороны, воспроизводит известные ценности, закрепленные в Конституции РФ, с другой – это далеко не полный перечень ценностно-нормативных установлений, провозглашенных Основным законом в главах 1, 2, 3.

В. В. Путин в одном из своих выступлений в очередной раз затронул тему российского консерватизма и иронично заметил, что поиск национальной идеи у нас – нечто вроде старинной национальной забавы, занятия в целом бесполезного и небезынтересного, чем «можно заниматься всегда и – бесконечно»⁴. Отношение Н. А. Бердяева к схоластическим изысканиям вокруг проблемы российского консерватизма было выражено несколько резко: «Природа консервативного начала плохо понимается не только врагами его, но и иными сторонниками его. Существует тип консерватора, который более всего сделал для компрометирования всякого консерватизма» [23, с. 541].

Заключение

В теоретико-методологическом отношении проблематика выбора адекватного инструментария для дальнейшего осмысления названных вопросов, а также перспектив развития отечественного конституционализма осложняется тем обстоятельством, что в современных условиях все большую остроту набирает потребность в корректировке, а возможно, и выработке новой парадигмы конституционно-правовой науки с соответствующей корректировкой понятийно-категориального аппарата. Такой вывод, думается, напрашивается сам по себе.

Литература / References

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 2-е изд. М.: Благословение, 2011. 812 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. 2nd ed. Moscow: Blagoslovenie, 2011, 812. (In Russ.)] EDN: QPRIXF
2. Ильин И. А. Проблема современного правосознания. Берлин: Прессе, 1923. 32 с. [Ilyin I. A. *The problem of modern legal consciousness*. Berlin: Presse, 1923, 32. (In Russ.)]
3. Тоцкий Н. М. Кризис в науке государственного права. СПб.: Правда, 1914. 122 с. [Totsky N. M. *Crisis in the science of public law*. St. Petersburg: Pravda, 1914, 122. (In Russ.)]
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: МГУ; ИНФРА-М-NORMA, 1998. 622 с. [Berman H. J. *Law and revolution: the formation of the Western legal tradition*. 2nd ed. Moscow: MSU; INFRA-M-NORMA, 1998, 622. (In Russ.)]
5. Замосковный А. В. Кризис правосознания в России (философско-методологический аспект): дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 164 с. [Zamoskovnyi A. V. *The crisis of legal consciousness in Russia: philosophical and methodological aspect*. Cand. Philos. Sci. Diss. Moscow, 2004, 164. (In Russ.)] EDN: NMVUMV
6. Затонский В. А. Правовой менталитет, правосознание и правовая активность граждан в контексте повышения эффективности российской государственности. *Право и политика*. 2007. № 6. С. 122–129. [Zatonsky V. A. Legal mentality, sense of justice and legal activity of the people within the context of higher efficiency of the Russian statehood. *Pravo i politika*, 2007, (6): 122–129. (In Russ.)] EDN: HZSNWT
7. Зырянов М. Ю. Правосознание в условиях современного российского общества (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 28 с. [Zyryanov M. Yu. *Legal consciousness in the conditions of modern Russian society: social and philosophical aspect*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 28. (In Russ.)] EDN: ZONXIV
8. Кузнецов Э. В. Кризис современного правосознания. *Правоведение*. 1994. № 3. С. 3–10. [Kuznetsov E. V. The crisis of modern legal consciousness. *Pravovedenie*, 1994, (3): 3–10. (In Russ.)]

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 ...

По Т. Куну, парадигмы – «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [24, с. 11–12]. В рамках ли текущего реформирования Конституции или же посредством ее пересмотра будут решаться задачи совершенствования российской государственности, дальнейшее продвижение в этом направлении без переосмысления парадигмы конституционализма и разработки на широкой профессиональной основе доктрины дальнейшего государственного развития вряд ли возможно.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

9. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с. [Maltsev G. V. *The understanding of law. Approaches and problems*. Moscow: Prometei, 1999, 419. (In Russ.)]
10. Погребная Ю. К. Кризис современного российского правосознания. М.: Инфра-М, 2019. 192 с. [Pogrebnaia Yu. K. *The crisis of modern Russian legal consciousness*. Moscow: Infra-M, 2019, 192. (In Russ.)] EDN: OBEAZU
11. Самигулин В. К. Закат права или переоценка ценностей. *Право и политика*. 2005. № 12. С. 143–151. [Samiguilin V. K. Decline of law or reassessment of values. *Pravo i politika*, 2005, (12): 143–151. (In Russ.)]
12. Ильин И. А. Теория права и государства. 2-е изд., доп. М.: Зерцало, 2008. 550 с. [Ilyin I. A. *Theory of law and state*. 2nd ed. Moscow: Zertsalo, 2008, 550. (In Russ.)] EDN: QQOKKD
13. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с. [Alekseev N. N. *Russian people and state*. Moscow: Agraf, 1998, 635. (In Russ.)]
14. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000. 352 с. [Novgorodtsev P. I. *Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness*. St. Petersburg: Lan, 2000, 352. (In Russ.)]
15. Новгородцев П. И. Демократия на распутье. In: Новгородцев П. И. *Об общественном идеале*. М.: Пресса, 1991. С. 540–558. [Novgorodtsev P. I. Democracy at a crossroads. In: Novgorodtsev P. I. *The social ideal*. Moscow, 1991, 540–558. (In Russ.)]
16. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 624 с. [Berdyayev N. A. *Philosophy of inequality*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012, 624. (In Russ.)] EDN: QXEFVZ
17. Чичерин Б. Н. Политический вопрос в России. *Российский военный сборник. Вып. 2. Русские мыслители о национально-государственном развитии России (1861–1940 гг.)*. Т. 1: Россия накануне двадцатого столетия. Ч. 1: Государственная наука и политика России в творческом наследии Б. Н. Чичерина, сост. Ю. Т. Белов, И. В. Домнин. М.: ГА ВС, 1992. С. 195–228. [Chicherin B. N. Political issue in Russia. *Russian military collection. Iss. 2. Russian thinkers about the national-state development of Russia (1861–1940)*. Vol. 1: *Russia on the eve of the twentieth century. Pt. 1: State science and politics of Russia in the creative heritage of B. N. Chicherin*, comps. Belov Iu. T., Domnin I. V. Moscow: HA AF, 1992, 195–228. (In Russ.)]
18. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с. [Spengler O. *Decline of the West: essays on the morphology of world history*. Vol. 2: *Perspectives in world history*. Moscow: Mysl, 1998, 606. (In Russ.)]
19. Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 642 с. [Hayek F. A. von. *Law, legislation and liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Moscow: IRISSEN, 2006, 642. (In Russ.)] EDN: QXBJUZ
20. Ким Ю. В. О некоторых итогах очередного этапа новеллизации Конституции России: доктринальный и юридико-герменевтический анализ. *Конституционная реформа в России 2020 года: политическое и правовое значение*: Всеросс. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Краснодар, 4 декабря 2020 г.) Краснодар: КубГУ, 2021. С. 56–61. [Kim Yu. V. Some results of the next stage of the novelization of the Russian Constitution: a doctrinal and legal-hermeneutical analysis. *Constitutional reform in Russia in 2020: political and legal significance*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Krasnodar, 4 Dec 2020. Krasnodar: KubSU, 2021, 56–61. (In Russ.)] EDN: ONDGFM
21. Ким Ю. В. А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2022. Т. 8. № 1. С. 136–151. [Kim Yu. V. Was there a reform: to the question of the legal significance of the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2022, 8(1): 136–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151>
22. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 542 с. [Kutafin O. E. *Russian constitutionalism*. Moscow: Norma, 2008, 542. (In Russ.)] EDN: SDQPLV
23. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: АСТ, 2007. 699 с. [Berdyayev N. A. *The philosophy of freedom*. Moscow: AST, 2007, 699. (In Russ.)] EDN: QWQHHLH
24. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с. [Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: AST, 2009, 317. (In Russ.)] EDN: QWUSZD

оригинальная статья

Право на образование в Конституциях ГДР и СССР

Бегунович Роман Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-6366-8724>

r.begunovich@gmail.com

Поступила в редакцию 30.11.2022. Принята после рецензирования 21.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Рассмотрено закрепление права на образование в Конституциях Германской Демократической Республики и Советского Союза, а также некоторые касающиеся данного права нормы в Советской зоне оккупации Германии. При проведении исследования в значительной степени использовался сравнительно-правовой метод, в частности нормативное сравнение, заключающееся главным образом в сопоставлении норм, закреплявших основное право на образование в Восточной Германии и СССР. Регулирование образования в Восточной Германии начало складываться еще до возникновения ГДР. Так, акты, принятые в период 1945–1949 гг. установили в том числе запрет частных школ, структуру единой демократической школы, закрепили положения о равном праве на образование. Значительное количество норм данного периода нашло отражение в Конституции ГДР 1949 г. В то же время эта Конституция в немалой степени сохранила преемственность относительно Веймарской Конституции. Характер закрепления права на образование в Конституции ГДР 1968 г. содержит ряд отличий в сравнении с Конституцией ГДР 1949 г. В то же время Конституция 1968 г. не стала формулировать данное право по образцу Конституций СССР 1936 и 1977 г. В самих же советских Конституциях нормы о праве на образование имели одинаковую структуру и схожее содержание. Несмотря на влияние как советского права, так и марксистско-ленинской идеологии, Конституциям ГДР удалось сохранить довольно высокую степень самобытности в плане закрепления права на образование.

Ключевые слова: право на образование, Восточная Германия, ГДР, СССР, социализм, социалистическое право

Цитирование: Бегунович Р. В. Право на образование в Конституциях ГДР и СССР. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 54–58. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-54-58>

full article

Education Rights in the Constitutions in the Soviet Union and the German Democratic Republic

Roman V. Begunovich

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-6366-8724>

r.begunovich@gmail.com

Received 30 Nov 2022. Accepted after peer review 21 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article considers the right to education recorded in the Constitutions of the German Democratic Republic and the Soviet Union, as well as some related norms applied in the Soviet zone of Germany. The author used the comparative legal method, e.g., the method of normative comparison, to compare the education laws in East Germany and the USSR. The state regulation of education started in East Germany in the pre-republic period. The period of 1945–1949 saw a ban of private schools, a single structure for all comprehensive schools, and a stipulation of equal rights to education. The constitution of the German Democratic Republic, which appeared in 1949, enshrined these norms at the statutory level. However, the new Constitution inherited a lot from the Weimar Constitution. The consolidation of education rights in the Constitution of 1968 differed from the variant of 1949. The Constitution of 1968 did not follow the education model of the Soviet Constitutions of 1936 and 1977, which were almost identical in structure and content. Despite the strong influence of both Soviet law and Marxist-Leninist ideology, the Constitutions of East Germany were independent in terms of education rights.

Keywords: the right to education, East Germany, GDR, USSR, socialism, socialist law

Citation: Begunovich R. V. Education Rights in the Constitutions in the Soviet Union and the German Democratic Republic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki,* 2023, 7(1): 54–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-54-58>

Введение

Социолог и ученый-естествоиспытатель Н. Я. Данилевский предложил теорию культурно-исторических типов, в перечень которых включил романо-германский и славянский типы [1]. Менее чем через 100 лет после публикации труда «Россия и Европа» два государства, относящиеся к данным культурно-историческим типам, Германская Демократическая Республика и Союз Советских Социалистических Республик, оказались объединены одной правовой семьей – социалистической. В связи с этим возникает вопрос о влиянии правовых систем данных государств друг на друга.

Отметим, что в России имеются исследования, посвященные образованию в ГДР [2–6]. Несмотря на то что ряд отечественных работ касается права на образование в ГДР, в общем и целом данная тема, по нашему мнению, должна подлежать более детальной разработке. Больше внимания в отечественной историографии уделено праву на образование в СССР [7–14]. При этом представляет интерес то, что значительное количество работ посвящено сравнению закрепления права на образование в СССР и РФ. Касаясь историографии вопроса, нельзя не отметить работы восточно-немецких исследователей, так или иначе посвященные праву на образование [15–22].

Для изучения истории права и его философского осмысления весьма полезно сравнительное право [23, с. 25]. При проведении данного исследования широко применялся сравнительно-правовой метод, при этом сравнение было проведено нормативным способом. Для такого сравнения, как отметил А. Х. Саидов, отправным пунктом являются сходные правовые нормы, институты, законодательные акты [24, с. 48].

В настоящей статье представлена сравнительная характеристика закрепления основного права на образование в Восточной Германии и СССР в период 1945–1990 гг.

Право на образование в Восточной Германии в 1945–1949 гг.

Регулирование образования в Восточной Германии стало формироваться еще до возникновения ГДР. Одну из ключевых ролей здесь играли приказы Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Особо отметим Приказ № 40 от 25 августа 1945 г. о подготовке школ к учебным занятиям. Одним из положений Приказа является запрет частных школ. Существующие частные школы

преобразовывались в городские, районные и сельские, передавались в ведение местных магистратов. Открытие частных общеобразовательных и профессиональных школ не дозволялось (пп. «в» п. 1 Приказа № 40)¹.

Немаловажным в развитии образования в Восточной Германии стало принятие землями и провинциями советской оккупационной зоны в мае-июне 1946 г. практически одинаковых по содержанию Законов о демократизации немецкой школы. Данные законы установили структуру единой демократической школы, закрепили положения о равном праве на образование. В продолжение норм Приказа СВАГ № 40 от 25 августа 1945 г. Законы объявляли школьное воспитание молодежи исключительно делом государства. Преподавание религии было определено в качестве дела религиозных общин².

Право на образование в Конституции ГДР 1949 г.

Значимым событием, в том числе в вопросе закрепления права на образование, стало принятие 7 октября 1949 г. Конституции ГДР. Глава 4 раздела 2 была посвящена воспитанию и образованию (ст. 34–40)³. С одной стороны, положения данной главы являются закреплением на конституционном уровне уже существовавшего регулирования. Так, абз. 1, 2 ст. 37 Конституции ГДР 1949 г. почти полностью перенесены из § 1 Закона о демократизации немецкой школы, посвященного цели и задачам школы. Ст. 40 Конституции вслед за § 2 того же закона устанавливает, что преподавание религии является делом религиозных общин. В соответствии с рассматриваемой Конституцией образование молодежи обеспечивается публичными учреждениями (ст. 35), а частные школы в качестве замены публичных школ не допускаются (ст. 38)⁴, что соответствует положению § 2 Закона о демократизации немецкой школы о том, что школьное воспитание молодежи является исключительно делом государства⁵.

В то же время было бы неверно полагать, что закрепленное в Конституции ГДР 1949 г. регулирование образования является исключительно продуктом правотворчества 1945–1949 гг. Убедиться в этом можно, сравнив тексты Веймарской Конституции и Конституции ГДР 1949 г.⁶ Так, прежде всего, следует отметить одинаковый принцип расположения конституционных норм, посвященных образованию: они находятся в отдельном, посвященном

¹ За антифашистскую демократическую Германию: сб. документов 1945–1949 гг. М.: Политиздат, 1969. С. 130.

² Там же. С. 247–251.

³ Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 7 Oktober 1949. *Verfassungen der Deutschen Demokratischen Republik (1949–1990)*. URL: <http://www.verfassungen.de/ddr/verf49-i.htm> (accessed 13 Oct 2022).

⁴ Данное положение ст. 38 Конституции ГДР 1949 г. также по содержанию коррелирует с предр. 2 п. «в» Приказа СВАГ № 40 от 25.08.1945, запрещающего открытие каких бы то ни было частных общеобразовательных и профессиональных школ.

⁵ Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 7 Oktober 1949...

⁶ В отечественной литературе можно встретить тезис о внешнем сходстве, а также идентичности отдельных пассажей Конституции ГДР 1949 г. и Веймарской Конституции [6, с. 42].

образованию разделе, который расположен в главе, закрепляющей основные права.

Также нельзя обойти вниманием, что обе Конституции касаются практически одинакового круга вопросов, к которым следует отнести как минимум следующие:

1. Свобода искусства, науки и преподавания. Конституция ГДР 1949 г. в ст. 34 практически полностью копирует ст. 142 Веймарской Конституции.

2. Указание на обеспечение образования молодежи публичными учреждениями (абз. 1 ст. 143, ст. 144 Веймарской Конституции, ст. 35 Конституции ГДР 1949 г.).

3. Обучение учителей (абз. 2 ст. 143 Веймарской Конституции, ст. 36 Конституции ГДР 1949 г.).

4. Воспитательная функция образования (абз. 1–3 ст. 148 Веймарской Конституции, ст. 37 Конституции ГДР 1949 г.). Согласно абз. 1, 2 ст. 37 Конституции ГДР 1949 г. школа воспитывает из молодежи в духе Конституции самостоятельно мыслящих и обладающих чувством ответственности за свои действия людей, которые способны и готовы включиться в жизнь общества. Задача школы как посредницы культуры – воспитать молодежь в духе мирного и дружественного сосуществования народов и подлинной демократии, в духе истинного гуманизма⁷.

5. Обязанность получить образование с привязкой к системе образования. Обе Конституции закрепляют обязанность получить образование. При этом они устанавливают, что эта обязанность существует до достижения лицом 18-летнего возраста. Представляет интерес, что обе Конституции делают образование, получаемое до указанного возраста, на два этапа, первым из которых является восьмилетняя школа. Согласно ст. 145 Веймарской Конституции всеобщее школьное обучение обязательно. Для осуществления его служит по общему правилу народная школа с не менее чем 8-летним курсом; за нею следует школа второй ступени, в которой обучение производится до достижения 18-летнего возраста. В соответствии с абз. 1 ст. 38 Конституции ГДР 1949 г. всеобщая обязанность получить образование сохраняется до достижения 18 лет. После окончания обязательной для всех детей неполной средней школы дальнейшее образование осуществляется в профессиональной или технической школе, в средней школе или в других публичных образовательных учреждениях. Согласно § 3 Закона о демократизации немецкой школы обучение в неполной средней школе составляло 8 лет⁸.

6. Равный доступ к образованию. Так, согласно абз. 1, 3 ст. 146 Веймарской Конституции для приема ребенка

в определенную школу имеют значение его дарования и склонности, а не имущественное и общественное положение или религиозное исповедание его родителей. Для поступления детей из малообеспеченных семей в средние или высшие школы рейх, земли и общины должны отпускать общественные суммы. Родителям, дети которых оказываются способными для прохождения курса средней и высшей школы, отпускаются пособия на воспитание до окончания образования. Сходные по своей направленности положения устанавливала ст. 39 Конституции ГДР 1949 г., согласно которым образовательный процесс не может зависеть от социального или экономического положения семьи; обездоленным детям уделяется особое внимание. Кроме того, в данной статье был закреплен принцип бесплатности школьного образования.

7. Вопрос о частной школе как замене публичной; религия и образование. По данным вопросам Конституции содержат диаметрально противоположные нормы. Так, если Веймарская Конституция предусматривала возможность существования частных школ как замены публичной, то Конституция ГДР 1949 г. данную возможность не допускала. Аналогично и с уроками религии: Веймарская Конституция называла этот предмет регулярным (за исключением внеисповедных школ), а Конституция ГДР 1949 г. относил преподавание религии к делу религиозных общин⁹.

Право на образование в Конституциях СССР

Право на образование нашло закрепление и в Конституции СССР 1936 г. (ст. 121). Сравнивая положения данной статьи с соответствующими нормами Конституции ГДР 1949 г., следует отметить некоторые сходства, а именно прямое закрепление права на образование, установление обязанности получить образование, нормы о равном доступе к образованию. В связи с этим в ст. 121 Конституции СССР 1936 г. говорится об обеспечении права на образование бесплатностью 7-летнего образования, системой государственных стипендий отличившимся учащимся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинно-тракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся¹⁰. Также, говоря о сходствах, отметим ст. 124 Конституции СССР, установившую отделение государства и школы от церкви.

Но существуют и различия. Так, если Конституция ГДР 1949 г. содержит целую главу, посвященную образованию, то Конституция СССР 1936 г. ограничивается ст. 121,

⁷ Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 7 Oktober 1949...

⁸ За антифашистскую демократическую Германию: сб. документов 1945–1949 гг. М.: Политиздат, 1969. С. 247–251; Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 7 Oktober 1949...; Die Verfassung des Deutschen Reiches vom 11 August 1919. *Verfassungen der Deutschen Demokratischen Republik (1949–1990)*. URL: <http://www.verfassungen.de/de19-33/verf19-i.htm> (accessed 13 Oct 2022); Конституция Германского рейха, 11 августа 1919 г. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&object=translation&l=ru (дата обращения: 13.10.2022).

⁹ Die Verfassung des Deutschen Reiches vom 11 August 1919...; Конституция Германского рейха, 11 августа 1919 г...

¹⁰ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rfsfr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 13.10.2022).

провозглашавшей в абз. 1 само право на образование, а в абз. 2 приводившей перечень гарантий этого права. Кроме того, Конституция СССР 1936 г. не освещала ряд вопросов, затронутых Конституцией ГДР 1949 г.

Конституция СССР 1977 г. переняла ст. 121 Конституции СССР 1936 г., оставив ту же структуру статьи и практически не изменив ее содержание. Наиболее заметные изменения внесены в список гарантий права на образование: исключено упоминание об организации на заводах, в совхозах и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся; добавлены такие гарантии, как создание условий для самообразования и бесплатная выдача учебников¹¹.

Право на образование в Конституции ГДР 1968 г.

В апреле 1968 г. была принята вторая Конституция ГДР, в которой право на образование установлено в ст. 25, 26. При этом данная Конституция содержит ряд отличий от Конституции ГДР 1949 г. Так, в Конституцию 1968 г. не вошли нормы о свободе искусства, науки и преподавания, об уроках религии и частных школах; норма об обязанности получить образование практически прямо говорила о принципе единства прав и обязанностей (абз. 4 ст. 25), а положение о воспитательной функции образования (абз. 2 ст. 25) носило куда более яркий марксистско-ленинистский характер, чем в Конституции ГДР 1949 г. При этом, отказавшись от закрепления норм об образовании в отдельной главе, Конституция ГДР 1968 г. тем не менее не стала устанавливать их по образцу¹² ст. 121 Конституции СССР 1936 г.

Литература / References

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Юрайт, 2020. 453 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Iurait, 2020, 453. (In Russ.)] EDN: KJMJXE
2. Данилова Л. Н. Реформы общего образования ГДР и ФРГ как основа последующего развития немецкой школы. *Ярославский педагогический вестник*. 2006. № 2. С. 103–108. [Danilova L. N. Reforms of general education in the GDR and the FRG as the basis for the subsequent development of the German school. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2006, (2): 103–108. (In Russ.)] EDN: ISVLDN
3. Нefёдов В. В. СЕПГ и развитие народного образования в ГДР в 1950–70-е гг. *Наука и школа*. 2009. № 4. С. 73–76. [Nefedov V. V. SED and extension of people's education in DDR in 1950–1970. *Nauka i shkola*, 2009, (4): 73–76. (In Russ.)] EDN: MWLHSJ
4. Нefёдов В. В. СЕПГ и высшее образование в ГДР. *Наука и школа*. 2011. № 4. С. 150–152. [Nefedov V. V. SED and higher education in the GDR. *Nauka i shkola*, 2011, (4): 150–152. (In Russ.)] EDN: OPKSNT
5. Нefёдов В. В. СЕПГ и народное образование в Восточной Германии в 1945–1949 гг. *Наука и школа*. 2011. № 1. С. 146–149. [Nefedov V. V. The socialist unity party of Germany and education in East Germany in 1945–1949. *Nauka i shkola*, 2011, (1): 146–149. (In Russ.)] EDN: NYGRVN
6. Артюхова Е. А. Развитие системы образования в Восточной и Западной Германии в конце 40 – начале 60-х годов XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 226 с. [Artyukhova E. A. *The development of the education system in East and West Germany in the late 1940s – early 1960s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Stavropol, 2011, 226. (In Russ.)] EDN: QFMCLX

¹¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 13.10.2022).

¹² Здесь имеется в виду структура статьи, при которой само основное право декларируется в абз. 1, а в абз. 2 приводится список гарантий этого права.

Заключение

Положения, закрепляющие в ГДР основное право на образование, испытали, несомненно, влияние как советского права, так и марксистско-ленинской идеологии. В то же время Конституциям ГДР удалось сохранить довольно высокую степень самобытности. Так, в плане закрепления права на образование Конституция ГДР 1949 г. в общем и целом ближе к Веймарской Конституции, нежели к Конституции СССР 1936 г. Конституция ГДР 1968 г., несмотря на изменения, движимые воздействием марксистско-ленинской идеологии, не стала прибегать в сфере закрепления права на образование к слепому копированию положений Конституции СССР 1936 г.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

7. Кононова С. В. Развитие правового регулирования подготовки аспирантов в СССР. *Право и образование*. 2007. № 11. С. 130–134. [Kononova S. V. Development of legal regulation of postgraduate training in the USSR. *Pravo i obrazovanie*, 2007, (11): 130–134. (In Russ.)] EDN: IBWADF
8. Виноградов В. В. О некоторых особенностях права на образование в СССР: историко-правовой аспект. *Актуальные проблемы правового образования несовершеннолетних и молодежи*, редкол.: С. В. Широ и др. Волгоград: ВолгГАСУ, 2014. Вып. 2. С. 87–94. [Vinogradov V. V. The right to education in the USSR: historical and legal aspect. *Relevant Issues of Legal Education of Minors and Youth*, ed. board: Shiro S. V. et al. Volgograd: VSUACE (VlgGASU), 2014, iss. 2, 87–94. (In Russ.)] EDN: UKNBOB
9. Сидоров О. А., Шабалина О. Л. Право на образование как объект научного исследования. *Вестник Мари́йского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2015. Т. 1. № 1. С. 93–95. [Sidorov O. A., Shabalina O. L. Right to education as an object of scientific research. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 2015, 1(1): 93–95. (In Russ.)] EDN: UMFSNV
10. Матюшева Т. Н. Эволюция права на дополнительное образование в системе образования СССР и Российской Федерации. *Право и образование*. 2016. № 8. С. 142–149. [Matyusheva T. N. Evolution of the right to additional education in the education system of the USSR and the Russian Federation. *Pravo i obrazovanie*, 2016, (8): 142–149. (In Russ.)] EDN: WGHYDH
11. Мекаева Е. А. Сравнительный анализ конституций СССР и РФ в сфере предоставления гражданам права на образование. *Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: Междунар. науч.-практ. конф.* (Уфа, 1 декабря 2016 г.) Уфа: Аэтерна, 2016. Ч. 6. С. 76–80. [Meakaeva E. A. Comparative analysis of the constitutions of the USSR and the Russian Federation in the field of the right to education. *Problems and prospects for the development of science in Russia and the world: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ufa, 1 Dec 2016. Ufa: Aeterna, 2016, pt. 6, 76–80. (In Russ.)] EDN: XBQNVF
12. Беляйкина А. И. Конституционное право на образование в советской России и СССР. *Юридическая наука как основа формирования правовой культуры современного человека: Междунар. науч.-практ. конф.* (Самара, 25 марта 2018 г.) Самара: ОМЕГА САЙНС, 2018. С. 21–26. [Belyaykina A. I. The constitutional right to education in Soviet Russia and the USSR. *Legal science as the basis for the formation of the legal culture of modern man: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Samara, 25 Mar 2018. Samara: OMEGA SAINS, 2018, 21–26. (In Russ.)] EDN: VZXPGX
13. Кальяк Н. А. Право на образование: особенности регулирования в Конституции СССР 1977 года и в действующей Конституции России. *25 лет Конституции Российской Федерации: проблемы теории и практики реализации: Регион. науч. конф.* (Новосибирск, 14 декабря 2018 г.) Новосибирск: СибУПК, 2018. С. 6–11. [Kalyak N. A. The right to education: the peculiarities of regulation in the USSR constitution of 1977 and in the current Russian constitution. *Twenty five years of the Constitution of the Russian Federation: problems of theory and practice of implementation: Proc. Region. Sci. Conf.*, Novosibirsk, 14 Dec 2018. Novosibirsk: SUCC, 2018, 6–11. (In Russ.)] EDN: UBMHSJ
14. Гребенкин А. Н., Фомина М. Г. Становление и развитие права на образование в дореволюционной России, РСФСР и СССР. *Анализ состояния, проблем и перспектив развития современного образования*, под общ. ред. И. И. Ивановской. Петрозаводск: Новая Наука, 2020. С. 157–168. [Gribenkin A. N., Fomina M. G. Formation and development of the right to education in pre-revolutionary Russia, the RSFSR and the USSR. *Analysis of the state, problems, and prospects for the development of modern education*, ed. Ivanovskaya I. I. Petrozavodsk: Novaia Nauka, 2020, 157–168. (In Russ.)] EDN: XDOLUH
15. Nowack F. *Die Grundrechte und Grundpflichten der Bürger der Deutschen Demokratischen Republik*. Leipzig-Jena: Urania-Verlag, Verlag für populärwissenschaftliche Literatur, 1954, 90.
16. Klenner H. *Studien über die Grundrechte*. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1964, 280.
17. Poppe E. *Mensch und Bildung in der DDR*. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1965, 315.
18. Arlt R., Edeling H., Eglar G. *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik*. Dokumente. Kommentar, Hrsg. K. Sorgenicht, W. Weichelt, T. Riemann. Berlin: Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1969, Bd. 2, 560.
19. Nast M. *Das Recht des Menschen auf Bildung*. 1. Aufl. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1978, 285.
20. Kuczynski J. *Menschenrechte und Klassenrechte*. Berlin: Akademie-Verlag, 1978, 164.
21. Poppe E., Riege G., Zschiedrich A. *Grundrechte des Bürgers in der sozialistischen Gesellschaft*. 1. Aufl. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1980, 308.
22. Klenner H. *Marxismus und Menschenrechte: Studien zur Rechtsphilosophie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1982, 528.
23. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 496 с. [David R., Joffre-Spinozi K. *The main legal systems of our time*. Moscow: Progress, 1988, 496. (In Russ.)]
24. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юристъ, 2005. 441 с. [Saidov A. Kh. *Comparative jurisprudence: the main legal systems of our time*. Moscow: Iurist, 2005, 441. (In Russ.)] EDN: QWIDEV

оригинальная статья

Народное участие в правосудии: на примере шеффенского суда и суда присяжных

Бирюкова Ольга Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

olga1.biryukova@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.11.2022. Принята после рецензирования 21.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Народное участие в правосудии является одним из показателей демократической организации общества. Статья посвящена анализу современных форм народного представительства в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены аспекты, связанные с применением шеффенских судов в Германии и присяжных заседателей в Великобритании. Проанализированы основные компетенции народных судей обеих систем. Выявлены особенности каждой формы общественного представительства, а также способы комплектования коллегий шеффенов и присяжных заседателей. Выделены явные недостатки, присущие данным институтам: общие и особенные. После анализа классических форм народного участия в уголовном судопроизводстве рассмотрены проблемы, связанные с применением их в российском правосудии. Выявлены общие и отличительные признаки судов с использованием народных заседателей и судов присяжных в разные периоды нашей истории. В частности, анализируется применение судов шеффенов в период царствования Екатерины II и советский период, участие присяжных заседателей в уголовных процессах во второй половине XIX в. и на современном этапе. Дана характеристика отечественного законодательства по отношению к применению народного элемента в судопроизводстве.

Ключевые слова: народное участие, уголовное судопроизводство, суд шеффенов, присяжные заседатели, вердикт, уголовное законодательство

Цитирование: Бирюкова О. В. Народное участие в правосудии: на примере шеффенского суда и суда присяжных. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 59–65. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-59-65>

full article

Lay Participation: Schöffen Courts and Jury Trials

Olga V. Biryukova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

olga1.biryukova@yandex.ru

Received 30 Nov 2022. Accepted after peer review 21 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: Lay participation is an indicator of a democratic society. This article analyzes some traditional forms of lay participation in criminal proceedings, in particular, the Schöffen courts in Germany and jury trials in the UK, e.g., the main competencies of people's judges, staffing rules, etc. The author highlighted some general and special disadvantages, as well as those associated with the application of these forms in Russian criminal trials. The diachronic analysis of courts with people's assessors and jury courts revealed a number of differences and similarities. In Russia, Schöffen courts took place during the reign of Catherine the Great, as well as in the Soviet period; jurors participated in criminal trials in the second half of the XIX century and still do. The article also describes the current domestic legislation on lay participation in judicial proceedings.

Keywords: lay participation, criminal proceedings, Schöffen courts, jurors, verdict, criminal legislation

Citation: Biryukova O. V. Lay Participation: Schöffen Courts and Jury Trials. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 59–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-59-65>

Введение

Народное участие в правосудии является характерным показателем демократии в государстве. Именно активное привлечение общественных представителей к судопроизводству дает ряд преимуществ системе правосудия. В частности, увеличивается доверие граждан страны к судебным органам,

т. к. решение о виновности или невиновности подсудимого выносится не только профессиональными судьями, но и простыми людьми. Это в конечном итоге способствует повышению правовой грамотности и правовому воспитанию населения. Кроме этого, каждое дело рассматривается

новым составом общественных представителей, что дает возможность индивидуализации процесса. Также граждане, участвующие в рассмотрении уголовного дела, привносят свой жизненный опыт, свои взгляды, оценки и мнения, что помогает предотвратить профессиональную деформацию судей. Наконец, активное привлечение народного элемента в судопроизводство значительно увеличивает независимость суда, что позволяет говорить о недопущении давления на судебные органы со стороны разного рода политических сил и формировании подлинно правового государства.

В различных государствах общего и континентального права использовались свои формы народного участия в уголовном судопроизводстве. Еще в начале XX в. известный русский юрист и исследователь И. Я. Фойницкий выделил такие формы народного представительства в суде, как суд всего народа; судные мужи, или шеффены старого германского права; сословные суды; присяжные заседатели; судебные заседатели, или шеффены нового германского права [1, с. 119]. В текущем законодательстве разных стран мира используются и являются частью правовой системы два типа: суд народных заседателей (суд шеффенов) и суд присяжных [2–11].

Формы общественного представительства в уголовном процессе

Судопроизводство с участием народных заседателей (суд шеффенов)

Шеффенские суды зародились в континентальной Европе в период существования старого германского права [12]. В настоящее время они являются неотъемлемой частью германской системы правосудия.

Судебная система Германии состоит из трех типов судов:

- суды общей юрисдикции, которые совершают правосудие по уголовным и гражданским делам;
- специализированные суды, рассматривающие административные, трудовые, социальные и налоговые споры;
- Конституционный суд, компетенция которого достаточно обширна – от толкования Основного закона страны по поводу разного рода споров до жалоб общин в связи с нарушением права на самоуправление.

Система судов общей юрисдикции включает в себя четыре ступени: районные (участковые) суды, земельные (окружные) суды, высшие земельные суды и Верховный федеральный суд [13]. Участие суда народных заседателей предусмотрено в участковом суде и суде земли. В участковых судах при рассмотрении уголовных преступлений, за которые предусмотрено наказание от двух до четырех лет, формируется состав смешанного суда по формуле «1+2» или «2+2» – один или два профессиональных судьи и два общественных представителя (шеффена). В судах земли участвуют два-три профессиональных судьи и два народных заседателя. Кроме этого, уголовным законодательством ФРГ

предусмотрено использование шеффенов в апелляционных процессах по уголовным делам в окружных судах. Заседания осуществляются по формуле «1+2» – один профессиональный судья и два общественных заседателя.

В настоящее время к компетенции общественных представителей в германской системе правосудия относятся следующие уголовные преступления: о простом и тяжком убийстве; деяния, повлекшие смерть потерпевшего (в частности, тяжкие сексуальные преступления, оставление в опасном для жизни состоянии, тяжкие телесные повреждения, похищение малолетних, незаконное лишение свободы, взятие заложников, грабеж, разбой, проведение взрывных работ, затопление, воздушное и морское пиратство, отравление, умышленное причинение вреда окружающей среде). Дополнительно шеффенские суды рассматривают дела, которые не повлекли смертельного исхода, но создали угрозу жизни и здоровья людей, в частности, такие преступления, как осуществление ядерного взрыва (§ 307 УК Германии) или злоупотребление ионизирующим излучением с намерением причинить вред здоровью людей (§ 309 УК Германии)¹.

Принципиальными отличиями системы шеффенских судов от других форм народного представительства в суде являются:

- 1) знакомство народных заседателей с материалами уголовного дела до начала судебного процесса;
- 2) решение не только «вопросов факта», но и «вопросов права», т. е. шеффены не только выносят вердикт о виновности или невиновности подсудимого, но и вместе с профессиональными судьями мотивируют решение и несут ответственность за его содержание;
- 3) народные заседатели избираются на неопределенное количество уголовных дел и на достаточно значительный срок (5 лет);
- 4) более тщательная процедура отбора кандидатов в шеффенские суды.

Согласно немецкому законодательству, общественным представителем в судебном процессе может быть любой гражданин страны, подавший заявку о своем желании участвовать в суде в муниципалитет или через Интернет в городскую администрацию. Для того чтобы попасть в список для голосования, необходимо выполнить ряд требований, предъявляемых к кандидатам. Одним из основных критериев является постоянное проживание в общине не менее двух лет. Номинант должен быть не моложе 30 и не старше 65 лет, не иметь судимости и проблем со здоровьем. Также не допускаются к исполнению обязанностей народного судьи бывшие высокопоставленные чиновники федерального и окружного уровня, бывшие штатные работники служб государственной безопасности и священнослужители.

Что касается отбора кандидатов в шеффенские суды по делам молодежи, то обязательным требованием к данной коллегии является участие в качестве народного заседателя

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии = The Criminal Code of The Federal Republic of Germany, в ред. от 13 нояб. 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г., науч. ред. и вступ. ст. Д. А. Шестакова; предисл. Г.-Г. Йешека; пер. с нем. Н. С. Рачковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 522 с.

женщины, имеющей опыт воспитательной работы. Вероятно, таким образом, немецкие законодатели полагают, что присутствие на процессе женщины-педагога поможет выявить мотивы, побудившие молодых людей к совершению преступления или вынести в отношении данного лица более правомерный приговор.

Отбор кандидатов производится одновременно в участковые и земельные суды. Причем производится составление двух списков номинантов – основных и запасных – по двенадцать человек в каждом.

Быть членом шеффенского суда достаточно почетно, поэтому народные заседатели в германском суде не получают денежного вознаграждения за свою работу. Единственное, что им положено, это незначительная компенсация за период их отсутствия на работе (т.к. заседания могут идти в течение нескольких дней) и соответственно потери части заработной платы. Также они могут получить оплату проезда до места проведения судебного заседания.

При всех положительных моментах применения смешанных судов с участием общественных представителей в германском уголовном судопроизводстве данная модель имеет некоторые недостатки. В частности, решая совместно с профессиональными судьями не только «вопросы факта», но и «вопросы права», шеффены должны обладать специальным образованием и практической подготовкой. Однако часто данные требования у народных заседателей отсутствуют, что резко снижает качество принятия решения по делу. В данном случае общественные представители руководствуются только жизненным опытом, который не всегда помогает вынести верный приговор.

Кроме этого, одновременное участие в судебном процессе шеффенов и судьи приводит к тому, что решение по делу выносится в основном профессиональным юристом, а народные заседатели только принимают его. Судье, обладающему знанием законодательства и имеющему довольно большой практический опыт рассмотрения уголовных дел, обычно удается убедить общественных представителей в своей позиции. Таким образом, формируется пассивность шеффенов. Наконец, вердикты, выносимые народными заседателями, нельзя считать независимыми. Ввиду того что, как уже говорилось выше, народные заседатели полностью полагаются на мнение председательствующего судьи, они не способны принять вполне независимое суждение по делу. Для этого необходимо хорошо знать законодательство. А этого нельзя в полной мере требовать от общественных представителей.

Участие присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве

Суды присяжных являются характерной чертой англосаксонской или общей системы права. Классическая модель данного института и в настоящее время существует в Великобритании. Изначально судопроизводство в Туманном Альбионе с участием общественных представителей проходило не только в уголовных, но и граждан-

ских процессах. Однако Закон 1933 г. об отправлении правосудия значительно сократил участие народных судей в гражданских делах. В частности, ст. 6 Закона право требовать суда присяжных ограничил только делами о пасквиле, о злонамеренном преследовании, о неправильном взятии под стражу, об обольщении или об отказе от обещания жениться. Одной из причин сокращения гражданских исков, разбираемых с участием присяжных заседателей, стало произвольное ими определение сумм возмещения за вред и назначение непропорционально высоких выплат. К 1963 г. количество гражданских исков, рассматриваемых в Отделении королевской скамьи с присяжными, равнялось 1 % [14].

Согласно британскому законодательству, для судебного заседания с участием присяжных приглашается жюри из 12 человек в Суде Короны и Высоком Суде и из 8 человек – в судах графств.

Законом о присяжных 1974 г. отбор кандидатов производится на основе следующих требований: постоянное проживание на территории Соединенного Королевства не менее пяти лет, начиная с тринадцатилетнего возраста, а сам возраст кандидата должен составлять 18–70 лет. Законы 1972–1974 гг. определили, что присяжными заседателями не могут быть лица, имеющие профессиональное юридическое образование и занимающиеся юридической практикой: судьи, адвокаты, полицейские, секретари судов и т. д. К участию в качестве члена общественного суда не призываются священнослужители, военнослужащие и медицинские работники, государственные служащие (члены обеих палат парламента) [15]. Также никогда не станут присяжными душевнобольные и страдающие различными психическими расстройствами люди или имеющие судимость. Закон 1984 г. прямо указывает, что лица, осужденные в последние 10 лет к любому наказанию в виде лишения свободы, включая условное наказание, и приговоренные к выполнению общественных работ, не могут быть присяжными заседателями [16, с. 56].

Отбор в коллегию производится на основе жребия. В отличие от шеффенских судов, одно и то же жюри присяжных не может рассматривать более одного дела. Однако Закон 1971 г. в ст. 35 вводит довольно широкое исключение. Согласно данной статье, «один и тот же состав присяжных может привлекаться к рассмотрению нескольких дел в течение 24 часов от времени укомплектования этого состава» [16, с. 60]. Скорее всего, данное правило было введено для экономии средств и времени, отводимого для рассмотрения уголовных дел.

Что касается судов в отношении несовершеннолетних, то в Великобритании, в отличие от Германии, суд присяжных заседателей применяется только в случае совершения ими тяжких уголовных преступлений, таких как убийство, изнасилование, грабеж и т. д. Во всех остальных случаях правосудие над несовершеннолетними совершается специализированными ювенальными судами в системе магистратских судов [17].

Еще одним отличием британской системы народного представительства в судах является положение присяжных заседателей. Как уже говорилось выше, членство в шеффенском суде в Германии является почетным. Следовательно, многие члены общины имеют достаточно высокий авторитет среди своих сограждан. В Великобритании обязанности присяжных по-прежнему являются принудительными, и отказ от явки в суд без уважительной причины наказывается штрафом.

Данная форма народного суда, как и суд шеффенов, имеет ряд значительных недостатков. В частности, постоянное привлечение значительного количества граждан к участию в уголовном процессе довольно обременительно в первую очередь для государства ввиду значительных расходов на правосудие. Кроме этого, т. к. присяжные решают только «вопросы факта» и мотивировка вердикта от них не требуется, то проверить его обоснованность (правильность) в юридическом смысле практически невозможно. В основном на принятие решения общественными представителями влияют их собственные предрассудки и предубеждения, эмоции и внушение.

Общественное представительство в российской системе правосудия

Что касается России, то на протяжении своей истории в нашей стране применялись обе модели народного представительства в суде [18–21]. При Екатерине II была установлена судебная система, основанная на шеффенской модели. В частности, в «Учреждениях о губерниях» 1775 г. были сформированы следующие формы народного представительства: для дворян – уездный суд и верхний земский суд; для мещан и разночинцев – городские и губернские (как апелляционный орган) магистраты; в отношении крестьян были учреждены две расправы – верхняя и нижняя [22].

Одним из главных недостатков данной судебной системы являлась некомпетентность народных заседателей. Мало того, что они не обладали специальным образованием, зачастую они были вообще безграмотными, а их материальное положение было неудовлетворительным. Кроме этого, служебное положение общественных представителей в суде было незавидным и довольно непривлекательным. Тем не менее данная судебная система просуществовала до судебной реформы 1864 г.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. изменил порядок участия народного элемента в уголовном процессе России [23]. Отныне вместо шеффенов в судах появились присяжные заседатели².

Суд присяжных в дореволюционной России был основан на классической британской модели. В нашей стране, так же как и в Туманном Альбионе, судопроизводство с участием общественных представителей осуществлялось

в окружных судах, которые являлись судами первой инстанции. В состав коллегии присяжных заседателей входило 12 человек. Отсутствовало правило о единогласном решении при вынесении вердикта о виновности или невиновности подсудимого. Отбор кандидатов в народные представители осуществлялся по жребию, а отказ явиться на заседание суда по неуважительной причине наказывался наложением денежного штрафа.

Однако после Октябрьской социалистической революции 1917 г. в судебной системе России вновь происходят кардинальные изменения. Большевики полностью отказались от всей системы не только политического и экономического устройства бывшей российской империи, но и судопроизводства с участием присяжных заседателей. При этом отказ от народного участия был обусловлен, «с одной стороны, идеологическими представлениями большевиков о буржуазности суда, якобы защищающего интересы господствующего класса, а не пролетариата, а с другой стороны – незаинтересованностью новой власти в независимости суда и непредсказуемости при вынесении решения» [20, с. 107]: суд, подконтрольный власти, «можно было использовать как инструмент борьбы с политическим инакомыслием и средство отмщения и узаконивания репрессий» [24, с. 40].

Положением о судостроительстве РСФСР от 31 октября 1922 г. была введена советская модель шеффенского суда. Отныне низовым звеном системы судопроизводства стали народные суды, состоящие из «народного судьи, действующего единолично или совместно с двумя народными заседателями»³. Данная модель просуществовала на протяжении всей истории СССР.

Согласно советскому законодательству, в число народных заседателей избирались наиболее авторитетные представители из рабочих, крестьян и военнослужащих, занимавшие активную позицию в борьбе с правонарушениями и обладавшие достаточно большим жизненным опытом. Стоит отметить, что к народным заседателям не предъявлялось требование знания основ судопроизводства, что давало возможность привлечения к участию в судах широких народных масс.

Советские народные заседатели пользовались всеми правами наравне с судьей. Они были вправе и обязаны в ходе судебного заседания принимать активное участие в исследовании собранных по делу доказательств; при необходимости ставить вопрос об истребовании новых доказательств, участвовать в разрешении ходатайств и заявлений, решать совместно с председательствующим другие возникающие по делу вопросы. При постановлении приговора народные заседатели были обязаны принимать непосредственное участие в обсуждении всех вопросов. Решение по каждому из этих вопросов принималось большинством голосов.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_contents_iframe&volume=100020 (дата обращения: 21.11.2022).

³ О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР. Постановление ВЦИК от 11.11.1922. СПС КонсультантПлюс.

При судопроизводстве по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, советское правосудие рекомендовало рассматривать подобные дела с участием народных заседателей из числа педагогических работников и иных лиц, имеющих опыт в воспитании детей и молодежи.

Распад Советского Союза повлек за собой новые изменения в системе отечественного судопроизводства. Вновь основной формой народного участия в судебном процессе стал суд присяжных заседателей. Об этом было заявлено в Концепции судебной реформы РСФСР от 24 октября 1991 г., а учредительная норма о возвращении дореволюционной системы народного представительства в суде содержится в ч. 4 ст. 123 Конституции РФ⁴.

Однако говорить о полном возврате дореволюционной системы народного правосудия не стоит. В частности, общими для царского и современного российского уголовного процесса остались требования, предъявляемые к кандидатам в жюри присяжных: возраст не менее 25 лет, отсутствие судимости, подозрения или обвинения в совершении преступления и медицинских противопоказаний по физическим, психическим и наркологическим признакам, владение языком, на котором ведется судопроизводство. В настоящее время, как и ранее, из списков общественных представителей исключаются лица, занимающие высокие государственные должности в федеральных и региональных органах власти, органах местного самоуправления, правоохранительной системе, военнослужащие и священнослужители.

Также задачи судопроизводства с участием присяжных заседателей в современной России остались прежними, они должны вынести вердикт и ответить на вопросы: «1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния», в случае признания подсудимого виновным ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения⁵.

Однако современная система уголовного судопроизводства с участием общественных представителей имеет ряд принципиальных отличий от дореволюционной системы. Например, сейчас существует необходимость ходатайства о рассмотрении уголовного дела в таком составе, в то время как в царском законодательстве это являлось обязательным по определенной категории уголовных дел.

Еще одним значительным отличием текущего законодательства является возможность самоотвода присяжными заседателями, но в силу некоторых обстоятельств. Так, допускается неучастие в судебном процессе лицам, достигшим

возраста старше 60 лет, при наличии у женщины ребенка в возрасте до трех лет; в силу религиозных убеждений, а также в случае отвлечения от государственной службы.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве произошли изменения в количественном составе общественных представителей в суде. Если первоначально при восстановлении народного участия в процессе был воспринят классический состав жюри в количестве 12 присяжных заседателей, то с принятием Федерального закона № 190-ФЗ от 23 июня 2016 г. состав коллегии присяжных заседателей был сокращен до 8 членов в верховном суде республики, краевом или областном суде и других инстанциях согласно подсудности и до 6 присяжных заседателей в районном суде⁶.

Наконец, еще одним из основных отличий текущего законодательства является возможность апелляционного обжалования приговоров, вынесенных судом с участием присяжных заседателей. Такая форма апелляционного обжалования была введена Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. Царская система уголовного судопроизводства предусматривала только кассационное обжалование в случае «явного нарушения прямого смысла закона и неправильного толкования его при определении преступления и рода наказания; нарушения обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения и нарушения пределов ведомства или власти, законом представленной судебному усмотрению»⁷.

Заключение

Проведенный анализ современных форм народного участия в уголовном судопроизводстве позволяет сделать вывод, что несмотря на некоторые недостатки, присущие обоим типам (шеффенские суды и присяжные заседатели), наличие самой возможности и ее реальное использование при решении вопросов правосудия способствует демократизации уголовного процесса, дает возможность более детальному изучению всех аспектов рассматриваемого дела. Кроме этого, привлечение граждан к участию в правосудии отражает принципы взаимоотношений государства и общества в целом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). СПС КонсультантПлюс.

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ. ФЗ № 433-ФЗ от 29.12.2010. СПС КонсультантПлюс.

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей. ФЗ № 190-ФЗ от 23.06.2016. СПС КонсультантПлюс.

⁷ Устав уголовного судопроизводства 1864 г....

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

Литература / References

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 552 с. [Foinitsky I. Ya. *Course of criminal proceedings*. St. Petersburg: Alfa, 1996, vol. 1, 552. (In Russ.)]
2. Радутная Н. В. Суд присяжных в зарубежных правовых системах. *Советская юстиция*. 1993. № 5. С. 3–6. [Radutnaya N. V. Trial by jury in foreign legal systems. *Sovetskaiia iustitsiia*, 1993, (5): 3–6. (In Russ.)]
3. Хаскин И. Суд присяжных и суд шеффенов. *Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества*. 1930. № 14–15. Стб. 471–474; № 16. Стб. 503–506. [Haskin I. Jury and Schöffen Trial. *Zakon i Sud: Vestnik Russkogo iuridicheskogo obshchestva*, 1930 (14–15): 471–474; (16): 503–506. (In Russ.)]
4. Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 644 с. [Rudenko V. N. *Citizen participation in judiciary in contemporary world*. Ekaterinburg: UB RAS, 2011, 644. (In Russ.)] EDN: QSGWWZ
5. Демичев А. А., Илюхина В. А. Количественная модель суда присяжных: российский и зарубежный опыт. *Российский правовой журнал*. 2021. № 1. С. 94–103. [Demichev A. A., Ilyukhina V. A. The quantitative model of the jury trial: Russian and foreign experience. *Rossiiskii pravovoi zhurnal*, 2021, (1): 94–103. (In Russ.)] EDN: RCEAXT
6. Васляева Н. Л. Суд присяжных: достоинства и недостатки. *Государство и право в XXI веке*. 2017. № 2. С. 58–64. [Vaslyayeva N. L. Jury court: advantages and disadvantages. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*, 2017, (2): 58–64. (In Russ.)] EDN: YZBAGX
7. Магомедов Х. М. Сравнительно-правовой анализ суда с участием присяжных заседателей России и шеффенских судов Германии. *Проблемы совершенствования законодательства*, отв. ред. Ш. М. Рашидов. Махачкала: АЛЕФ, 2019. Вып. 85. С. 52–55. [Magomedov Kh. M. Comparative legal analysis of the court with the participation of jurors in Russia and Schöffen courts in Germany. *Problems of improvement of the legislation*, ed. Rashidov Sh. M. Makhachkala: ALEF, 2019, iss. 85, 52–55. (In Russ.)] EDN: IMQMXH
8. Насонов С. А. Участие граждан в осуществлении правосудия как принцип, определяющий качественные характеристики судебной власти. *Юридическая наука*. 2016. № 2. С. 95–102. [Nasonov S. A. Lay participation in the administration of justice as a principle that determines the qualitative characteristics of the judiciary. *Iuridicheskaiia nauka*, 2016, (2): 95–102. (In Russ.)] EDN: VXCMJH
9. Насонов С. А. Исторические модели производства в суде присяжных. М.: Паблит, 2016. 240 с. [Nasonov S. A. *Historical models of production in the jury trial*. Moscow: Pablit, 2016, 240. (In Russ.)] EDN: XQMISL
10. Асеева Е. А., Качалова О. В. Формы участия граждан в осуществлении правосудия по уголовным делам. *Российское правосудие*. 2015. № 6. С. 33–40. [Aseeva E. A., Kachalova O. V. Types of citizen participation in administration of criminal justice. *Rossiiskoe pravosudie*, 2015, (6): 33–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2015.6.33>
11. Гаврилова А. В., Комиссарова Е. Л. Учредительные нормы непрофессионального народного участия в правосудии: историко-правовой анализ. *Юридическая наука*. 2021. № 1. С. 8–12. [Gavrilova A. V., Komissarova E. L. General norms of non-professional people's participation in justice: historical and legal analysis. *Iuridicheskaiia nauka*, 2021, (1): 8–12. (In Russ.)] EDN: COODCV
12. Руденко В. Н. Институт жребия в формировании состава шеффенских судов в Германии. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010. № 10. С. 417–426. [Rudenko V. N. The institute of draft in formation of Schöffen Courts composition in Germany. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 2010, (10): 417–426. (In Russ.)] EDN: NRVJSL
13. Правосудие в современном мире, ред. В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2017. 784 с. [Justice in the modern world, eds. Lebedev V. M., Khabrieva T. Ya. 2nd ed. Moscow: Norma, 2017, 784. (In Russ.)] EDN: UXCMOI
14. Уолкер Р. Английская судебная система. М.: Юрид. лит., 1980. 631 с. [Walker R. *English legal system*. Moscow: Iurid. lit., 1980, 631. (In Russ.)]
15. Полякова Н. А. Требования, предъявляемые к присяжным заседателям в англо-саксонской модели судопроизводства. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 12. С. 100–106. [Polyakova N. A. Requirements for jurors in the Anglo-Saxon model of legal proceedings. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, (12): 100–106. (In Russ.)] EDN: NBNMMN

16. Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Триада, Лтд, 1996. 157 с. [Aparova T. V. *Courts and the judicial process of Great Britain*. England, Wales, Scotland. Moscow: Triada, Ltd, 1996, 157. (In Russ.)]
17. Марковичева Е. В. Право несовершеннолетних на суд присяжных в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве. *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019. № 6. С. 19–22. [Markovicheva E. V. The minors' right to a jury trial in Russian and foreign criminal proceedings. *International Criminal Law and International Justice*, 2019, (6): 19–22. (In Russ.)] EDN: PDOMGA
18. Якимович Ю. К. Выборность судей и коллегиальность рассмотрения уголовных дел в Российской империи, СССР и Российской Федерации; суд присяжных или суд шеффенов? *Уголовная юстиция*. 2014. № 2. С. 29–33. [Yakimovich Yu. K. Electivity of judges and collegiality of criminal cases in the Russian empire, the USSR and the Russian federation; the jury or the court of lay assessors? *Ugolovnaya yustitsiya*, 2014, (2): 29–33. (In Russ.)] EDN: TKATAL
19. Насонов С. А. Концептуальные основы реформирования суда присяжных в России. *Судья*. 2016. № 5. С. 26–28. [Nasonov S. A. Conceptual foundations for reforming the jury in Russia. *Sudya*, 2016, (5): 26–28. (In Russ.)] EDN: ZHJUZN
20. Гаврилова А. В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве. *Журнал российского права*. 2020. № 9. С. 106–119. [Gavrilova A. V. The phenomenon of popular participation in the soviet model of justice and its continuity in the post-soviet space. *Journal of Russian Law*, 2020, (9): 106–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.110>
21. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX в. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 251 с. [Nemytina M. V. *Court in Russia: the second half of XIX – early XX century*. Saratov: SLI MIA RF, 1999, 251. (In Russ.)]
22. Короткова Ю. В. Судебная система России в период правления Екатерины II. *Пробелы в российском законодательстве*. 2008. № 1. С. 438–439. [Korotkova Yu. V. The judicial system of Russia during the reign of Catherine the Great. *Gaps in Russian Legislation*, 2008, (1): 438–439. (In Russ.)] EDN: JWUEIL
23. Агафонов С. Ю. Модели суда с народным представительством в России по судебной реформе 1864 года. *Пробелы в российском законодательстве*. 2008. № 2. С. 355–356. [Agafonov S. Yu. Models of the court with lay participation in Russia according to the judicial reform of 1864. *Gaps in Russian Legislation*, 2008, (2): 355–356. (In Russ.)] EDN: JWUGLV
24. Шукюров А. Т. Политические причины упразднения института присяжных заседателей большевиками. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2014. № 2. С. 37–42. [Shukyurov A. T. Political causes of abolition of the institution of the jury members by the Bolsheviks. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauk*, 2014, (2): 37–42. (In Russ.)] EDN: SXGDAJ

оригинальная статья

Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. и завершение формирования процессов советской государственности

Гаврилов Станислав Олегович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1217>

gavrosh66@mail.ru

Величко Алексей Михайлович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Винниченко Олег Юрьевич

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

Поступила в редакцию 06.12.2022. Принята после рецензирования 26.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Показаны историко-правовые проблемы, связанные с государственно-правовым развитием СССР на этапе социалистической модернизации. По мнению авторов, мероприятия конституционной реформы второй половины 1930-х гг. следует рассматривать в контексте стратегии легитимизации советского политического режима и завершения процесса формирования социалистической государственности. Выявлена сущность стратегии легитимизации, заключающаяся в провозглашении нового характера государственности, основой которой становится не относительно узкая социальная прослойка фабрично-заводского пролетариата, а общество в целом. Детерминированы сущностные изменения идеологической парадигмы, состоящие в отказе от прежней марксистской идеи об отмирании государства после завершения социалистического строительства. Определены цели стратегии легитимизации, к числу которых отнесены обеспечение устойчивости механизма государственной власти и преемственности политического курса, формирование нового идеологического обоснования подавления оппозиционных настроений и улучшение международного имиджа СССР. Установлена причинно-следственная обусловленность внесения существенных изменений в действующее конституционное законодательство, в том числе новелл, закрепляющих некоторые принципы демократической государственности. В качестве основных причин необходимости разработки Конституции СССР 1936 г. определены стремление власти предотвратить дальнейший рост социальной напряженности в стране, обеспечить соответствие основных положений Основного закона реальным изменениям в социально-экономической и политической сферах на этапе социалистической реконструкции и оптимизацию модели устройства публичной власти. Выявлены факторы, препятствовавшие реализации идеи отказа от съездовской модели построения системы государственного управления СССР, основной из которых – сопротивление региональных элит, преодолению которого должна была способствовать либерализация избирательного законодательства. Выработана новая трактовка политики «большого террора». Сделан вывод, что демократизация законодательства, последовавшая в ходе конституционной реформы, репрессии 1937–1938 гг. и бюрократизация государственного управления представляли собой звенья одной цепи, свидетельствовали о существовании либерально-бюрократической тенденции в государственно-правовом развитии СССР 1930-х гг. **Ключевые слова:** советское государство, легитимизация, либерально-бюрократическая тенденция, избирательное законодательство, политические репрессии

Цитирование: Гаврилов С. О., Величко А. М., Винниченко О. Ю. Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. и завершение формирования процессов советской государственности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 66–73. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-66-73>

full article

Constitutional Reform in the Second Half of the 1930s: Completing the Soviet Nation – Building Processes

Stanislav O. Gavrilov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1217>

gavrosh66@mail.ru

Alexey M. Velichko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Oleg Yu. Vinnichenko

Tumen State University, Russia, Tumen

Received 6 Dec 2022. Accepted after peer review 26 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article deals with historical and legal problems related to the state and law development of the USSR during the period of socialist modernization. The authors believe that the constitutional reforms of 1936–1939 were part of the Soviet legitimization at the final stage of socialist state-building. The legitimization strategy consisted in the declaration of a new nature

of statehood based not on the narrow social stratum of factory proletariat, but on the society as a whole. The essential changes in the ideological paradigm included the rejection of the former Marxist idea that the state naturally fades away after the socialist construction is completed. The goals of the legitimization strategy included a stable state power, a coherent political course, a new ideology to oppress the opposition sentiments, and a better international image. These goals resulted in significant changes to the constitutional legislation, including the norms that enshrined some principles of democratic statehood. The need to develop the Constitution of the USSR in 1936 arose from the intention of the authorities to prevent social tension, to ensure that the law corresponded to the real socio-economic and political situation, and to optimize the structure of public power. The country could not abandon the congress model of state administration because of the resistance of regional elites, which could have been overcome by a more liberal electoral legislation. The analysis provided a new interpretation of the Great Terror policy. The legal democratization after the constitutional reform, the repressions of 1937–1938, and the bureaucratization of public administration were links in the same chain that revealed a liberal-bureaucratic trend in the state and legal development of the USSR in the 1930s.

Keywords: Soviet state, legitimization, liberal-bureaucratic tendency, electoral legislation, political repressions

Citation: Gavrilov S. O., Velichko A. M., Vinnichenko O. Yu. Constitutional Reform in the Second Half of the 1930s: Completing the Soviet Nation-Building Processes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 66–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-66-73>

Введение

По мнению М. Н. Марченко, единственным критерием определения демократического характера любой государственно-правовой системы может служить только ее способность адекватно отражать и защищать общественный интерес [1, с. 6]. Именно с этой точки зрения, как нам представляется, необходимо рассматривать идею легитимизации большевистского режима, возникшую к середине 1930-х гг. в среде высшего партийно-государственного руководства страны, заключающуюся в провозглашении нового характера государственности, социальной основой которой является уже не относительно узкая в масштабах социальной структуры пролетарская прослойка, а население страны в целом. Общая целевая установка данной идеи заключалась в том, что в условиях легитимизации любые управленческие действия режима будут представляться как общественно значимые и оправданные.

Методы

Основным теоретическим основанием работы являлась методология системно-комплексных исследований, позволившая сформулировать оценку мероприятий партийно-государственного руководства СССР в рамках конституционной реформы второй половины 1930-х гг. в качестве единой партийно-государственной стратегии.

Использовались как общенаучные методы исследования, к числу которых следует причислить анализ и синтез, метод восхождений от абстрактного к конкретному, так и методы юридической науки – формально-догматический и сравнительно-правовой. Диахронный метод использовался в процессе исследования влияния особенностей социально-экономической и политической ситуации в стране на состояние конституционного законодательства.

Диалектический подход в оценке соотношения общего и особенного в историческом процессе дал возможность выявить специфические особенности конституционного законодательства рассматриваемого периода, выявить наличие либерально-бюрократической тенденции

в государственно-правовом развитии СССР на завершающем этапе социалистического строительства, детерминировать динамику взаимоотношений политической элиты на федеральном и региональном уровнях.

Основными методологическими принципами являлись принципы историзма, научной объективности и достоверности. Следование принципу историзма позволило осуществить научную характеристику предмета исследования в динамике, подразумевая при этом тесную взаимосвязь конституционного законодательства 1930-х гг. с предшествующими и последующими периодами развития системы советского государственного права. Реализация принципов объективности и достоверности позволило сформулировать авторскую трактовку репрессивной политики 1930-х гг. в качестве одного из средств, обеспечивших завершение формирования системы советской государственности, основанной на жесткой централизованной вертикали управления.

Легитимизация советского партийно-государственного режима

Стратегия легитимизации советского политического режима на этапе завершения социалистической модернизации 1920–1930-х гг. представляла собой крайне сложный и противоречивый процесс, в ходе которого обнаружились способствовавшие ему и, напротив, сдерживающие процесс факторы.

В качестве первых можно выделить стабилизацию социально-экономических процессов (прекращение открытого гражданского противостояния, завершение коллективизации и процесса перераспределения собственности) и достижение социальной однородности общества.

Среди факторов, затрудняющих легитимизацию режима, следует отметить традиции митинговой демократии 1920-х гг., сохранившиеся элементы сепаратизма региональных элит, съездовское построение органов государственной власти, а также законодательную систему, сформировавшуюся еще в первые годы большевистского

господства, основанную на марксистском правопонимании и классовом подходе [2, с. 50]. При этом самым серьезным препятствием для завершения государственно-правовой институционализации большевистского режима, как ни странно, оказалась сама марксистская идеология: в соответствии с единственно верным учением диктатура пролетариата считалась необходимой лишь для построения социализма. С победой этого строя, должен был начаться процесс отмирания диктатуры пролетариата и отождествляемого с ней социалистического государства [3, с. 133–134]. Тезис о самоликвидации публичной власти рассматривался как один из основополагающих в марксистском государствоведении, более того, был закреплен в Конституции РСФСР 1918 г., утверждавшей, что диктатура пролетариата в виде мощной всероссийской советской власти учреждается в целях полного подавления буржуазии, уничтожения классовой эксплуатации и построения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти¹.

В то же время в глазах руководителей большевистского государства, и в первую очередь И. В. Сталина, целевая направленность стратегии определяла не только возможность, но и необходимость ее реализации, невзирая на все отмеченные выше препятствия, в том числе казавшиеся непреодолимыми.

Во-первых, легитимизация режима и укрепление его социальной базы было призвано обеспечить устойчивость механизма государственной власти и преемственность политического курса, затрудненные в условиях съездовской компоненты и связанной с ней постоянной кадровой ротацией [4, с. 217].

Во-вторых, успешная легитимизация позволила бы сформировать новое идеологическое обоснование подавления оппозиционных настроений. С этой точки зрения не выглядит случайной ситуация, возникшая на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., когда И. В. Сталин резко критиковал сторонников идеи отмирания государства, основывавших свое утверждение на основании, что победа социализма означает прекращение классовой борьбы и делает государственное принуждение излишним. Именно тогда руководитель ВКП(б) впервые выдвинул тезис о сохранении и усилении диктатуры пролетариата до полного построения коммунизма, развив его впоследствии на XVIII партийном съезде в 1939 г. При этом, по мнению И. В. Сталина, роль государства и свойственная ему функция принуждения в дальнейшем лишь усилятся: этот вывод вождя логически вытекает из высказанных им в период «Шахтинского процесс» 1928 г., а затем на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК суждений о том, что по мере успехов строительства социализма будет усиливаться сопротивление классового врага и обостряться классовая борьба.

Наконец, повышение уровня легитимности режима в глазах граждан будет способствовать и росту легитимности большевистского государства на международной

арене, станет условием улучшения международного имиджа большевистского режима, необходимого для успешной реализации активной внешнеполитической стратегии. Несмотря на мировой экономический кризис начала 1930-х гг., в какой-то степени восстановивший надежды на активизацию всемирного революционного процесса, внешнеполитический курс советского государства оставался весьма осторожным. Осознание собственной военнотехнической слабости способствовало вступлению СССР в Лигу Наций, прекращению воинственной риторики Коминтерна, формулировке ряда миролюбивых инициатив о всеобщем разоружении и создании системы коллективной безопасности. Реализация данных инициатив требовала формирования более доверительных отношений с европейскими демократиями, что объективно обуславливало необходимость изменения представлений последних об СССР, для чего, в свою очередь, необходимо было придать советской действительности более демократический характер.

Конституционная реформа в рамках стратегии легитимизации

С нашей точки зрения, легитимизация политической власти и преодоление традиций митинговой демократии объективно обусловило необходимость нескольких управленческих мероприятий, к реализации которых большевистское руководство приступило в середине 1930-х гг. Важнейшим среди них являлось внесение существенных изменений в действующее законодательство (прежде всего, конституционное), включение в него принципиально новых норм, закрепляющих некоторые принципы демократической государственности (декларирование основных прав и свобод граждан, включая право на объединение, ныне расцениваемое неомарксистами как доказательство того, что и в условиях социалистической общественной системы вполне возможно существование структур гражданского общества [5, с. 15], провозглашение всеобщего и равного избирательного права и т.д.). Это мероприятие позволяло обеспечить правовое оформление большевистского господства и в то же время придать ему более цивилизованный облик [6, с. 369].

Одним из основных факторов, обусловивших необходимость конституционной реформы 1930-х гг., стала необходимость опровержения отмеченного выше тезиса об отмирании государственности после завершения программы социалистического строительства. Новое «дыхание» этому тезису придавало, на наш взгляд, преждевременное заявление XVII съезда ВКП(б) о победе социализма в СССР. Опираясь на него, многие практики и теоретики государственного строительства поспешили объявить о том, что предсказанный классиками марксизма процесс отмирания государства уже начался. И не в последнюю очередь потому, что одна из важнейших функций диктатуры пролетариата – подавление свергнутых эксплуататоров в условиях исчезновения

¹ Ленин В. И. О государстве. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 67.

эксплуататорских классов – просто стала излишней. По мнению сторонников данной позиции², этот процесс, связанный с постепенной передачей ряда государственных функций общественным организациям, представляет собой действие многоэтапное, растянутое во времени, однако его объективный характер не подлежит никакому сомнению.

Конечно, подобные взгляды совершенно не соответствовали реальной ситуации в стране, где стояла задача ускоренного создания тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, что было возможно только за счет гипертрофированного применения государственного принуждения. Идея укрепления советской государственности основывалась не столько на отмеченном выше мнении И. В. Сталина об усилении классово-борьбы, сколько на необходимости расширения государственного принуждения в ходе ускоренной модернизации экономики и социальной структуры общества [7, с. 284].

Таким образом, по мысли И. В. Сталина, Конституция СССР должна была закрепить тезис не столько об усилении диктатуры пролетариата, сколько о сложившейся в начале 1930-х гг. административно-командной системы управления экономикой и социальными процессами [8, р. 173].

Практическая реализация этого тезиса требовала внесения существенных изменений в механизм государственной власти. Важнейшим из них являлась замена съездовской системы построения государственного управления новой властной вертикалью исполнительных органов, основанной на строгой централизации, при сохранении руководящей роли партийных комитетов ВКП(б)³ [9, с. 121]. Осуществление подобного мероприятия, совершенно необходимого с точки зрения партийного руководства, на деле означало не только оптимизацию государственного управления, но и бюрократизацию Октябрьского режима.

Причинно-следственная обусловленность конституционной реформы второй половины 1930-х гг.

Особое внимание следует уделить характеристике тех факторов, которые способствовали реализации конституционной реформы, обеспечивали высокий уровень ее легитимности.

В первую очередь отметим, что разработка проекта нового Основного закона была оправдана реалиями социально-политического и экономического развития страны предшествующего периода. К моменту завершения реализации 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства большевистское государство де-факто столкнулось с целым рядом обстоятельств, свидетельствовавших о его предкризисном состоянии. К их числу следует отнести снижение темпов роста производительности труда в последний год пятилетки, которое рано или поздно привело бы

и к снижению темпов экономического роста; последствия голода зимы 1932/1933 гг.; рост социальной напряженности в среде крестьянства как результат процессов форсированной коллективизации; осложнение криминогенной ситуации, серьезное увеличение случаев проявления асоциального поведения и показателей уголовной преступности.

Специфика складывавшейся ситуации объективно требовала необходимости передышки, своего рода «сбрасывания пара», способного предотвратить социальный взрыв. Именно в этом контексте стремления к стабилизации следует рассматривать разработку и принятие более сбалансированного 2-го пятилетнего плана, задания которого в большей степени соответствовали реальным финансовым, демографическим и сырьевым ресурсам.

Оцениваемое нами выше как поспешное заявление о завершении построения социализма, прозвучавшее на «съезде победителей» в 1934 г., имело тот же идеологический окрас – любой ценой убедить население в том, что основные сложности реконструктивного периода уже позади. Конечно, сам по себе подобный идеологический лозунг обеспечить необходимую стабилизацию не мог, населению требовались видимые подтверждения этого тезиса, которые руководство страны с готовностью предоставило. К их числу относятся и отмена в начале 1935 г. карточной системы распределения продуктов питания, и легализация свободной торговли на колхозных рынках, и многие иные меры, свидетельствовавшие о намерении государства пойти на восстановление системы экономического стимулирования [10, с. 12].

Вполне укладываются в стратегию стабилизации и мероприятия в сфере правоохранительной деятельности. Политика «ежовщины», начавшаяся в декабре 1934 г., в самой середине 1930-х гг. еще не приобрела существенных характеристик «большого террора». Более того, в 1935 г. наметилась некоторая «оттепель». По инициативе прокурора СССР А. Я. Вышинского в соответствии с Постановлением ЦИК СССР «О снятии судимости с колхозников» (26 июня 1935 г.) были сняты судимости и ограничения в избирательном праве с 768989 человек, в том числе и лиц, осужденных по закону «Об охране имущества государственных предприятий и укреплении общественной (социалистической) собственности» за хищения зерна, принятому 7 августа 1932 г. [11, с. 284]. В конце декабря 1935 г. был отменен запрет для детей лиц, лишенных избирательных прав, на поступление в вузы и техникумы [12, с. 109].

Таким образом, решения XVII съезда ВКП(б), пленумов ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 и феврале 1935 г. о разработке и принятии новой Конституции⁴, провозглашающей неотчуждаемые политические, социальные и экономические

² В том числе Н. И. Бухарина и представителей его ближайшего окружения.

³ История Советской Конституции: (в документах). 1917–1956 гг., предисл. и общ. ред. проф. С. С. Студеникина. М.: Госюриздат, 1957. С. 154.

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик 5 декабря 1936 г. *История отечественного государства и права*. Ч. 2. М.: Норма, 2017. С. 490–506.

права граждан и гарантирующей, пусть и де-юре, реализацию этих прав, следует рассматривать как одно из существенных условий осуществления стратегии стабилизации.

Вторым фактором, способствовавшим легитимизации большевистского режима в рамках конституционной реформы, являлась международная стратегия, нацеленная на создание системы коллективной безопасности, основанной на сближении с западноевропейскими государствами. Реализации этой задачи должно было способствовать принятие нового Основного закона, из которого были изъяты содержащиеся в Конституции СССР 1924 г. утверждения о том, что образование Союза СССР является «новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» и что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем» [13, с. 69]. Эти утверждения, проникнутые духом конфронтации, в Европе и США закономерно расценивались как подтверждение приверженности идее мировой революции. Оценка последней в качестве программной цели СССР и тем более ее конституционно-правовое закрепление серьезно затрудняли переговоры о создании военно-оборонительных союзов и коалиций.

Наконец, необходимо было привести Конституцию в соответствие с изменившейся социальной структурой общества в связи с победой социализма, зафиксированной в решениях XVII съезда партии⁵. Коль скоро в обществе больше не было остатков эксплуататорских классов, то утратило свою роль и ограничение прав граждан по классовому признаку. Необходимо было расширить права граждан, усилить роль выборных представительных органов власти, коренным образом изменить избирательную систему: ввести всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании – и все это закрепить в новой Конституции [14, с. 49; 15, с. 115].

Реформирование избирательного законодательства как важнейшее условие легитимизации режима

Фактором, осложнявшим реализацию новелл конституционного законодательства в середине 1930-х гг., являлось сопротивление региональных элит. Осуществление отмеченных выше мероприятий в контексте либерализации, а также отказ от съездовской модели построения власти как на федеральном, так и на региональном уровнях не могли встретить одобрения со стороны руководителей крупных территориальных партийных комитетов, исполкомов Советов, юрисдикция которых распространялась на значительные территории, представлявшие в условиях съездовской системы своего рода «государства в государстве» [16, с. 46]. Реформа административно-территориального деления 1928–1930 гг. (разукрупнение территорий) [17, с. 211] привела лишь к частичному решению данной проблемы,

для ее окончательного снятия необходима была «зачистка» партийно-советского руководства среднего звена, т. е. избавление его от тех региональных руководителей, представители которого проявляли склонность к самостоятельным управленческим действиям, равно как и той части работников центрального аппарата из числа «старой гвардии», являвшихся хранителями традиций митинговой демократии.

По мнению В. М. Курицына, если верхний эшелон партии, лидеры оппозиции и сторонники митинговой демократии уже были устранены из политического поля с помощью политических процессов 1934–1936 гг., то в отношении второго эшелона, гораздо более многочисленного корпуса региональных руководителей, была изначально запланирована более гуманная и более демократическая процедура ротации – кадровое обновление на основе результатов открытых и альтернативных демократических выборов, предусмотренных проектом Основного закона [13, с. 92].

По мнению ряда исследователей, новеллы Конституции СССР являлись логическим продолжением процессов либерализации избирательного законодательства на протяжении десятилетнего периода [18, с. 188; 19, с. 28]. При этом, с нашей точки зрения, новые принципы организации выборов, помимо их вполне демократического содержания, с точки зрения партийно-государственной элиты имели свой скрытый смысл, имевший в их глазах гораздо большее значение. Право избирать и быть избранными, которым наделялись все граждане СССР с 18-летнего возраста, наряду с переходом от многостепенных выборов по производственному принципу на избирательных собраниях трудовых коллективов, зачастую открытым голосованием, к всеобщим, равным, прямым выборам по территориальным избирательным округам с помощью тайного голосования, означало на деле появление возможности осуществления ротации региональных элит на основе легальной и легитимной процедуры [20, с. 54].

Избирательная система, утвержденная Конституцией 1936 г., нуждалась в детальной правовой регламентации. Поскольку сразу же после Основного закона началась подготовка к проведению выборов в учреждаемый Конституцией высший орган представительной власти – Верховный Совет СССР, первым нормативным правовым актом, призванным детализировать механизм избирательных кампаний, должно было стать Положение о выборах в Верховный Совет СССР, вынесенное на рассмотрение очередной Сессии ЦИК в июле 1937 г. В соответствии с ним право выдвижения кандидатов в депутаты должно быть предоставлено как партийным, комсомольским, профсоюзным и иным общественным организациям, так и общим собраниям трудящихся по предприятиям, учреждениям, колхозам и совхозам. Примечательно, что количество выдвигаемых кандидатов Положением не ограничивалось: выборы проводились по мажоритарной системе, и избранным считался кандидат, получивший

⁵ Сталин И. В. О проекте Конституции СССР, Доклад на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. *Вопросы ленинизма*. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1953. С. 546.

абсолютное большинство голосов [21, с. 67]. Содержание проекта Положения о выборах в Верховный Совет СССР⁶, не исключая возможность их проведения на альтернативной основе и предоставляя право выдвижения кандидатов общественным организациям, не создавало для региональной элиты никакой реальной угрозы: к этому времени территориальные органы ВКП(б) полностью контролировали профсоюзные и иные общественные объединения, чьи региональные организации действовали на их территории, и выдвижение ими абсолютно неприемлемых для руководителей регионов кандидатов было немыслимо. Гораздо более серьезную угрозу для хранителей традиций съездовской демократии представляла предусмотренная Положением возможность выдвижения кандидатов на собраниях трудовых коллективов.

Альтернативные выборы тем самым могли превратиться в реальную конституционную действительность. Собственно, лидеры государства лишь приветствовали подобную возможность. В беседе с американским журналистом Р. Говардом в августе 1937 г. И. В. Сталин прямо раскрывал свой план осуществления ротации старой политической номенклатуры – секретарей территориальных комитетов ВКП(б), руководителей отраслевых органов управления, зачастую не обладавших профессиональными знаниями, столь необходимыми в условиях социалистической модернизации, ее замены новой когортой советских руководителей, подготовленными специалистами, выдвинутыми из среды рабоче-крестьянской интеллигенции.

Репрессивная политика в контексте конституционной реформы

Тем не менее в первоначальный замысел осуществления «бескровной кадровой революции», основанной на альтернативных выборах в Верховный Совет СССР, а затем и в нижестоящие Советы депутатов трудящихся всех уровней пришлось вносить коррективы. Региональные партийные руководители, небезосновательно почувствовав в демократических новеллах проекта Положения определенную угрозу незыблемости своей власти, избрали весьма своеобразный способ противодействия. Не выступая принципиально против нового узаконения на трех прошедших в июне и декабре 1936 г., феврале-марте 1937 г. Пленумах ЦК ВКП(б), поддержав решение последнего из них об отмене сложившейся практики кооптации членов партийных комитетов по рекомендации вышестоящих партийных органов⁷, первые секретари краевых и областных комитетов ВКП(б) инициировали кампанию борьбы с контрреволюционной деятельностью антисоветских элементов. Последние, по их мнению, воспользовавшись предоставленными им конституционными правами, объявили открытую

войну большевистскому государству, и задача последнего состоит в их немедленном уничтожении. В результате их давления июньский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., утвердивший проект Положения о выборах в Верховный Совет СССР, одновременно одобрил постановление Политбюро, утвердившее применение смертной казни по отношению к руководителям кулацких, прочих антисоветских повстанческих организаций и легализовавшее чрезвычайные органы территориального управления (тройки) во главе с первыми секретарями территориальных комитетов ВКП(б)⁸.

Последовавшая вслед за этим кампания распределения «лимитов» на применение мер уголовной репрессии в отношении антисоветских элементов, сопровождавшаяся постоянными запросами первых секретарей в Политбюро о предоставлении все новых и новых «расстрельных квот», удовлетворением этих запросов и последующим приведением приговоров в исполнение, т. н. «ежовский террор», со стороны партийного аппарата представляла собой вполне продуманную акцию. Региональная партийная номенклатура стремилась любой ценой не допустить ни малейших поползновений на собственную власть. Она в полной мере почувствовала высокую степень угрозы, таившейся в демократических нововведениях избирательного законодательства, и, инициируя кампанию по искоренению «врагов народа», стремилась показать центру свою реальную силу и недопустимость своего устранения.

Казалось, что на определенном этапе скрытого саботажа региональной элитой новелл избирательного процесса последней удалось взять верх над центром. По свидетельствам Ю. Н. Жукова, во время голосования на заседании Политбюро 10 октября 1937 г. по данному вопросу за сохранение альтернативности выборов голосовали И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. А. Андреев и М. И. Калинин, в то время как за систему «один кандидат – один депутат» и отмену альтернативности выборов отдали свои голоса К. Е. Ворошилов, А. М. Каганович, А. И. Микоян, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь и Н. И. Ежов.

Голосование на Политбюро предопределило результаты Октябрьского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б). В принятом на нем Постановлении «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» фактически подверглось ревизии Положение о выборах в Верховный Совет СССР, несмотря на то что оно уже было утверждено сессией ЦИК СССР и обрело силу закона. Новое узаконение закрепило положение о выдвижении единых кандидатов от блока беспартийных и коммунистов, снизило и долю беспартийных среди депутатов с предполагавшихся ранее 40 до 25 % и, самое главное, устраняло возможность выдвижения кандидатов

⁶ Ставшего в последующем основой для аналогичных Положений о выборах в Верховные Советы Союзных республик.

⁷ То есть пойдя на фактическое ограничение своих возможностей формировать послушный себе аппарат регионального партийного управления.

⁸ 28 июня 1937 г. «тройка» в составе С. Н. Миронова (Короля), начальника управления НКВД, И. И. Баркова, прокурора, и Р. И. Эйхе, 1-го секретаря крайкома ВКП(б), была создана в Западно-Сибирском крае, а 2 июля 1937 г. система «троек» была распространена на всю территорию СССР.

в депутаты трудовыми коллективами на предприятиях, совхозах и собраниях колхозников [11, с. 479]. Все это автоматически исключало возможность появления альтернативных кандидатов в депутаты и устанавливало систему «один кандидат – один депутат», невзирая на то, что ни в Конституции, ни в Положении о выборах такая система не предусматривалась.

После поражения в негласной борьбе со сторонниками сохранения традиций митинговой демократии руководство страны берет курс на устранение региональной партийной бюрократии путем использования того самого средства, с помощью которого ранее она сама стремилась продемонстрировать свою востребованность и эффективность. Ротация региональной элиты произошла не на основе изначально запланированной организации системы альтернативных выборов – последнее препятствие на пути реализации стратегии легитимизации режима и конституционной реформы было устранено с помощью ужесточения репрессивной политики. В 1937–1939 гг. (по другой версии – в 1937 – ноябре 1938 г.) [22, с. 449] второй эшелон политической элиты был практически ликвидирован путем арестов по надуманным обвинениям и расстрелов.

Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, окончательно закрывает вопрос о необоснованном характере политических репрессий второй половины 1930-х гг. Мы абсолютно солидарны со мнением С. А. Павлюченкова: «Вопрос о терроре, может быть, как никто другой, требует строгого соблюдения принципов историзма и конкретности. Демагогам и политикам легко играть на том, что большинству нормальных людей не нравится цвет крови в истории» [23, с. 201]. Неприятие насилия в качестве одного из действенных факторов исторического процесса отнюдь не означает необоснованности его применения в конкретной политической ситуации. Так и репрессивная политика 1937–1939 гг. имела под собой сразу два основания: для региональных партийных руководителей она была своего рода средством к борьбе за выживание в условиях реализации демократических новелл конституционного законодательства; для партийно-государственной элиты она являлась одним из решающих рычагов в реализации стратегии легитимизации государственно-партийного режима при сохранении строгой бюрократической вертикали власти, избавившейся от пережитков съездовской демократии и угрозы регионального сепаратизма.

Литература / References

1. Марченко М. Н. Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование). М.: Проспект, 2017. 368 с. [Marchenko M. N. *Soviet and post-Soviet state and law: comparative legal research*. Moscow: Prospekt, 2017, 368. (In Russ.)] EDN: XWLVUH
2. Гаврилов С. О. К вопросу о либерально-бюрократической тенденции 1930-х гг. *Наука и практика: диалоги нового века*: Всерос. конф. (Анжеро-Судженск, 14 ноября 2003 г.) Анжеро-Судженск: Твердыня, 2003. Ч. 1. С. 47–50. [Gavrilov S. O. The liberal-bureaucratic trend in the 1930s. *Science and practice: dialogues of the new century*: Proc. All-Russian Conf., Anzhero-Sudzhensk, 14 Nov 2003. Anzhero-Sudzhensk: Tverdynya, 2003, pt. 1, 47–50. (In Russ.)] EDN: QTNGZB
3. Недобежкин С. В. Проблемы и противоречия становления советской правовой системы в условиях НЭПа. *Исторические основания правовой науки*, ред. К. Е. Сигалов, С. В. Недобежкин. М.: Юрист, 2012. С. 123–142. [Nedobezhkin S. V. Problems

Заключение

Направленность и результаты практических мероприятий в рамках конституционной реформы второй половины 1930-х гг. обеспечили легитимизацию большевистского политического режима и означали завершение процесса институционализации советской государственности. С точки зрения авторов, и «импровизированная демократизация» (определение профессора Б. Бонвича), следовавшая в ходе конституционной реформы, и репрессии 1937–1938 гг., и бюрократизация государственного управления представляли собой звенья одной цепи, свидетельствовали о существовании крайне противоречивой либерально-бюрократической тенденции в государственно-правовом развитии СССР 1930-х гг.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. О. Гаврилов (60 %) – проведение исследования, анализ материалов, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи. А. М. Величко (20 %), О. Ю. Винниченко (20 %) – проведение исследования, сбор и обработка данных из источников, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи.

Contribution: S. O. Gavrilov (60%) performed the research, analyzed the materials, and edited the final version of the article. A. M. Velichko (20%), O. Yu. Vinnichenko (20%) conducted the research, collected and processed the data, analyzed the materials, and prepared the initial version of the article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

- and contradictions of the formation of the soviet legal system under the New Economic Policy. *Historical foundations of legal science*, eds. Sigalov K. E., Nedobezhkin S. V. Moscow: Iurist, 2012, 123–142. (In Russ.)] EDN: UAJQGD
4. Винниченко О. Ю. Перестройка местных органов власти Урала на основе Конституции СССР 1936 г. *Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в РФ*: Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 апреля 2000 г.) Екатеринбург: УрГЮА, 2001. С. 216–220. [Vinnichenko O. Yu. Restructuring of local authorities of the Urals on the basis of the Constitution of the USSR in 1936. *Constitutional foundations for the organization and functioning of public authorities in the Russian Federation*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 20–21 Apr 2000. Ekaterinburg: UrSLA, 2001, 216–220. (In Russ.)] EDN: XGOXUN
  5. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект, ред. С. О. Гаврилов, А. В. Гаврилова. М.: Проспект, 2019. 429 с. [*The history and modern trends in the development of the civil society and the state: the human rights aspect*, eds. Gavrilov S. O., Gavrilova A. V. Moscow: Prospekt, 2019, 429. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392296811-2019-432>
  6. Максимова О. Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 годах. М.: Зерцало-М, 2014. 399 с. [Maksimova O. D. *Legislation in the USSR in 1922–1936*. Moscow: Zertsalo-M, 2014, 399. (In Russ.)] EDN: VRRWHP
  7. Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с. [Pipes R. *Russia under the Bolshevik regime*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 670. (In Russ.)]
  8. Armstrong J. *The politics of totalitarianism*. NY, 1963, 643.
  9. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. 364 с. [Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. *Essay on the history of the Soviet Constitution*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1987, 364. (In Russ.)]
  10. Чернов М. П. Упрочение и развитие социализма (1937 – июнь 1941 г.). М.: Высш. шк., 1966. 39 с. [Chernov M. P. *Strengthening and development of socialism (1937 – June 1941)*. Moscow: Vyssh. Shk., 1966, 39. (In Russ.)]
  11. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2005. 510 с. [Zhukov Y. N. *Another Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937*. Moscow: Vagrius, 2005, 510. (In Russ.)] EDN: QPBHAF
  12. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с. [Papkov S. A. *Terror as it is. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440. (In Russ.)] EDN: QPXOBP
  13. Курицын В. М. История отечественного государства и права. 1929–1945 гг. М.: Юнити-Дана, 2016. 407 с. [Kuritsyn V. M. *History of Russian state and law: 1929–1945*. Moscow: Iuniti-Dana, 2016, 407. (In Russ.)] EDN: UWFZLB
  14. Шевляков А. С. Отечественные Конституции (1918–1993). История. Документы. Вопросы. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 160 с. [Shevlyakov A. S. *Russian Constitutions in 1918–1993. History. The documents. Questions*. Tomsk: Izd-vo NTL, 1998, 160. (In Russ.)] EDN: VVKKHF
  15. Кабанов В. В. Из истории создания Конституции СССР 1936 г. *История СССР*. 1976. № 6. С. 109–121. [Kabanov V. V. Creation of the USSR Constitution in 1936. *Istoriia SSSR*, 1976, (6): 109–121. (In Russ.)]
  16. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с. [Russel B. *The practice and theory of Bolshevism*. Moscow: Nauka, 1991, 123. (In Russ.)]
  17. История государственного управления в России, ред. А. Н. Маркова. М.: Закон и право, 1997. 279 с. [*History of public administration in Russia*, ed. Markova A. N. Moscow: Zakon i pravo, 1997, 279. (In Russ.)]
  18. Чистяков О. И. Конституция СССР 1918 г. М.: Зерцало, 2003. 215 с. [Chistyakov O. I. *The Constitution of the USSR of 1918*. Moscow: Zertsalo, 2003, 215. (In Russ.)]
  19. Гаврилов С. О. Местные Советы Российской Федерации в предвоенный период. Новосибирск: СО РАН, 2003. 373 с. [Gavrilov S. O. *Local Councils of the Russian Federation in the pre-war period*. Novosibirsk: SB RAS, 2003, 373. (In Russ.)] EDN: QORYJT
  20. Ивин В. «Праздник демократии»: к истории первых всеобщих выборов в СССР. *Российская Федерация*. 1993. № 2. С. 54–55. [Ivin V. "A Carnival of Democracy": the history of the first general elections in the USSR. *Rossiiskaia Federatsiia*, 1993, (2): 54–55. (In Russ.)]
  21. Ким А. И. Советская избирательная система. М.: Госюриздат, 1962. 80 с. [Kim A. I. *Soviet electoral system*. Moscow: Gosjurizdat, 1962, 80. (In Russ.)]
  22. Сырых В. М. Судостроительство и судопроизводство периодов НЭПа и построения основ социализма (1921–1956 гг.). М.: Норма, 2021. 687 с. (История суда и правосудия в России. Т. 7.) [Syrykh V. M. *Judiciary and legal proceedings of the New Economic Policy and building the foundations of socialism (1921–1956)*. Moscow: Norma, 2021, 687. (History of court and justice in Russia, vol. 7.) (In Russ.)]
  23. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и мифы. М.: Рус. книгоизд. Товарищество-История, 1997. 272 с. [Pavlyuchenkov S. A. *War communism in Russia: power and myths*. Moscow: Rus. knigoizd. Tovarishchestvo-Istoriia, 1997, 272. (In Russ.)]

оригинальная статья

Народное участие в правосудии в современных славянских государствах

Гаврилова Анжелика Васильевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-7957-1898>

Anzhik77@mail.ru

Поступила в редакцию 27.11.2022. Принята после рецензирования 18.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Представлен сравнительно-правовой анализ законодательства современных славянских государств на предмет характеристики форм народного участия в правосудии. Методологическую основу исследования составили как традиционные методы познания (функциональный метод, анализ, индукция), так и частнонаучные: сравнительно-правовой (микросравнение, диахронный и синхронный методы), проблемно-хронологический и формально-юридический. За основу сравнения взяты две основные модели народного участия в правосудии: модель шеффенов (коллегия из профессионального судьи и непрофессиональных судей-заседателей, разрешающих совместно вопросы факта и права) и суд с участием присяжных заседателей, разрешающих отдельно от судьи вопросы факта преступления и виновности либо невиновности, формулируя тем самым оправдательный либо обвинительный вердикт. Определен повсеместный отказ от народного участия в правосудии в гражданском судопроизводстве и его сохранение в рамках уголовного судопроизводства, но, как правило, по особой категории тяжких и особо тяжких преступлений. Отмечено, что подавляющее большинство современных славянских государств не пошли по пути коренной ломки модели правосудия в составе судьи и народных заседателей, установившейся в XX в. в странах народной демократии, в отличие от Российской Федерации, заменившей суд шеффенов на судопроизводство с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: народное участие, народный заседатель, присяжный заседатель, суд шеффенов, правосудие, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, судья

Цитирование: Гаврилова А. В. Народное участие в правосудии в современных славянских государствах. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 1. С. 74–79. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-74-79>

full article

Lay Participation in Modern Slavic States

Anzhelika V. Gavrilova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-7957-1898>

Anzhik77@mail.ru

Received 27 Nov 2022. Accepted after peer review 18 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article introduces a comparative legal analysis of modern Slavic states in the sphere of lay participation. The methodological basis included general methods of cognition, as well as comparative the legal method (micro-comparison, diachronic, synchronic), the problem-chronological method, and the formal-legal method. The comparison was based on two main models of lay participation. The Shöffen model presupposes a collegium of a professional judge and non-professional assessors. The jury are independent from the judge and resolve issues of the fact of guilt or innocence, thereby formulating an acquittal or accusatory verdict. The study determined the widespread refusal of lay participation in justice in civil proceedings and its preservation as part of criminal trials in a special category of major crimes. Most Slavic states maintained the pattern of a judge and people's assessors, which was established in the XX century in the countries of people's democracy. The Russian Federation replaced the Schöffens court with the jury trial.

Keywords: lay participation, people's assessor, juror, court of Schöffens, justice, criminal proceedings, civil proceedings, judge

Citation: Gavrilova A. V. Lay Participation in Modern Slavic States. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 74–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-74-79>

Введение

Народное участие в правосудии является одним из основополагающих принципов демократического правосудия. Сейчас в Конституциях суверенных государств, как правило, отсутствует положение о прямом формально определенном праве на народное участие в правосудии. Преимущественно закреплено право граждан участвовать в управлении государством, которое может осуществляться непосредственно или через своих представителей и (или) как право народа осуществлять свою власть, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. В этой связи участие населения в отправлении правосудия является формой реализации государственной власти [1, с. 132]. Исключением являются Конституции, регламентирующие, что в установленных законом случаях правосудие осуществляется с участием присяжных заседателей.

Реперными моделями народного представительства в суде выступили суд с шеффенами и судопроизводство с участием присяжных заседателей. Их принципиальным отличием является то, что присяжные заседатели принимают вердикт независимо от профессионального суда, отвечая на вопросы факта совершения преступления в принципе, факта доказанности совершения преступления подсудимым и факта виновности / невиновности подсудимого, в то время как суд шеффенов представлен единым присутствием профессиональных судей(и) и шеффенов (непрофессиональных судей – народных или судебных заседателей), решающих совместно вопрос не только факта преступления и виновности, но и права. При этом права народных заседателей тождественны правам судей.

В настоящее время можно идентифицировать 13 славянских суверенных стран, исходя из географического и языкового распределения: Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Россия, Северная Македония, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. В данных странах процент славянского населения превышает 80 % от общего числа¹. Стоит упомянуть Приднестровскую Молдавскую республику (Приднестровье)², на территории которой процент славянского населения составляет 62 %.

Методы и материалы

В качестве основного материала выступили Конституции славянских государств, гражданские процессуальные и уголовно-процессуальные кодексы. Методологическую основу исследования составили как традиционные методы познания (функциональный метод, анализ, индукция), так и частнонаучные: сравнительно-правовой (микросравнение, диахронный и синхронный методы), проблемно-хронологический и формально-юридический. Функциональный метод позволил уяснить смысл и содержание

базовых моделей народного участия в правосудии, представленных судом присяжных и судом шеффенов. Сравнительно-правовой метод посредством микросравнения применим для выявления общего и особенного в моделях народного участия в правосудии в славянских государствах. Диахронное сравнение обусловило определение хронодискретного характера института народного участия в России, в то время как синхронное сравнение детерминировало в большинстве общеславянскую тенденцию к сохранению модели суда шеффенов. Проблемно-хронологический метод способствовал определению заимствования советской модели суда с шеффенами бывшими странами социалистического лагеря, включая славянские (Югославия, Болгария, Польша, Чехословакия) и, по сути, ее сохранению в настоящее время, несмотря на произошедшие территориальные изменения отдельных государств в результате политического размежевания и образования новых суверенных государств в отличие от социалистического периода. Формально-юридический метод способствовал исследованию сущностного содержания процессуального права славянских государств на предмет модели и особенностей народного участия в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Формы народного участия в правосудии в бывших союзных социалистических республиках с населением славянского происхождения

История российского правосудия свидетельствуют о хронодискретном характере института народного участия, обусловленного периодической сменой суда шеффенов на суд присяжных и наоборот.

С момента завершения складывания абсолютизма в России и постепенного законодательного регулирования системы правосудия можно отметить четыре важных периода в установлении и развитии народного участия в правосудии.

I. Первый период связан с принятием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. и установлением Екатериной II коллегияльного сословного суда в лице профессионального судьи и заседателей от сословий (шеффенов) в рамках уголовного и гражданского судопроизводства, число которых варьировалось от 2 до 5 заседателей в судебном процессе, участвующих наравне с судьями в рассмотрении судебного дела и вынесении судебного решения [2].

II. Второй период связан с проведением Судебной реформы 1864 г., характеризующейся социокультурной модернизацией системы правосудия в целом [3] и гражданского и уголовного процесса в частности. Данные судебные

¹ Какие современные государства являются славянскими? *Береста*. 29.01.2020. URL: <https://beresta.xyz/kakie-sovremennye-gosudarstva-javlajutsjaslavjanskimi/> (дата обращения: 10.10.2022).

² Приднестровская Молдавская Республика – непризнанное государство в Восточной Европе, обладающее признаками суверенного государства (территория, постоянное население, собственная система управления, способность вступать в международные отношения), но не являющееся членом ООН.

преобразования характеризуются отказом от шеффенской модели народного участия в правосудии и установлением модели присяжных заседателей только в уголовном процессе и в определенных уголовным законом случаях по преступлениям, за которые могло быть назначено лишение или ограничение прав состояния наряду с основным наказанием в виде каторжных работ или лишения свободы. Однако и на этом этапе в период контрреформ произошло возвращение к прежней шеффенской модели [4, с. 32] судопроизводства, но лишь отчасти, поскольку это коснулось только определенной категории политических и государственных преступлений, выведенных из подсудности суда присяжных заседателей и переданных на рассмотрение судебных палат с сословными представителями. Таким образом, во второй половине XIX в. мы наблюдаем сосуществование обеих моделей народного участия в правосудии, но лишь в рамках уголовного процесса.

III. Третий период связан с Октябрьской социалистической революцией и последующей трансформацией политической и правовой системы, отказом от всего буржуазного [5], в том числе в системе правосудия, сменой суда присяжных на судопроизводство с народными заседателями. Разрушение старой судебной системы и создание нового советского суда было обусловлено ленинской концепцией максимального вовлечения трудящихся к управлению государством и правосудию [6; 7]. Советские исследователи, опираясь на конституции, процессуальные законы и иные законы о судопроизводстве, характеризуют деятельность судов с участием народных заседателей, постоянно акцентировали внимание на том, что народные заседатели являются полноправными судьями³ [8–14], тем самым утверждая не вспомогательную роль и даже не общественную форму, а их государственную деятельность.

IV. Четвертый период, детерминированный современной Россией, отталкиваясь от Концепции судебной реформы РСФСР от 24 октября 1991 г., Конституции РФ 1993 г., УПК РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001, а также Федерального закона № 113-ФЗ от 20.08.2004 «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ», характеризуется отказом от всего советского прошлого, отказом от народного суда с народными заседателями и реинкарнацией судопроизводства с участием присяжных заседателей по определенной категории уголовных дел, изначально сопряженных санкцией в виде пожизненного заключения и смертной казни, а в настоящее время и с лишением свободы с альтернативными сроками заключения⁴, но в отличие от дореволюционного правосудия рассмотрение дела в суде с участием присяжных заседателей сейчас возможно по ходатайству подсудимого [15; 16].

Республика Беларусь как бывшая советская республика и представитель восточных славян, аналогично России отказавшись от народных заседателей в гражданском судопроизводстве, вместе с тем сохранила этот институт в уголовном судопроизводстве. В частности, в Беларуси коллегиальный состав в числе профессионального судьи и двух народных заседателей рассматривает в рамках уголовного судопроизводства дела «о преступлениях, за которые уголовным законом предусматриваются наказание свыше десяти лет лишения свободы или смертная казнь; о преступлениях несовершеннолетних»⁵ (ст. 32 УПК Беларуси).

Украинское законодательство, отказавшись от термина *народный заседатель*, именуя их присяжными, сохранило модель суда шеффенов по уголовным делам в отношении преступлений, за которые предусмотрено пожизненное лишение свободы, и только по ходатайству обвиняемого судопроизводство по ним осуществляется единым присутствием двух судей, один из которых – председательствующий, трех присяжных заседателей, и решение в рамках которого выносится совместно с судьями.

Ст. 391 УПК Украины гласит, что «совещанием суда присяжных руководит председатель, который последовательно ставит на обсуждение вопросы, проводит открытое голосование и ведет подсчет голосов, где все вопросы решаются простым большинством голосов, а председательствующий голосует последним»⁶. Российским УПК воспринята классическая модель судопроизводства с участием присяжных заседателей, где председательствующий судья с учетом результатов судебного следствия и прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, обращается к ним с напутственным словом, а разбирательство уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей заканчивается принятием председательствующим одного из решений с учетом вердикта присяжных (ст. 338–351 УПК РФ).

Правовые системы бывших союзных социалистических республик, отказавшись от народного участия в гражданском судопроизводстве, допускают возможность непрофессионального участия лишь в рамках уголовного судопроизводства. Исключением является только Украина, которая допускает участие двух присяжных заседателей наряду с профессиональным судьей в порядке отдельного производства неисковых гражданских дел, связанных с решением вопросов ограничения дееспособности либо признания недееспособности физических лиц; установления статуса безвестно отсутствующего либо признания умершим физического лица; принудительной госпитализацией в психиатрическое или противотуберкулезное учреждение; усыновления⁷ (ст. 34, 293 ГПК Украины).

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. 741 с.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. ФЗ № 190-ФЗ от 23.06.2016. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь № 295-3 от 16.07. 1999 (с изм. и доп. по состоянию на 26.05.2021). ИС *Континент*.

⁶ Уголовный процессуальный кодекс Украины № 4651-VI от 13.04.2012 (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2023). ИС *Континент*.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Украины № 1618-IV от 18.03.2004 (с изм. и доп. по состоянию на 18.10.2022). ИС *Континент*.

Отдельно отметим, что в отличие от Беларуси, Украины и России, в Приднестровской Молдавской Республике, подобно законодательству Молдовы, налицо отказ от непрофессионального народного участия в правосудии. Так, ст. 9, 19 УПК Приднестровской Молдавской Республики установлено, что рассмотрение уголовных дел в судах первой инстанции производится судьей единолично, а уголовные дела о преступлениях, сопряженных исключительной мерой наказания – смертной казнью, либо по делам особой сложности или представляющих большую общественную опасность по решению председателя суда или его заместителя могут рассматриваться судом в коллегиальном составе. В кассационном порядке и в порядке надзора судопроизводство осуществляется коллегией из трех судей⁸. Аналогичные положения закреплены ст. 17 ГПК Приднестровья⁹.

Формы народного участия в правосудии в бывших социалистических славянских государствах

Отметим заимствование советской модели суда с шеффенами (народными заседателями) многими бывшими странами социалистического лагеря, включая славянские (Югославия, Болгария, Польша, Чехословакия). По мнению советских исследователей, вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг. характеризуется окончательным конституционным закреплением принципа участия трудящихся в лице народных заседателей в отправлении правосудия, что нашло отражение в процессуальных кодексах и других законах о судостроительстве [17–19]. В настоящее время можно выделить некоторые особенности народного участия в правосудии.

Обращая внимание на современное законодательство Боснии и Герцеговины, стоит констатировать профессионализацию суда и отсутствие каких-либо форм народного участия на уровне гражданского или уголовного судопроизводства. В то же время, по мнению авторов научно-энциклопедического издания «Судебные системы Европы и Евразии», из-за наличия значительного числа нерассмотренных дел сохраняется прежняя модель с участием народных заседателей [20, с. 67].

Основной закон Республики Сербия диспозитивно закрепляет и коллегиальное, и единоличное судопроизводство, что соответственно регулируется определенными законами, при этом в состав судебной коллегии помимо профессионального судьи входят и заседатели (§ 4, 6 ст. 142 Конституции Республики Сербия). Судья суда первой инстанции единолично рассматривает уголовные дела малой тяжести

и незначительные гражданские дела, сопряженные небольшой ценой иска [21]. Если говорить о коллективном судопроизводстве, то по смыслу Конституции Сербии и Закона об организации судов речь идет о единой коллегии профессионального судьи и заседателях с соответствующей тождественностью прав (ст. 88 Закона «О судьях»). Термин *присяжный заседатель* [20, с. 282], присущий современному законодательству Республики Сербия, при этом обусловлен принесением присяги, но не принципиальным изменением модели народного участия, это по-прежнему советская модель суда шеффенов, характерная для периода народной демократии.

Подобно Республике Сербия в Словении Конституцией закреплена возможность непосредственного участия граждан в правосудии, но в случаях, установленных специальными законами (ст. 128)¹⁰. В частности, ГПК установлено единоличное рассмотрение дела профессиональным судьей (ст. 15)¹¹. В то время как коллегиальное рассмотрение в составе двух судей и трех присяжных заседателей допускается в уголовном судопроизводстве, но по особой категории уголовных дел, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет. Однако по деяниям, нарушающим честь и добрую волю человека путем публичного опубликования, судебный состав представлен судьей и двумя присяжными заседателями¹².

Законодательство Северной Македонии устанавливает коллегиальное судопроизводство в уголовном процессе, но количество судей и заседателей варьируется в зависимости от тяжести инкриминируемого деяния, по преступлениям, сопряженным лишением свободы от 15 лет либо пожизненным заключением, их число равняется двум и трем соответственно, по уголовным деяниям, наказуемым лишением свободы от трех лет, дело рассматривается одним судьей и двумя заседателями. Аналогичный порядок судопроизводства с участием заседателей наблюдается и в Хорватии.

Конституция Республики Черногория предусматривает как единоличное судебное разбирательство профессиональным судьей, так и коллегиальное, в случаях, предусмотренных законом (ст. 119 Конституции 2007 г.) [22]. Примечательно то, что в Черногории уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено участие народных заседателей в судах первой и второй инстанции. Речь идет об особой категории уголовных дел по преступлениям с санкцией в виде лишения свободы от 15 лет и выше, которые рассматриваются в обеих инстанциях коллегией из судьи и трех заседателей.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс ПМР № 157-3-III от 17.07.2003 (в ред. от 13.08.2022). *Верховный Совет ПМР*. URL: <http://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljne-akti-pridnestrovskoju-moldavskoj- respubliki-v-sfere-sudoustroystva-i-protsessualjnogo-prava/> (дата обращения: 05.10.2022).

⁹ Гражданский процессуальный кодекс ПМР (в ред. от 02.08.2022). *Верховный Совет ПМР*.

¹⁰ Конституция Республики Словения 1991 (пересмотренная в 2016 г.). URL: https://constituteproject.org/constitution/Slovenia_2016?lang=en (дата обращения: 05.10.2022).

¹¹ *Zakon o pravdnem postopku (uradno prečiščeno besedilo) (ZPP-UPB3)*. Uradni list RS, št. 73/07, 45/08 – ZArbit., 45/08, 111/08 – odl., US, 57/09 – odl. US, 12/10 – odl. US, 50/10 – odl. US, 107/10 – odl. US, 75/12 – odl. US, 40/13 – odl. US, 92/13 – odl. US, 10/14 – odl. US, 48/15 – odl. US, 6/17 – odl. US, 10/17, 16/19 – ZNP-1 in 70/19 – odl. US. URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO5214> (accessed 5 Oct 2022).

¹² *Zakon o kazenskem postopku*. Uradni list RS. Št. 32/12 (izd. 105/21). URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO362> (accessed 05 Oct 2022).

Отметим, что в Северной Македонии, Хорватии и Черногории разбирательство по делам о преступлениях несовершеннолетних осуществляется только смешанным составом в лице судей и народных заседателей, вплоть до судопроизводства в Верховном суде, из числа педагогов или лиц, обладающих опытом образовательной работы с молодежью.

В бывшей Чехословакии, а в настоящее время в Словакии и Чехии отмечается коллегиальный состав судопроизводства с участием заседателей, иногда именуемых присяжными, например в Словакии, но также только по уголовным делам, преимущественно в числе двух человек. И стоит обратить внимание, что в Чехии для участия народных заседателей в уголовном судопроизводстве снижен порог тяжести уголовно наказуемого деяния, поскольку речь идет о преступлениях, наказуемых лишением свободы на срок свыше 5 лет [23].

В Болгарии народные заседатели именуются судебными заседателями и участвуют наряду с судьей в судебном разбирательстве в количестве двух по тяжким уголовным преступлениям, совершение которых сопряжено лишением свободы сроком от 5 лет. Однако по особо тяжким преступлениям, наказуемым лишением свободы от 15 лет и вплоть до пожизненного заключения, состав судебной коллегии представлен двумя судьями и тремя судебными заседателями [24]. Подобной позиции придерживается и законодательство Польши, когда количество судей и заседателей увеличивается в зависимости от тяжести инкриминируемого преступления¹³.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать некоторые особенности народного участия в правосудии в современных славянских государствах. (1) В некоторых государствах используется термин присяжный заседатель, тем самым вводя в заблуждение, поскольку, по сути, это не судопроизводство с участием присяжных заседателей по континентальному или англосаксонскому типу (Республика Сербия, Словения, Словакия, Украина), а по-прежнему модель шеффенов в виде единого присутствия судьи и заседателей, совместно решающих вопросы факта и права. (2) В ряде государств (Северная

Македония, Хорватия, Черногория) в рамках правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних к заседателям помимо традиционных критериев (возраст, отсутствие судимости и т.п.) предъявляются требования о наличии педагогического образования либо опыта работы с молодежью. (3) В современных славянских государствах, в отличие от социалистического периода, число народных заседателей, участвующих в правосудии, разнится в зависимости от тяжести санкции и, как правило, по особо тяжким уголовно наказуемым деяниям, сопряженным длительными сроками лишения свободы (Болгария, Польша, Северная Македония, Словения, Хорватия, Черногория). (4) Современные суверенные славянские государства сохранили институт народных заседателей, как правило, по особой категории уголовных дел и в ряде случаев только в судах первой инстанции, отказавшись от этой модели в рамках гражданского судопроизводства. (5) Единственным государством (среди рассмотренных), установившим судопроизводство с участием присяжных заседателей, является Российская Федерация. (6) Единственным государством (среди рассмотренных), предусматривающим исключительно профессиональный судейский состав в рамках уголовного и гражданского судопроизводства, является ПМР.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

Литература / References

1. Ляхов Ю. А., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1. С. 130–138. [Lyakhov Yu. A., Malina M. A. Essence of constitutional right of the citizen on participation in administration of justice. *North Caucasus Legal Vestnik*, 2019, (1): 130–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-1-130-138>
2. Гаврилова А. В., Комиссарова Е. Л. Учредительные нормы непрофессионального народного участия в правосудии: историко-правовой анализ. *Юридическая наука*. 2021. № 1. С. 8–12. [Gavrilova A. V., Komissarova E. L. General norms of non-professional people's participation in justice: historical and legal analysis. *Iuridicheskaja nauka*, 2021, (1): 8–12. (In Russ.)] EDN: COODCV
3. Немытина М. В., Михеева Ц. Ц. Социальные отношения и право в советском обществе. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2017. Т. 21. № 3. С. 331–354. [Nemytina M. V., Mikheeva Ts. Ts. The social relations and law in Soviet society. *RUDN Journal of Law*, 2017, 21 (3): 331–354. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354>

¹³ Состав суда в уголовном деле в Польше. 24.05.2017. URL: yuristvpolshe.ru/состав-суда-в-уголовном-деле-в-Польше/ (дата обращения: 05.10.2022).

4. Кони А. Ф. О суде присяжных и суде с сословными представителями. *Журнал Министерства Юстиции*. 1895. № 4. С. 32–60. [Koni A. F. Trial by jury and the trial with estate representatives. *Zhurnal Ministerstva Iustitsii*, 1895, (4): 32–60. (In Russ.)]
5. Шукюров А. Т. Политические причины упразднения института присяжных заседателей большевиками. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2014. № 2. С. 37–42. [Shukyurov A. T. Political causes of abolition of the institution of the jury members by the Bolsheviks. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauk*, 2014, (2): 37–42. (In Russ.)] EDN: SXGDAJ
6. Хаскин И. Суд присяжных и суд шеффенов. *Закон и Суд: Вестник Русского юридического общества*. 1930. № 14-15. Стб. 471–474; № 16. Стб. 503–506. [Haskin I. Jury and Schöffen Trial. *Zakon i Sud: Vestnik Russkogo iuridicheskogo obshchestva*, 1930 (14-15): 471–474; (16): 503–506. (In Russ.)]
7. Козлов Ю. Д., Шейнин Х. Б. Народные заседатели – равноправные судьи. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1967. 72 с. [Kozlov Yu. D., Sheynin Kh. B. *People's assessors as equal judges*. 2nd ed. Moscow: Iurid. lit., 1967, 72. (In Russ.)]
8. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 гг. М.: Госюриздат, 1957. 383 с. [Kozhevnikov M. V. *History of the Soviet court. 1917–1956*. Moscow: Gosyurizdat, 1957, 383. (In Russ.)]
9. Лаговнер Н. Народный суд. Лекции заочных курсов советского строительства. М., 1930. 37 с. [Lagovner N. *People's Court. Lectures of correspondence courses of Soviet construction*. Moscow, 1930, 37. (In Russ.)]
10. Перлов И. Д. Суд и правосудие в СССР. М.: Юрид. лит., 1976. 375 с. [Perlov I. D. *Court and justice in the USSR*. Moscow: Iurid. lit., 1976, 375. (In Russ.)]
11. Радутная Н. В. Избранное. М.: РГУП, 2010. 249 с. [Radutnaya N. V. *The best works*. Moscow: RSUJ, 2010, 249. (In Russ.)]
12. Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. М.: Юрид. лит., 1976. 375 с. [Semenov V. M. *Court and justice in the USSR*. Moscow: Iurid. lit., 1976, 375. (In Russ.)]
13. Суд и правосудие в СССР, под общ. ред. Р. Г. Биктанова. Казань: Казан. ун-т, 1980. 400 с. [Court and justice in the USSR, ed. R. G. Biktanov. Kazan: Kazan University, 1980, 400. (In Russ.)]
14. Понеделков М. И. Участие народных заседателей в рассмотрении уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1978. 95 с. [Ponedelkov M. I. *Participation of people's assessors in the consideration of criminal cases*. Moscow: Iurid. lit., 1978, 95. (In Russ.)]
15. Насонов С. А. Модель производства в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года. *Право: история, теория, практика: II Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–23 июля 2013 г.)* СПб.: Реноме, 2013. С. 96–109. [Nasonov S. A. The model of production in a jury trial according to the Statute of criminal court proceedings of Russia in 1864. *Law: history, theory, and practice: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 20–23 Jul 2013*. St. Petersburg: Renome, 2013, 96–109. (In Russ.)] EDN: VMQLXV
16. Насонов С. А. Континентальная модель производства в суде присяжных: генезис и особенности процедуры. *Право и политика*, 2015. № 11. С. 1567–1572. [Nasonov S. A. Continental model of the trial by jury: genesis and features. *Pravo i politika*, 2015, (11): 1567–1572. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.11.16797>
17. Власов И. С. Судебные системы социалистических стран. М., 1973. 42 с. [Vlasov I. S. *Judicial systems of socialist countries*. Moscow, 1973, 42. (In Russ.)]
18. Гробовенко Я. В. Народные заседатели в странах народной демократии. *Советская юстиция*. 1963. № 4. С. 20–21. [Grobovenko Ya. V. People's assessors in the countries of people's democracy. *Sovetskaia iustitsiia*, 1963, (4): 20–21. (In Russ.)]
19. Нейман А. Судебная система Чехословацкой Социалистической Республики. *Советская юстиция*. 1963. № 12. С. 24–26. [Neiman A. The judicial system of the Czechoslovak Socialist Republic. *Sovetskaia iustitsiia*, 1963, (12): 24–26. (In Russ.)]
20. Судебные системы Европы и Евразии. Т. 2. Южная и Восточная Европа, ред. Р. А. Курбанов, Р. А. Гурбанов. М.: Проспект, 2019. 528 с. [Judicial systems of Europe and Eurasia. Vol. 2. Southern and Eastern Europe, eds. Kurbanov R. A., Gurbanov R. A. Moscow: Prospekt, 2019, 528. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392284122-2019-528>
21. Половченко К. А. Конституционные основы судебной власти в Республике Сербия. *Социально-политические науки*. 2017. № 2. С. 125–129. [Polovchenko K. A. The constitutional basics of the judicial power in the Republic of Serbia. *Sociopolitical Sciences*, 2017, (2): 125–129. (In Russ.)] EDN: YLPOQT
22. Фокин Е. А., Черенкова В. С. Судебные реформы в Сербии и Черногории: аналитический обзор заключений, принятый Венецианской комиссией на 115-й пленарной сессии. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 5. С. 137–143. [Fokin E. A., Cherenkova V. S. Judicial reforms in Serbia and Montenegro: analytical review of the opinions adopted by the Venice Commission at the 115th plenary session. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2018, (5): 137–143. (In Russ.)] EDN: YMKEVF
23. Бирюков П. Н. Суды общей юрисдикции Чешской Республики. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2012. № 6. С. 12–20. [Biryukov P. N. Courts of general jurisdiction of the Czech Republic. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu"*, 2012, (6): 12–20. (In Russ.)] EDN: PMEVED
24. Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 644 с. [Rudenko V. N. *Citizen participation in judiciary in contemporary world*. Ekaterinburg: UB RAS, 2011, 644. (In Russ.)] EDN: QSGWWZ

оригинальная статья

Правовая и политическая реформы и изменения в Конституциях СССР и РСФСР периода перестройки (1985 – начало 1990-х гг.)

Казьмин Владимир Николаевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

vladkaz231@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2022. Принята после рецензирования 26.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Предметом исследования является анализ правовой и политической реформ в СССР и РСФСР середины 1980-х – начала 1990-х гг. Цель – выявить содержание, особенности, проблемы в реализации политической и правовой реформ. Методологической основой выступил системный подход, также использованы принципы историзма и научности, историко-правовой и формально-юридический методы. В результате анализа источников и научной литературы доказано, что проводимая руководством страны политика носила стихийный, а иногда и волюнтаристский характер. Это касается, прежде всего, реформирования политической системы и правовой реформы как ее составной части. Сделав акцент в начале перестройки на формирование теории социалистического правового государства, теоретики права не нашли особых принципов и норм, которые отличали бы ее от концепций западной либерально-буржуазной правовой мысли. Отказ власти от постулатов теории и практики социализма привел к хаотичным изменениям в действующих Конституциях СССР и РСФСР. Сделан вывод, что с утратой союзным центром своих позиций инициатива перешла на республиканский и региональный уровни. Об этом свидетельствует конституционная реформа конца 1980-х – начала 1990-х гг. в РСФСР, которая усиливала процесс противостояния не только с союзной властью, но и привела к политическому и правовому конфликту внутри России.

Ключевые слова: перестройка, правовое социалистическое государство, Конституция СССР, Конституция РСФСР, политическая реформа, кризис

Цитирование: Казьмин В. Н. Правовая и политическая реформы и изменения в Конституциях СССР и РСФСР периода перестройки (1985 – начало 1990-х гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 80–86. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-80-86>

full article

Legal and Political Reforms and Amendments to the Constitutions of the USSR and the RSFSR during the Perestroika (1985 – Early 1990s)

Vladimir N. Kazmin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

vladkaz231@yandex.ru

Received 1 Dec 2022. Accepted after peer review 26 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article introduces an analysis of legal and political reforms in the USSR and the RSFSR during the Perestroika. The research objective was to describe the implementation of political and legal reforms. The analysis was based on the systematic approach, which considers independent political and legal processes in their interaction and development. The research principles included various general scientific methods and the principle of historicism, as well as comparative legal and formal legal methods. The analysis of sources and scientific literature proved that the authorities pursued a spontaneous and sometimes arbitrary policy, especially in the reform of the political system and the legal reform. While the early Perestroika was associated with the theory of the socialist rule of law, legal theorists found no special principles and norms that would distinguish it from the concepts of Western liberal and bourgeois legal thought. The fact that the government rejected the postulates of socialism caused chaotic changes in the Constitutions of the USSR and the RSFSR. When the Union center lost its positions, the initiative moved to the republican and regional levels. As a result, the constitutional reform of the late 1980s – early 1990s increased the confrontation with the allied authorities and led to domestic political and legal conflicts.

Keywords: perestroika, legal socialist state, Constitution of the USSR, Constitution RSFSR, political reform, crisis

Citation: Kazmin V. N. Legal and Political Reforms and Amendments to the Constitutions of the USSR and the RSFSR during the Perestroika (1985 – Early 1990s). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 80–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-80-86>

Введение

Время, получившее в истории советского государства название *перестройка*, сложно и противоречиво по своим действиям и последствиям. С одной стороны, проведение реформ было необходимо для выхода из экономического, политического и правового кризисов. С другой – следствием этих реформ стало катастрофическое ухудшение жизни граждан, распад государственности, конституционный кризис.

Не случайно анализ событий того периода, содержание, методы и формы реформирования политической и правовой системы вызывают споры и дискуссии среди специалистов разных областей: политологов, историков, социологов, юристов. Начало таких дискуссий приходится на время самой перестройки. Суть разных подходов реформирования общества и государства того периода отражена, например, в книге «Иного не дано» [1], где выход из кризисной ситуации пытаются найти в рамках социалистической идеологии и права.

В 1990 г. происходит отказ от прежних идеологических постулатов и обращение к доктринальным либеральным идеям западного мира [2], тем более что в зачаточной форме они получили распространение в движении диссидентов, где ключевую роль играло правозащитное движение [3]. Это проявлялось, например, в трудах и выступлениях на Съезде народных депутатов СССР А. Д. Сахарова [4].

Идейное размежевание характерно и для высшей партийной элиты страны, о чем говорит не только деятельность Б. Н. Ельцина, руководителя Московской партийной организации [5], но и главного идеолога КПСС периода перестройки А. Н. Яковлева. В своей книге «Горькая чаша» А. Н. Яковлев предлагает радикальный план политического и правового переустройства общества. Основные идеи этого плана сводились к реформированию всех сторон жизни советского общества на основе развития демократии, в том числе разделения партии на две части – Социалистическую и Народно-демократическую. Особое внимание, по его мнению, следует обратить на реформирование государства, где главными принципами должны быть выборность всей системы власти, гласность и права человека, что невозможно без правового государства. Система управления страны включает в себя президентскую форму управления. Президент избирается всенародным голосованием на 10 лет из кандидатов, выдвинутых партиями. Правительство возглавляет Генеральный Секретарь победившей партии. По мнению А. Н. Яковлева, выполнение этих мер «будет революционной перестройкой исторического характера» [6, с. 112].

Реализация поставленных целей будет идти не сразу, но уже в 1987 г. отдельные положения из этого плана реформирования политической системы будут содержаться в книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Эта книга – «рассуждения и размышления о перестройке, о проблемах, которые перед нами встали, о масштабах перемен, о сложности, ответственности и неповторимости нашего времени» [7, с. 3].

Таким образом, начинается эволюция взглядов руководства КПСС к идеологии, которая в дальнейшем будет оформлена в политику *нового мышления* для обеспечения общечеловеческих ценностей и построения социалистического правового государства.

Некоторые исследователи реформ периода перестройки придут к утверждению, что такое понимание реформ приведет к развалу страны. «Катастрофкой» и русской трагедией назовет такую политику известный философ, диссидент советского времени А. А. Зиновьев [8]. Историк И. Я. Фроянов оценит политику М. С. Горбачева как погружение в бездну [9].

Конечно, это позиции сторон своего времени, но они дают определенные сигналы для современного понимания правового государства. Сегодняшняя юридическая наука развивается в направлении связи государства и гражданского общества, общественных организаций в построении правового государства. Это характерно не только для ведущих юридических центров и институтов, но и на региональном уровне.

Такая точка зрения представлена в монографии кемеровского юриста Б. Я. Бляхмана, который считает, что крах, в том числе правовых реформ М. С. Горбачева, произошел в силу отсутствия гражданского общества [10, с. 99]. Расширяет представление о взаимодействии правового государства и гражданского общества коллективная монография кафедры теории и истории государства и права Юридического института Кемеровского государственного университета, где анализируются современные тенденции этого процесса [11]. Эта проблема находит свое освещение в выступлениях на конференциях в Кемеровском государственном университете [12] и ряде других вузов Сибири [13].

Методологической основой данной статьи является принцип взаимосвязи общего и особенного, прошлого и настоящего. Этот принцип составляет основу системного, историко-правового подходов. Сущность системного подхода заключается в том, что относительно самостоятельные политические и правовые процессы рассматриваются не изолированно, а в их взаимодействии, в развитии. Отсюда и использование таких принципов исследования, как принципы историзма и научности, а также сравнительно-юридического и формально-юридического методов для анализа массива фактического материала.

Важную роль в понимании процессов данного периода сыграли положения Николая Яковлевича Данилевского – видного сторонника цивилизационно-культурологического подхода [14].

Результаты

Официально мероприятия по реформе политической системы были приняты в 1988 г. на XIX Всесоюзной партийной конференции. Наряду с необходимостью демократизации советского общества, развитием самоуправления,

развитием гласности, в резолюции конференции говорилось о создании правового государства и подготовке реформ по совершенствованию законодательства в стране¹.

В специально принятом постановлении «О правовой реформе» отмечалось, что, несмотря на крупные меры по правовому обеспечению перестройки, это только начало работы, связанной с формированием социалистического правового государства. Главное в реформировании правовой системы – обеспечение верховенства закона во всех сферах жизни общества на основе развития народовластия.

В резолюции «О правовой реформе» определялись конкретные меры по улучшению законодательной деятельности высших органов власти Союза ССР и союзных и автономных республик. В основе закона должен лежать следующий принцип: разрешено все, что не запрещено законом. Ставилась задача демократизировать законодательный процесс на основе гласности компетентной научной оценки, обсуждения законов с участием общественности, всего народа.

Также в резолюции говорилось о кардинальном пересмотре и систематизации законодательства в связи с изменениями в законодательстве о социалистической собственности, финансовых, налоговых и хозяйственных отношениях. Положительным являлось и то, что первостепенное внимание необходимо уделять правовой защите личности, гарантировать осуществление политических, экономических и социальных прав и свобод советских людей.

Важной задачей перестройки правовой системы было объявлено повышение роли суда в системе социалистической демократии. Суд должен строиться на таких основах, как состязательность, гласность, соблюдение презумпции невиновности, недопустимость, как обвинительного уклона, так и попустительства по отношению посягательства на советский закон².

В последующих статьях постановления партийной конференции определялись задачи для структур Государственного арбитража, прокуратуры, органов внутренних дел, адвокатуры, кадрового обеспечения правовой реформы.

В специальном пункте постановления говорилось о перестройке правового воспитания населения по единой программе. В этом особое место должно принадлежать средней профессиональной и высшей школе, средствам массовой информации, общественным организациям³.

Реформа правовой системы страны являлась составной частью политического переустройства общества. Но чем отличается социалистическое правовое государство от классической разработки теории правового государства, принципы которого были сформулированы еще в античные времена, а само понятие обосновали в своих трудах такие философы, как И. Кант, Дж. Локк [15, с. 269–408]. На этот вопрос предстояло ответить советским теоретикам права и юристам. Проблема усугублялась тем, что в период

1970–1980-х гг. свое видение содержания правового государства, защиты прав человека отстаивали правозащитники, это считалось диссидентством, инакомыслием [16, с. 22–51].

Пропаганду и защиту прав человека нередко относили к антисоветской деятельности, что влекло за собой наказание по Уголовному кодексу РСФСР. В конце 1970-х гг. правозащитные организации были разгромлены, их члены находились в ссылке, эмиграции или заключении. В качестве примера можно привести ссылку в г. Горький А. Д. Сахарова в 1980 г., одного из организаторов Комитета прав человека в СССР [17, с. 220–222], репрессии против членов Московской Хельсинской группы [18, с. 209–214].

С началом политической и правовой реформы многие находившиеся в заключении и ссылке правозащитники были освобождены. Процессы демократизации и гласности позволили им активно включиться в общественно-политическую жизнь страны. Так, А. Д. Сахаров стал народным депутатом СССР в 1989 г., а потом одним из лидеров оппозиционной Межрегиональной депутатской группы, которая предлагала свой план реформирования политической и правовой системы.

Однако в 1988–1989 гг. основной задачей, стоящей перед правовыми институтами советского государства, являлось определение содержания и путей движения к социалистическому правовому государству. В этот период и проходят многочисленные дискуссии среди советских правоведов о понятии *социалистическое правовое государство*.

Ведущие советские правоведы – вице-президент АН СССР В. Н. Кудрявцев и заведующая сектором Института государства и права АН СССР, доктор юридических наук Е. А. Лукашева – считали, что социалистическое правовое государство неотделимо от развития демократии и самоуправления народа, где ключевую роль играет закон. По их мнению, только тогда можно обеспечить «защиту свободы, чести и достоинства личности, средство борьбы с бюрократией, местничеством и ведомственностью, форму осуществления социалистического народовластия» [19, с. 11].

Вместе с тем, обозначив термин *социалистическое правовое государство*, некоторые авторы воспроизводят подходы и принципы, которые характерны для взглядов западных и русских философов и правоведов [15, с. 572–574].

Рассматривая правовые отношения в истории Советского государства, авторы, опираясь на взгляды классиков марксизма-ленинизма, определяют принципы, на которых должно строиться социалистическое правовое государство. Таких принципов, по их мнению, должно быть пять: 1) господство права во всех сферах общественно жизни и верховенство закона; 2) связанность законом самого государства и всех его органов и общественных организаций; 3) неизбежность свободы личности, ее прав и интересов;

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15: 1985–1988. М.: Политиздат, 1989. С. 617–651.

² Там же. С. 651–652.

³ Там же. С. 653–654.

4) взаимная ответственность государства и личности;
5) эффективные формы контроля и надзора за осуществлением законов [19, с. 18–27].

Таким образом, мы видим стремление осуществить синтез, соединение теории правового государства с модернизированной социалистической идеологией периода перестройки. На данном этапе это отражало взгляды не только правящей партийной и научной юридической элиты, но и большинства простых граждан, рабочих и интеллигенции, что подтверждается, например, позицией лидеров рабочего движения Кузбасса.

В Кузбассе в 1989 г. сложилась кризисная общественно-политическая и экономическая ситуация. Мощная забастовка шахтеров, недовольных экономическими условиями труда, заработками, дефицитом продуктов и товаров, вызвала создание общественно-политических организаций, сначала рабочих комитетов, а потом Союза трудящихся Кузбасса [20].

Организаторы Союза трудящихся Кузбасса обратились с просьбой в Кемеровский государственный университет на юридический факультет на кафедру гражданского права за консультацией по проекту Программного заявления и Устава создаваемой организации. В обращении представители рабочих комитетов просили сделать замечания и предложения, чтобы не было противоречий в принимаемых документах с Конституцией, законами СССР и международными соглашениями⁴.

В выступлениях на конференции рабочих комитетов Кузбасса и принятом Программном заявлении 18–19 ноября 1989 г. отмечалась необходимость формирования правового государства и исполнения законов от рядового рабочего до главы государства, защиты прав личности от посягательств, как чиновников, так и государства, обеспечения прав человека в соответствии с международным правом⁵.

В Программном заявлении проявилось две тенденции. Первая характеризовала наличие кризисных явлений во всех сферах жизни общества и государства. Выход из нее был возможен в результате реформирования экономических, социальных, политических и правовых отношений в рамках обновления социалистической системы, политики перестройки. Вторая тенденция состояла в том, что Программа отражала и радикальные требования преобразований, которые выходили за рамки проводимой политики. Не без влияния оформляющейся политической оппозиции властным институтам в документе содержались и требования о передаче всей власти Советам народных депутатов, исключения из Конституции 6 статьи, где закреплялась ведущая роль КПСС в политической системе⁶.

Этот программный документ рабочего движения Кузбасса, как в зеркале, отражал противоречия проводимой политики перестройки и нового мышления. От того, поддержит рабочее движение курс официальной власти или оппозиции, во многом зависел вектор развития страны. В начале 1990 г. лидеры рабочего движения Кузбасса, а они являлись ядром всего рабочего движения страны, приняли сторону оппозиционных, «демократических» сил.

Новый курс лидеров рабочего движения был закреплен в решениях первого съезда Конфедерации труда 30 апреля 1990 г. в г. Новокузнецк, объединившего все независимые рабочие движения и организации трудящихся страны. Теперь важнейшими задачами провозглашались «борьба за ликвидацию на деле диктата КПСС и ее аппарата, противостояние стремлению сохранить монополию и произвол государственных ведомств, чиновников, хозяйственной администрации»⁷. В Декларации основных принципов Конфедерации труда содержалось и требование присоединиться к международным пактам о гражданских и политических правах⁸. Рабочее движение, в отличие от лидеров, носило стихийный характер. Уже в 1992 г. оно станет создавать Комитеты спасения от новой демократической власти [21, с. 19–40].

На третьем Съезде народных депутатов СССР под давлением оппозиционных сил, в том числе забастовочного движения, была отменена 6 ст. Конституции СССР, которая гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы является Коммунистическая партия Советского Союза»⁹. Это означало начало крушения всей политической системы и государственного управления страной. В том числе разрушалась прежняя доктрина социалистического правового государства, где ключевая роль отводилась народовластию в лице такого института, как Советы народных депутатов. Кстати, это также было закреплено во 2 ст. Конституции СССР. В первое время после отмены 6 ст. Конституции партийное руководство в центре и на местах не видело ущемления своих полномочий, считая, что смогут осуществлять их в качестве руководителей советов или через своих партийных представителей.

На практике это не подтвердилось в связи с падением авторитета КПСС и ее руководителей, усугублением социального и политического кризиса, организационным и идейным оформлением оппозиции в лице оформившихся народных фронтов и политических партий (Демократический Союз, Республиканская партия РФ, Либерально-демократическая партия и др.), сепаратистскими движениями в национальных республиках. Аналогичные процессы происходили и в регионах Сибири [22].

⁴ Рабочее движение Кузбасса. Документы и материалы: апрель 1989 – март 1992. Кемерово: Современная отечественная книга, 1993. С. 140.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Там же. С. 284.

⁸ Там же. С. 285.

⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977. С. 5.

В программных установках оппозиционных партий также включались положения о правовом государстве, правах человека, но в трактовке западного парламентаризма. Советская модель воспринимается ими как символ тоталитарного общества. Если раньше они боролись против всевластия КПСС, то теперь их уже не устраивает власть Советов, где, по их мнению, отсутствует принцип разделения властей и система сдержек и противовесов. Образцом для них становится западная модель государственного устройства общества.

От лозунгов народовластия и Советов народных депутатов оппозиция переходит к прямым действиям, в том числе и насильственным, для прихода к власти, как в центре, так и в регионах. В своих действиях, в том числе антиконституционных, она получает поддержку в рабочем движении.

Теряя влияние внутри страны и партии, руководство страны начинает маневрировать, делая одну уступку за другой, отказываясь от политики реформирования страны в рамках социалистического выбора. Об этом открыто заявляет член Политбюро ЦК КПСС, один из идеологов перестройки А. Н. Яковлев [23].

Конечно, слом конституционного устройства государства осуществлялся постепенно. Все зависело от соотношения политических сил, положения дел в стране, настроениях и поддержки граждан проводимых преобразований в стране. Объективно изменения в Конституции СССР и союзных республик отражали те изменения экономического и социально-политического характера, которые происходили в стране. Так, с утратой авторитета КПСС и усилением влияния оппозиционных сил исключается из Конституции 6 статья.

В начале конституционной реформы в стране следует отметить такую особенность, как синхронность, в какой-то мере дублирование решений центральных органов власти республиканскими органами. Это можно видеть в изменениях Конституции РСФСР, принятой в 1978 г. Изменения вносились до весны 1990 г. за счет поправок по образцу поправок изменений экономической и политической системы в Конституции СССР.

Об этом свидетельствуют следующие факты. В 1988 г. учреждается Съезд народных депутатов СССР, соответственно, это положение было внесено в Конституцию СССР. В октябре 1989 г. аналогичные поправки вносятся в текст Конституции РСФСР, где учреждается Съезд народных депутатов РСФСР – высший орган государственной власти России, обладающий широкими полномочиями, включая принятие Конституции и внесение в нее поправок.

С началом работы первого Съезда народных депутатов РСФСР в мае-июне 1990 г. сразу начинается конституционная перестройка российского законодательства. Она осуществляется с массового внесения поправок в Конституцию РСФСР.

В 1990 г. будет принято три закона о внесении изменений. Всего в этот год внесено 53 поправки. Наиболее значимые – о порядке избрания и деятельности Конституционного Суда (ст. 119); нормы о многопартийности и политическом плюрализме (ст. 6 и 7). Важно отметить, что из Конституции было полностью исключено даже упоминание о КПСС, что присутствовало в Конституции СССР.

С принятием 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР все более усиливается акцент на организацию самостоятельных институтов власти. В частности, вся система российской прокуратуры выведена из-под юрисдикции Генеральной прокуратуры СССР¹⁰.

В 1991 г. внесен ряд поправок по разделению властей. Введены нормы о Президенте РСФСР (гл. 13; ст. 121) и расширены права Съезда и Верховного Совета РСФСР (ст. 104). Устанавливалась новая судебная система РСФСР, вводился институт присяжных заседателей. Всего принимается 29 конституционных поправок.

События августа 1991 г. повлекли за собой противоречивые последствия с правовой точки зрения. Они способствовали, с одной стороны, усилению суверенитета российской государственности. Это выразилось внесением в Конституцию РСФСР статей о символике, в частности нового Государственного флага. С другой – применению неправовых методов в борьбе с теряющей свои властные полномочия КПСС. Это проявилось в приостановке деятельности партийных организаций коммунистов, в независимости от их роли в событиях августа 1991 г., конфискации партийного имущества; внесудебных обвинений и расправ.

В 1992 г. в Конституцию РСФСР добавляются еще 300 поправок. В связи с развалом СССР РСФСР получила новое название – Российская Федерация – Россия. Важными были поправки, расширяющие личные права и свободы граждан, а также раскрывающие содержание принципа разделения властей [24, с. 31–33].

Однако конституционная перестройка в России не сняла остроту противоречий между политическими силами, а наоборот, обострила их до реальной опасности гражданской войны. Это проявлялось в равенстве полномочий Президента и Съезда народных депутатов РСФСР, что со временем приведет их к открытому противостоянию [25, с. 108–114].

Работа над новой Конституцией приобретала особую значимость в силу сложившейся политической и правовой ситуаций. Созданная Конституционная комиссия, приступившая к работе в июне 1990 г., выработала несколько вариантов. Однако наиболее дискуссионной среди депутатов была проблема определения полномочий ветвей власти. В этой связи возникают авторские варианты Конституции¹¹. Дискуссия по проекту приняла, в силу политического противостояния, затяжной характер и продолжалась более трех лет.

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22; № 29. Ст. 395.

¹¹ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.). Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации, 1990–1993 гг., под общ. ред. О. Г. Румянцев. М.: Волтерс Клаувер, 2009. Т. 5. С. 609–650.

В апреле 1993 г. политическое противостояние приняло новый размах в связи с решением Президента выйти с собственным проектом Конституции РФ¹². На этой основе созданное Конституционное совещание должно было завершить работу над Основным законом. Верховный Совет РФ отказался работать с Конституционным совещанием и представил свой проект. История конституционного кризиса, его причины и содержание достаточно подробно рассмотрены как одним из ее авторов – С. М. Шахраем [26], так и в научной литературе [27]. Конституционный кризис разрешился не в рамках мирного компромисса и юридических процедур, а насильственными методами (обстрелом и захватом парламента России). Конституционный кризис закончился с принятием новой Конституции РФ 12 декабря 1993 г.

Заключение

С принятием новой Конституции завершился еще один сложный и противоречивый этап в развитии страны. Принятый Основной закон отразил победу тех политических сил, которые ратовали за демократические преобразования, частную собственность, идейный плюрализм, создание многопартийной системы, обеспечение прав и свобод человека. Реализовать все это на практике предстояло новым властным и правовым институтам. Однако выполнение указанных конституционных положений оказалось непростой задачей в силу того, что и новая Конституция лишь на время

установила относительную стабилизацию в обществе, но не сняла ключевые противоречия среди политических сил. Однако следует констатировать, что политическая борьба за изменение Конституции с этого момента происходила в мирных, парламентских формах. Важно, чтобы и в сегодняшних сложных внешнеполитических и внутренних проблемах властным структурам удавалось найти консенсус с политическими оппонентами, гражданским обществом и народом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

Литература / References

1. Иного не дано: судьбы перестройки, глядявываясь в прошлое, возвращение к будущему, под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 674 с. [*We've got what we've got: Perestroika narratives, an insight into the past, back to the future*, ed. Afanasiev Yu. N. Moscow: Progress, 1988, 674. (In Russ.)] EDN: LKGGIK
2. Погружение в трясину: (анатомия застоя), ред. А. Н. Завьялова, Н. К. Сазанович. М.: Прогресс, 1991. 704 с. [*Immersion in the quagmire: (anatomy of stagnation)*, ed. Zavyalova A. N., Sazanovich N. K. Moscow: Progress, 1991, 704. (In Russ.)]
3. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: Моск. Хельсин. группа, 2006. 382 с. [Alekseeva L. M. *The history of dissent in the USSR. The newest period*. Moscow: Mosk. Khelsin. gruppa, 2006, 382. (In Russ.)] EDN: QPCSHV
4. Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1991. 335 с. [Sakharov A. D. *Anxiety and hope*. Moscow: Inter-Verso, 1991, 335. (In Russ.)]
5. Ельцин В. Н. Исповедь на заданную тему: размышления, воспоминания, впечатления... М.: Фонд Первого Президента России В. Н. Ельцина, 2008. 191 с. [Yeltsin V. N. *Confession on a given topic: reflections, memories, impressions...* Moscow: Foundation of the First President of Russia V. N. Yeltsin, 2008, 191. (In Russ.)] EDN: QPKBHP
6. Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевик и реформация России. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. 461 с. [Yakovlev A. N. *The bitter cup. Bolshevism and the Reformation in Russia*. Yaroslavl: Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1994, 461. (In Russ.)]
7. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 271 с. [Gorbachev M. S. *Perestroika and new thinking for our country and for the whole world*. Moscow: Politizdat, 1987, 271. (In Russ.)]
8. Зиновьев А. А. Русская трагедия. Гибель утопии. М.: Эксмо, 2003. 508 с. [Zinoviev A. A. *Russian tragedy. The death of utopia*. Moscow: Eksmo, 2003, 508. (In Russ.)] EDN: QOCFXT
9. Фроянов И. Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002. 608 с. [Froyanov I. Ya. *Immersion into the abyss*. Moscow: Eksmo, 2002, 608. (In Russ.)] EDN: QPOQXF
10. Бляхман В. Я. Гражданское общество: некоторые вопросы развития и становления. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 204 с. [Blyakhman V. Ya. *Civil society: some issues of development and formation*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 204. (In Russ.)] EDN: QODUER

¹² Известия. 30.04.1993.

11. Гаврилов С. О., Гаврилова А. В., Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Волков Н. А., Балаян Э. Ю., Леонова Т. Ю., Попова Т. Ю., Исакова Е. Г., Ивлев С. В., Трезубов Е. С., Комиссарова Е. Л., Козлова Н. В., Боголюбов Е. А., Невзорова М. Т., Лученок Е. В., Арефьева Т. С. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект. М.: Проспект, 2019. 432 с. [Gavrilov S. O., Gavrilova A. V., Kazmin V. N., Kazmina M. V., Volkov N. A., Balayan E. Yu., Leonova T. Yu., Popova T. Yu., Isakova E. G., Ivlev S. V., Trezubov E. S., Komissarova E. L., Kozlova N. V., Bogolyubov E. A., Nevzorova M. T., Luchenok E. V., Arefieva T. S. *The history and modern trends in the development of the civil society and the state: the human rights aspect*. Moscow: Prospekt, 2019, 432. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392296811-2019-432>
12. Тенденции развития юридической науки на современном этапе: IV Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Кемерово, 18 октября 2019 г.), отв. ред. Е. С. Трезубов М.: Проспект, 2020. 824 с. [*Trends in the development of legal science at the present stage: IV All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation*, Kemerovo, 18 Oct 2019, ed. Trezubov E. S. Moscow: Prospekt, 2020, 824. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392337606-2020-824>
13. Права и свободы человека: теория, история и практика (к 20-летию отмены статьи 6 Конституции СССР): Всерос. науч. конф. (Омск, 25–26 марта 2010 г.), отв. ред. С. А. Величко. Омск: ОмЮА, 2010. 303 с. [*Human rights and freedoms: theory, history, and practice (dedicated to the 20th anniversary of the repeal of Article 6 of the Constitution of the USSR)*: All-Russian Sci. Conf., Omsk, 25–26 Mar 2010, ed. Velichko S. A. Omsk: OmLA, 2010, 303. (In Russ.)] EDN: QITAWJ
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 816 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008, 816. (In Russ.)] EDN: QWTDGX
15. История политических и правовых учений, ред. В. С. Нерсисянц. М.: Инфа-М, 1996. 736 с. [*History of political and legal doctrines*, ed. Nersesyants V. S. Moscow: Infa-M, 1996, 736. (In Russ.)]
16. Казьмин В. Н. Протестное движение: история и современность. Кемерово: КемГУ, 2017. 182 с. [Kazmin V. N. *Protest movement: history and modernity*. Kemerovo: KemSU, 2017, 182. (In Russ.)] EDN: KUHDIL
17. Клайн Э. Московский комитет прав человека. М.: Права человека, 2004. 232. [Kline E. *The Moscow Human Rights Committee*. Moscow: Prava cheloveka, 2004, 232. (In Russ.)] EDN: QWICCSJ
18. Голдберг П. Заключительный акт: драматическая история Московской Хельсинкской группы. М.: Моск. Хельсин. группа, 2006. 214 с. [Goldberg P. *The final act: the dramatic, revealing story of the Moscow Helsinki Watch Group*. Moscow: Mosk. Khelsin. gruppya, 2006, 214. (In Russ.)] EDN: QPCVXH
19. Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют, сост. Ю. М. Батуринов. М.: Прогресс, 1989. 370 с. [*The pulse of reforms. Lawyers and political scientists reflect*, comp. Baturin Yu. M. Moscow: Progress, 1989, 370. (In Russ.)]
20. Лопатин Л. Н. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). Кемерово, 1995. 304 с. [Lopatin L. N. *History of the Kuzbass labor movement in 1989–1991*. Kemerovo, 1995, 304. (In Russ.)]
21. Соловченко И. С. Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг. Томск: ТПУ, 2019. 343 с. [Solovenko I. S. *The protest movement of Russian miners in 1992–1999*. Tomsk: TPU, 2019, 343. (In Russ.)]
22. Козодой В. И. Формирование многопартийности в Сибири в 1985–1996 гг. Новосибирск: Параллель, 2004. 452 с. [Kozodoi V. I. *Formation of multiparty system in Siberia in 1985–1996*. Novosibirsk: Parallel, 2004, 452. (In Russ.)] EDN: XVOSPJ
23. Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М.: Новости, 1992. 282 с. [Yakovlev A. N. *Preface. Collapse. Afterword*. Moscow: Novosti, 1992, 282. (In Russ.)]
24. Шаблинский И. Г. Пределы власти. Борьба за Российскую Конституционную реформу. М.: Центр конституционных исследований, 1997. 248 с. [Shablinsky I. G. *Limits of power. The struggle for the Russian Constitutional Reform*. Moscow: Center for Constitutional Studies, 1997, 248. (In Russ.)]
25. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд. М.: Норма, 2007. 784 с. [Baglay M. V. *Constitutional law of the Russian Federation*. 6th ed. Moscow: Norma, 2007, 784. (In Russ.)] EDN: PFKHMY
26. Шахрай С. М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М.: Синдбад, 2021. 382 с. [Shakhray S. M. *How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era*. Moscow: Sindbad, 2021, 382. (In Russ.)]
27. Александрова М. А. История создания Конституции РФ. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2010. № 11. С. 41–46. [Aleksandrova M. A. The history of the Constitution of the Russian Federation. *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2010, (11): 41–46. (In Russ.)] EDN: NDCXEJ

оригинальная статья

Правовая иконография и иконографический (иконологический) метод в правовых исследованиях

Лонская Светлана Владимировна
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, Калининград
<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>
SLonskaya@kantiana.ru

Пономарева Валерия Владимировна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 13.12.2022. Принята после рецензирования 09.01.2023. Принята в печать 09.01.2023.

Аннотация: Поставлена проблема недостаточного осмысления на методологическом уровне в отечественной юридической науке вопросов развития такого междисциплинарного научного направления, как правовая иконография, и применения иконографического (иконологического) методов научного исследования. Особое внимание уделено историко-правовой науке. Интерес к правовой иконографии обосновывается источникоцентричным подходом к предмету исследования в социогуманитарных науках, в том числе истории права, требующих расширения не только предмета исследования, но и методологии. Рассматривается история возникновения иконографии (правовой иконографии) как самостоятельного научного направления. Формулируются основные задачи иконографии – систематизация и описание. Предложено авторское определение понятия *правовая иконография* – междисциплинарное направление научных исследований, предметом которого является описание и интерпретация изобразительных источников, связанных с юридическим содержанием. Раскрыта сущность иконографического (описание общей темы изображения, поиск и определение деталей, их атрибуции, истолкование образов, аллегорий, в целом интерпретация сюжета) и иконологического методов научного исследования, и продемонстрированы примеры их применения в историко-правовой науке. Определены возможные области иконографических исследований в праве. Сделан вывод о необходимости продолжения дискуссии в отношении проблем использования иконографического (иконологического) метода научного исследования в праве, о перспективах развития правовой иконографии в отечественной юриспруденции.

Ключевые слова: правовая иконография, иконографический метод, иконологический метод, история права, методология юридической науки, юридическое источниковедение

Цитирование: Лонская С. В., Пономарева В. В. Правовая иконография и иконографический (иконологический) метод в правовых исследованиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 87–93. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-87-93>

full article

Legal Iconography and Iconographic (Iconological) Method in Legal Studies

Svetlana V. Lonskaya
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad
<https://orcid.org/0000-0002-0500-6132>
SLonskaya@kantiana.ru

Valeriya V. Ponomareva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 13 Dec 2022. Accepted after peer review 9 Jan 2023. Accepted for publication 9 Jan 2023.

Abstract: The methodology of Russian legal science has a poor understanding of such an interdisciplinary science as legal iconography and the iconographic (iconological) methods. This article focuses on the legal history studies and legal iconography. The current source-centric approach in the socio-humanitarian sciences requires a broader understanding of research subject and methodology. The history of legal iconography is an independent scientific direction, its main tasks being systematization and description. The author defines legal iconography as an interdisciplinary direction of scientific research that describes and interprets visual sources of legal content. The essence of iconographic method is the description of the general theme, the definition and attribution of details, and the interpretation of images, allegories, and plots. This definition is illustrated by numerous examples. The author also defined prospective areas of iconographic research in law. Iconological research includes three stages. The pre-iconographic stage is purely empirical and descriptive. The iconographic stage is theoretical and analytical; it reveals the direct content and meaning of the image. The author believes that the iconographic (iconological) method of scientific research in law and the prospects of legal iconography in Russian legal studies require further research and scientific discussion.

Keywords: legal iconography, iconographic methods, iconological methods, legal history, methodology of legal science, legal source study

Citation: Lonskaya S. V., Ponomareva V. V. Legal Iconography and Iconographic (Iconological) Method in Legal Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 87–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-87-93>

Введение

Развитие науки, в том числе юридической, может быть оценено по тому, как развиваются ее предмет и методология. Замкнутость ведет к деградации, и интерес к междисциплинарным исследованиям, выход за пределы «своего» предмета и традиционных методов действительно предоставляют возможность по-новому подойти к изучаемым правовым явлениям, раскрыть их с новой стороны и понять глубже. Несмотря на то что в последние десятилетия появилось немало интересных работ, связанных с правовой иконографией, представляется, что на методологическом уровне вопрос, связанный с этим направлением научных исследований, в отечественной юридической науке осмыслен недостаточно. Попытаемся обозначить и пояснить ряд важных, на наш взгляд, моментов в рамках обозначенной проблемы, остановившись главным образом на историко-правовых исследованиях, хотя только ими правовая историография и иконологический метод не ограничиваются.

Методы

Основным теоретическим основанием работы является методология социокультурных исследований, позволившая сформулировать оценку методологических оснований современной историко-правовой науки. Использовались как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, метод восхождений от абстрактного к конкретному), так и методы юридической науки (формально-догматический и сравнительно-правовой). Основные методологические принципы авторского анализа – принципы историзма, научной объективности и достоверности. Так, следование принципу историзма позволило осуществить научную характеристику предмета исследования – правовую иконографию в динамике, подразумевая при этом тесную взаимосвязь современного состояния иконографических исследований в области юриспруденции с предшествующими периодами развития иконографии и иконологии. В статье научно обосновывается необходимость использования в историко-правовых исследованиях иконологического и иконографического методов научного познания.

Современное состояние историко-правовой науки

До сих пор отечественная историко-правовая наука не может найти определенного и достойного места в системе научного знания: она разделена в рамках как научной специальности (на историю государства и права и историю учений о государстве и праве), так и общего научного направления: в отраслевых паспортах научных специальностей

«последних изводов» появились разделы по собственной истории правового регулирования, а затем и институтов в целом. Такая дезинтеграция историко-правового знания обусловлена, на наш взгляд, непониманием самого предмета исследования, присущего истории права как таковой.

Еще во второй половине XIX в., когда история права выделилась в России как самостоятельная наука, ее предмет фиксировался на изучении позитивного права. В этом сказалось влияние немецкой академической традиции. Ученик Ф. К. фон Савиньи, один из основоположников российской юридической науки К. А. Неволин определил предмет истории права следующим образом: «История всякого положительного законодательства должна представить нам как историю его источников, так и историю его содержания. Посему она делится всегда на внешнюю и внутреннюю историю» [1, с. 9]. Расширение предмета истории государства и права С. В. Юшковым в середине XX в. основывалось также на позитивистской парадигме, только уже в марксистском толковании: право рассматривалось как явление, вторичное по отношению к государству, поэтому С. В. Юшков включил в предмет, прежде всего, историю политического строя, присоединив к ней историю права (разумеется, позитивного) [2, с. 7]. С тех пор ничего не изменилось. История государства и права продолжает изучать государственные и правовые институты, а история политических учений остается оторванной от истории государства и права, занимаясь, по определению В. С. Нерсисянца, формами теоретического познания политико-правовых учреждений и институтов [3, с. 6] – тех же самых институтов, которые изучает история государства и права.

Ключом к интеграции историко-правовой науки, как представляется, выступает источникцентричный подход к предмету исследования в социогуманитарных науках, подход к источнику как к единому макрообъекту науки, что было в свое время показано в работах О. М. Медушевской о когнитивной истории [4, с. 7–8]. Источники выступают эмпирической данностью исторического мира, в том числе и мира правовых явлений, существовавших в прошлом. В этом отношении предмет истории права революционизирует, т. е. возвращается к источнику, но не ограничивается при этом позитивным правом, а ведет нас к разнообразной эмпирической данности историко-правового мира, источниками познания которой, ее интеллектуальными продуктами, через которые происходит информационный обмен, выступают и идеи, и тексты законов, и содержащиеся в них правовые нормы, и в том числе различные материальные объекты.

С учетом сказанного большим достижением (при всех недостатках) нового паспорта научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки стало включение источниковедческой проблематики в направления теоретико-исторических исследований. Это, безусловно, поможет, в частности, развитию направления юридического источниковедения в юриспруденции.

Иконография и иконология

Разнообразие источников влечет за собой и поиск новых методов их исследования, расширение методологической основы работы историка права и, следовательно, неизбежный выход на междисциплинарность. Здесь как раз и кроется тот интерес к правовой иконографии и иконографическому (иконологическому) методу, который проявляют в последние десятилетия историки, историки искусства и историки права.

Термин *иконография* используется в разных областях. Он складывается из двух частей: греческих слов *икон* (*эйкон*) – образ, изображение и *графо* – пишу. Соответственно, к каким бы сферам человеческой деятельности данный термин ни применялся, это означает *совокупность изображений и их описание*. Поначалу иконография занималась описанием христианского искусства, затем, по мере роста светского искусства, художественными образами в целом. Энциклопедия Britannica дает следующее определение: «Иконография – это наука об идентификации, описании, классификации и интерпретации символов, тем и предметов в изобразительном искусстве»¹. Иконографией называют и совокупность сюжетов, характерных для определенной эпохи, и совокупность изображений какого-то объекта (человека, биологического объекта и т. д.)². Особое определение дают иконографии профессиональные историки, подчеркивая, что в истории и искусствоведении это понятия, которые используются в разных значениях: «В исторической науке иконография – это система приемов и методика определения достоверности изображения какого-либо исторического лица или события, их опознания и датировки. <...> В исторически ориентированных гуманитарных науках иконография – это вспомогательная дисциплина, предметом которой является изучение и типологическая классификация изобразительных материалов, относящихся к определенной эпохе»³.

Основы иконографии как исторической науки заложил, как считается, монах Бернар де Монфокон (1655–1741), французский историк и филолог. Свой пятнадцатитомный труд он озаглавил «Древность изъясненная и представленная

в рисунках» (1719–1724)⁴. Постепенно формировался и иконографический метод, особый импульс развитию которого придал интерес к Средневековью, пробужденный романтизмом конца XVIII – начала XIX в. Зарождение научного иконографического метода связывают с именем другого французского историка (кстати, и юриста тоже) Адольфа Наполеона Дидрона (1806–1867). А. Дидрон, отвечавший за инвентаризацию и публикацию документов по истории Франции в специально созданном Франсуа Гизо комитете, опубликовал в 1843 г. работу «Христианская иконография: история Бога» [5]. Крупнейшими российскими дореволюционными историками, развивавшими иконографический метод, являются академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) и профессор Николай Васильевич Покровский (1848–1917).

Наряду с иконографией, появляется и иконология – направление исследований, чьим предметом является раскрытие смысла, символики, значения изображения. И хотя впервые термин *иконология* встречается уже в начале XVIII в. в одноименном трактате итальянского ученого-гуманитария Чезаре Рипы (1555–1622), сочинение итальянца представляет собой, скорее, упорядоченное и комментированное собрание иллюстраций, без попытки глубокой интерпретации. Научное направление и научный метод иконологии появляются только в начале XX в. в трудах немецких ученых Аби Варбурга [6] (1866–1929) и в особенности Эрвина Панофски [7] (1892–1968). Э. Панофски на пике своей научной деятельности вынужден был эмигрировать в США, спасаясь от нацистского режима, и большую часть своих работ опубликовал уже там.

Иконография и иконология в юриспруденции

Если сместить в определении иконографии акценты на юридическую проблематику, то определение может быть такое: *правовая иконография* – междисциплинарное направление научных исследований, предметом которого является описание и интерпретация изобразительных источников, связанных с юридическим содержанием. Речь идет о символических объектах, иллюстрациях в юридических книгах, аллегориях или картинах с юридическими сценами, памятниках монументального искусства и т. д., с помощью которых создаются образы различных правовых явлений и правовой реальности. Предложенное нами определение источникцентрично. Произведения изобразительного искусства становятся полноправными историко-правовыми источниками – той самой эмпирической данностью историко-правового (шире – юридического) мира.

¹ Iconography. *Encyclopedia Britannica*. 4 Feb 2014. URL: <https://www.britannica.com/art/iconography> (accessed 4 Feb 2023). Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

² Иконографический метод анализа художественного произведения. *Искусствoved.ru*. 2016. URL: <https://iskusstvoed.ru/2016/10/07/ikonograficheskij-metod-analiza-hudo/> (дата обращения: 01.01.2023).

³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь, отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 121.

⁴ L'Antiquité expliquée et représentée en figures [Texte imprimé] par Dom Bernard de Montfaucon. Paris: F. Delaulne, 1719. URL: <http://ark.bnf.fr/ark:/12148/cb30971022x> (accessed 1 Jan 2023).

Примечательно, что в зарубежной науке наряду с термином *правовая иконография* (legal iconography) используется и более специализированный термин *историческая правовая иконология* (historical legal iconology) [8].

Принято считать, что основоположником правовой иконографии является немецкий правовед Карл фон Амира (1848–1930). В конце XIX в. он был профессором немецкого и церковного права во Фрайбургском университете, а с 1892 г. – профессором конституционного права Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана. Основным предметом научного интереса К. фон Амиры было раннее германское и средневековое римское право, и наиболее фундаментальным его трудом стал подробный комментарий к дрезденской иллюминированной (иллюстрированной) рукописи Саксонского зеркала (1902–1926) [9]. Отдельно вышли трактаты о жестах рук в иллюминированной рукописи Саксонского зеркала (1905) [10] и жезле в германской правовой символике (1909) [11].

Рост интереса к иконографии в исторических науках можно отнести к последней трети XX в., а что касается правовой иконографии, то ее активное развитие продолжается последние тридцать лет. В числе разнообразных «поворотов» в науке (лингвистического, цифрового и др.) с полным правом говорится и о «визуальном повороте» [12; 13].

Иконографический и иконологический методы исследования

В самом грубом виде иконографический и иконологический методы можно и не различать, как и сами иконографию и иконологию. Однако это было бы слишком большим и действительно грубым обобщением. Современный исследователь истории архитектуры О. В. Морозова отмечает, что «с методологической точки зрения иконографический и иконологический анализ – отчасти тождественные процедуры, но последний имеет гораздо более широкие понятия о смысле изображения (или формы) и, хотя и базируется в искусствознании, практически не имеет дисциплинарных границ, используя любые источники, имеющие связь с объектом исследования» [14, с. 41].

Главные задачи иконографии – систематизация и описание. Иконографический метод заключается в описании общей темы изображения, поиске и определении деталей, их атрибуции, истолковании образов, аллегорий и т. п. и в целом интерпретации сюжета. Для иконографического анализа важное значение имеет типология композиций и сюжетов (выделение т. н. иконографических типов и схем – устоявшихся композиций изображения). В качестве примера здесь можно назвать «Зерцало правосудия» Петра I, иконографическая схема которого в виде трехгранной призмы с текстами указов сложилась в XVIII в. и сохранялась до начала XX в. По качеству и эстетике исполнения

«зеркала» были разными, но общий тип и схема этого символического объекта оставались неизменными.

Некоторые исследователи отмечают, что иконографический метод имеет ряд исторических разновидностей, например в зависимости от того, к источникам какой эпохи он применяется. Так, в отношении античного искусства – это систематизация образов по отношению к сюжетам, в отношении искусства модерна – метод создания и толкования аллегорий и т. д. [15]. Представляется, что такая позиция не учитывает возможности метода и неоправданно сужает его рамки.

Э. Панофски разработал модель иконологического метода. Иконографический метод, как более ранний по возникновению, служит в этой модели первоосновой. Э. Панофски выделяет предиконграфический (чисто эмпирический, описательный) и иконографический (более теоретико-аналитический, выявляющий прямое содержание и значение изображения) анализ как первые два шага иконологического метода. На третьем шаге – собственно иконологической интерпретации – исследователь вскрывает смыслы, скрытые от первоначального взгляда, может быть, даже такие, которые подсознательно (или неосознанно) вложил в изображение сам автор или сама эпоха. Изображение, таким образом, вписывается в более широкий культурный, социальный (социально-правовой, политико-правовой) контекст, внимание сосредоточивается не столько на прямых, сколько на опосредованных связях. Следует отметить, что отношение к иконологическому методу в науке неоднозначно. Например, О. В. Морозова указывает: «иконология же во многом остается авторским методом Эрвина Панофского, несмотря на большое количество последователей» [14, с. 42].

Перспективы использования иконографического и иконологического методов в юридической науке

«Визуальный поворот» весьма тесно связывается в последнее время с «цифровым поворотом» в социогуманитарных науках. Созданием цифровых коллекций изображений правовой тематики занимаются исследователи во многих странах. Это делает изобразительные источники доступнее и обеспечивает их изучение с помощью цифровых инструментов. Среди таких коллекций можно отметить базу данных по правовой иконографии Института права Университета Граца (Австрия)⁵, коллекцию оцифрованных иллюстрированных средневековых рукописей DMMapr⁶, фотоархив The Nomos of Images (Институт искусств во Флоренции (Италия), совместно с Институтом истории европейского права им. Макса Планка (Германия) и Институтом истории права им. Леопольда-Венгера Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана (Германия))⁷. Создание подобных баз данных и коллекций на отечественном материале –

⁵ Rechtsikonographische Datenbank. URL: <https://gams.uni-graz.at/context:rehi> (accessed 1 Jan 2023).

⁶ DMMapr. URL: <https://digitizedmedievalmanuscripts.org/> (accessed 1 Jan 2023).

⁷ The Nomos of Images. URL: <http://photothek.khi.fi.it/documents/oau/00000250?Language=en> (accessed 1 Jan 2023).

большая и крайне важная работа, требующая сотрудничества как юристов, историков, искусствоведов, так и специалистов в информационных технологиях.

В последние несколько лет мы могли видеть ряд интересных исследований. Так, монография А. И. Алексеева «Юридическая действительность в изобразительном искусстве» [16] (и предшествующие его работы), учебное пособие «Право и история художественной культуры» [17] под редакцией М. М. Рассолова, выдержавшее несколько изданий, стали серьезным вкладом в становление отечественных иконографических исследований в праве, хотя авторы и не соотносили свои сочинения с правовой иконографией. Например, в учебном пособии «Право и история художественной культуры» курс рассматривается как специальная учебная дисциплина, предметом которой является отражение различными видами искусств общественных отношений, регулируемых конкретными отраслями права [17, с. 6]. Методологическая составляющая указанных работ с точки зрения правовой иконографии совершенно не разработана, однако новаторская в то время попытка описания и интерпретации изобразительных источников по истории права была удачной.

Представляется также, что иконографический (иконологический) метод был бы полезен, прежде всего, в познании невербальных правовых знаков. Влияние знака, символа на правовое пространство, правосознание, правовую культуру, правовую коммуникацию – один из существенных факторов развития и самого существования правовой реальности. Выход иконографии на семиотику давно отмечен исследователями [18]. О невербальных правовых знаках, правовых знаковых системах и правовой семиотике в целом, о необходимости развития анализа визуальных знаков подробно пишет Н. Ф. Ковкель [19–21]; довольно много работ и других авторов, посвященных правовой символике и правовым ритуалам. Правовая иконография, таким образом, смогла бы найти себя и в семиотической парадигме, и в нарративной юриспруденции.

В результате анализа научной литературы последних лет создается впечатление, что представители отечественной юридической науки все еще не ассоциируют свои исследования с правовой иконографией, хотя часто фактически работают в этом поле. Делается ли это сознательно, чтобы не получить упреков в выходе за рамки собственно традиционных юридических методов, либо исследователи слабо осведомлены об этом научном направлении – приходится только догадываться. В то же время профессиональные историки и искусствоведы смело заходят в область правовых явлений и активно занимаются там иконографическими изысканиями. Так, полагаем, была бы интересной для правоведов проблема легитимации власти, рассмотренная через призму иконографии [22] или проблема иконографии «примеров правосудия» (*exempla iustitiae*) [23]. Также заслуживает внимания для правильного определения предмета правовой иконографии замечание О. И. Тогоевой, что изображения в средневековой правовой иконографии

бывают двух видов: одни просто происходят из юридических текстов, другие – сами имеют правовое содержание [24, с. 117]. Это лишь немногие примеры исследований, остающихся пока вне фокуса внимания юристов.

Заключение

Правовая иконография – междисциплинарное направление научных исследований, предметом которого является описание и интерпретация изобразительных источников, связанных с юридическим содержанием. Интерес к правовой иконографии и иконографическому (иконологическому) методу в юридической науке обусловлен как источником-центричным подходом к предмету исследования в социогуманитарных науках, так и «визуальным поворотом» в методологии: произведения изобразительного искусства становятся полноправными источниками познания – эмпирической данностью юридического мира. Иконографический метод заключается в описании общей темы изображения, поиске и определении деталей, их атрибуции, истолковании образов, аллегорий и т. п. и в целом интерпретации сюжета. Он является первоосновой для иконологического метода, модель которого была разработана Э. Панофски. В результате иконологической интерпретации изображение вписывается в более широкий культурный, социальный (социально-правовой, политико-правовой) контекст, внимание сосредоточивается не столько на прямых, сколько на опосредованных связях. Перспективы использования иконографического (иконологического) метода в юриспруденции видятся в создании цифровых коллекций изображений правовой тематики, познании невербальных правовых знаков, в правовой семиотике, нарративной юриспруденции. Дискуссия в отношении проблем использования иконографического (иконологического) метода научного исследования в праве, перспективах развития правовой иконографии в отечественной юриспруденции, которая, смеем предположить, начата этой статьей, должна быть продолжена

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. В. Лонская – проведение исследования (80 %), сбор и обработка данных из источников, анализ материалов, подготовка первого варианта статьи. В. В. Пономарева – проведение исследования (20 %), анализ материалов, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи.

Contribution: S. V. Lonskaya conducted the research (80%), collected and processed the data from sources, analyzed the materials, and drafted the manuscript.

V. V. Ponomareva conducted the research (20%), analyzed the materials, and edited the final version of the article.

Литература / References

1. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 3: История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение. Кн. 1: О союзах семейственных. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. XVI+444 с. [Nevolin K. A. *Complete works. Vol. 3: History of Russian civil laws. Pt. 1: Introduction. Book 1: About family unions.* St. Petersburg: Tip. E. Pratsa, 1857, XVI+444. (In Russ.)]
2. Юшков С. В. Курс истории государства и права СССР. Т. 1: Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 544 с. [Yushkov S. V. *The course of the history of the state and law of the USSR. Vol. 1: Socio-political system and law of the Kyiv state.* М.: Gos. izd-vo jurid. lit., 1949, 544. (In Russ.)]
3. История политических и правовых учений, под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с. [History of political and legal doctrines, ed. Nersesyants V. S. 4th ed. Moscow: Norma, 2004, 944. (In Russ.)]
4. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с. [Medushevskaya O. M. *Theory and methodology of cognitive history.* Moscow: RSUH, 2008, 360. (In Russ.)] EDN: RWKKJL
5. Didron A. N. *Iconographie chretienne. Histoire de dieu.* Paris: Impr. royale, 1843, 624.
6. Варбург А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб.: Азбука-классика, 2008. 382 с. [Warburg A. *The great migration of images. A study in the history and psychology of the renaissance of antiquity.* St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008, 382. (In Russ.)] EDN: QRMURH
7. Панофский Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб.: Азбука-классика, 2009. 432 с. [Panofsky E. *Etudes in iconology. Humanistic themes in Renaissance art.* St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2009, 432. (In Russ.)] EDN: QRNGAR
8. *The art of law: artistic representations and iconography of law and justice in context, from the Middle Ages to the First World War*, eds. Huygebaert S., Martyn G., Paumen V., Bousmar E., Rousseaux X. Springer, 2018, vol. 66. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-90787-1>
9. Amira K. von. *Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels.* Erster Band: Facsimile der Handschrift. Leipzig 1902. Zweiter Band: Erläuterungen. Teil I, Leipzig 1925 und Teil II, Leipzig 1926.
10. Amira K. von. *Die Handgebärden in den Bilderhandschriften des Sachsenspiegels.* München, 1905, 165.
11. Amira K. von. *Der Stab in der Germanischenrechtssymbolik.* München: Verlag der Königlichbayerischenakademie der wissenschaften, 1909, 180.
12. Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования. *Диалог со временем.* 2014. № 46. С. 95–108. [Mazur L. N. "The visual turn" in historical science at the late 20th early 21st CC.: the search of new research methods. *Dialog so Vremenen*, 2014, (46): 95–108. (In Russ.)] EDN: SCYWJT
13. Маслов В. М. Философия визуального поворота: от теории к практике. *Философская мысль.* 2019. № 12. С. 39–56. [Maslov V. M. The philosophy of visual turn: from theory to practice. *Philosophical Thought*, 2019, (12): 39–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.12.31335>
14. Морозова О. В. Методологический анализ структуры иконографического и иконологического методов в историко-архитектурном исследовании. *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета.* 2011. № 4. С. 37–53. [Morozova O. V. Methodological analysis of structure of iconographic and iconological methods in historical and architectural research. *Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*, 2011, (4): 37–53. (In Russ.)] EDN: OKLRAH
15. Щипина Р. В. Методы искусствоведения: исторический обзор. *Manuskript.* 2021. № 10. С. 2013–2023. [Shchipina R. V. Methods of art criticism: a historical review. *Manuskript*, 2021, (10): 2013–2023. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/mns210390>
16. Алексеев А. И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. М.: Юрлитинформ, 2007. 124 с. [Alekseev A. I. *Legal reality in fine arts.* Moscow: Iurlitinform, 2007, 124. (In Russ.)] EDN: QQPVBV
17. Вишнеvский В. Г., Рассолов М. М., Алексеев А. И., Аверин М. Б., Ерохина Ю. В., Шершнева-Цитульская И. А., Малов Ю. К., Шматков И. И., Федорченко А. А. Право и история художественной культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 431 с. [Vishnevsky V. G., Rassolov M. M., Alekseev A. I., Averin M. B., Erokhina Y. V., Shershnyova-Tsitulskaya I. A., Malov Yu. K., Shmatkov I. I., Fedorchenko A. A. *Law and the history of artistic culture.* Moscow: IuNITY-DANA, 2012, 431. (In Russ.)] EDN: VRRSHJ
18. Иванова В. Я. Методологическая траектория изучения древнерусской иконы: от иконографии к семиотике. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение.* 2011. № 2. С. 235–242. [Ivanova V. Ya. Methodological trajectory of the old Russian icon research: from iconography up to semiotics. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2011, (2): 235–242. (In Russ.)] EDN: LQERVJ
19. Ковкель Н. Ф. Методологический потенциал семиотики в исследовании новых реалий правовой коммуникации. *Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Междунар. науч. конф. (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.)* Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. С. 110–117. [Kovkel N. F. Methodological potential of semiotics in the study of new realities of legal communication. *Legal communication of the state and society:*

- domestic and foreign experience: Proc. Intern. Sci. Conf., Voronezh, 11–12 Sep 2020. Voronezh: Nauka-Iunipress, 2020, 110–117. (In Russ.)*] EDN: TLNDKE
20. Ковкель Н. Ф. Перспективы семиотической парадигмы современной юриспруденции. *Научный Арцах*. 2019. № 1. С. 213–231. [Kovkel N. F. Prospects of the semiotic paradigm of modern jurisprudence. *Scientific Artsakh*, 2019, (1): 213–231. (In Russ.)] EDN: RUPWBC
21. Ковкель Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017. № 4. С. 38–59. [Kovkel N. F. Semiotics of law: the problems of defining basic concepts and selecting paradigm. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedeniye*, 2017, (4): 38–59. (In Russ.)] EDN: ZWJDWX
22. Чореф М. М. Иконография императоров-иконоборцев как средство легитимации власти. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2015. № 13. С. 56–62. [Choref M. M. Iconography iconoclastic emperors as a means of legitimizing power. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologii*, 2015, (13): 56–62. (In Russ.)] EDN: VAWGAP
23. Егоров А. С. «Правосудие Камбиза» Герарда Давида и проблемы иконографии «примеров правосудия» в европейском искусстве позднего Средневековья. *Дом Бурганова. Пространство культуры*. 2009. № 1. С. 120–133. [Egorov A. S. Justice of Cambyses by Gerard David and the problems of iconography of "examples of justice" in European art of the late Middle Ages. *Space of culture. Burganov House*, 2009, (1): 120–133. (In Russ.)] EDN: JXRGWR
24. Тогоева О. И. Миниатюры правового содержания во французских хрониках XIV–XV вв.: между иллюстрацией и текстом. *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2021. № 14. С. 112–137. [Togoeva O. I. Thumbnails of legal content in the French chronicles of the 14th–15th centuries: between illustration and text. *Liudi i teksty. Istoricheskii almanakh*, 2021, (14): 112–137. (In Russ.)] EDN: JPELPV

оригинальная статья

Подготовка и принятие Судебных уставов 1864 г.: основания реформы и источники

Шайхутдинова Арина Равилевна

Российский университет дружбы народов, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-8856-2213>

irini_sha@mail.ru

Поступила в редакцию 28.11.2022. Принята после рецензирования 18.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Проанализирован и дан комментарий подготовительным работам судебной реформы 1864 г. в России. Рассмотрен важный источник познания подготовки реформы 1864 г. – Дело по преобразованию судебной части в России в 74 томах, составленное одним из разработчиков реформы – С. И. Зарудным. Обозначены значение и роль отдельных личностей в создании и реализации самой реформы. Личностный фактор является одним из главных критериев выделения в подготовке главных документов судебной реформы – Судебных уставов, двух этапов, характеризующихся вниманием, с одной стороны, только к отечественному опыту, с другой – к отечественным традициям и зарубежным инновациям, в совокупности позволившим, аккумулировав правовой опыт России с полезными веяниями извне, достичь высоких успехов в создании новых судов и совершенной судебной системы. Общечеловеческие (универсальные) принципы и институты, внедряемые в правовую систему России во второй половине XIX в., позиционируются в качестве главной идеи, пронизывающей подготовку и успешную реализацию судебной реформы 1864 г. Кроме того, поставлен вопрос и предпринята попытка дать ответ на то, являлось ли настолько необходимым обращение российского законодателя к зарубежным правовым моделям и правовому опыту в ходе разработки основных положений судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., С. И. Зарудный, общечеловеческие принципы правосудия, новые суды, основания реформы, зарубежный правовой опыт

Цитирование: Шайхутдинова А. Р. Подготовка и принятие Судебных уставов 1864 г.: основания реформы и источники. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 94–101. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-94-101>

full article

Preparing and Issuing the Judicial Statutes of 1864: Foundations of the Reform and Sources

Arina R. Shaykhtudinova

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-8856-2213>

irini_sha@mail.ru

Received 28 Nov 2022. Accepted after peer review 18 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article analyzes the preparatory work behind the judicial reform of 1864 in Russia. It focuses on the 74 volumes of The Case on the Transformation of the Judiciary in Russia compiled by Sergei Zarudny, one of the reform developers. The author analyzed the role of individual participants in the development and implementation of the reform. The subjective factor proved to be the main criterion in drafting the reform of the Judicial Statutes in 1864. The preparatory process included two stages and combined the focus on domestic experience and traditions with foreign innovations. Together, these two approaches made it possible to accumulate the domestic legal experience with some useful trends from abroad, which resulted in effective new courts and a perfect judicial system. The reform of 1864 owed its success to the universal principles and institutions introduced into the Russian legal system in the second half of the XIX century. In addition, the author also attempted to answer the question of whether it was necessary for Russian legislators to turn to foreign legal models and experience.

Keywords: Judicial statutes of 1864, Sergey I. Zarudny, general human principles of justice, new courts, the foundations of the reform, foreign legal experience

Citation: Shaykhtudinova A. R. Preparing and Issuing the Judicial Statutes of 1864: Foundations of the Reform and Sources. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki,* 2023, 7(1): 94–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-94-101>

Введение

Преимственность в праве обладает глубоким значением. Продолжающаяся сегодня судебная реформа в России характеризуется возвращением в современную судебную систему принципов и институтов, к которым пришли выдающиеся дореволюционные реформаторы в ходе подготовки судебной реформы 1864 г., что, пожалуй, неслучайно. Действительно, на любом этапе развития правового государства его основной ценностью являются справедливый суд и отлаженная судебная система. Обеспечение единого экономического пространства, основ конституционного строя, охраны прав человека является прерогативой беспристрастного и независимого суда. В настоящее время судебная реформа в России имеет положительные отклики, но в целом по-прежнему незавершенные преобразования.

Анализируя положения Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ № 1406 от 27 декабря 2012 г., можно сделать вывод, что судебная реформа, которая обеспечивает справедливость судебных решений, вполне может способствовать результативности и плодотворности функционирования политико-правовых институтов и повышению законности их действий. Между тем рациональное использование и, безусловно, уважение отечественного правового опыта могут стать основой совершенствования судебной системы и системы правосудия и обеспечить авторитет процедурных институтов в России.

По общему признанию как российских, так и зарубежных исследователей, судебная реформа 1864 г. является наиболее прогрессивным преобразованием правовой жизни на протяжении всей истории дореволюционной России. Стоит сказать, что проблема реформы сразу же привлекла к себе внимание дореволюционных исследователей в меньшей мере, но обсуждалась среди советских юристов и остается ядром внимания у современных российских исследователей.

М. А. Филиппов в книге «Судебная реформа в России» – первом труде, в полной мере посвященном судебным преобразованиям 1864 г., фиксировал факты и данные систематизации материалов отделения судеустройства комиссии, подготовившей проекты новых судебных уставов, о первых этапах деятельности новых судов и роли юридического сообщества в реализации судебных преобразований [1, с. 233–240]. Кроме того, осмысление функционирования пореформенных судов продолжилось в работах юристов-практиков второй половины XIX в. – К. К. Арсеньева [2], А. Ф. Кистяковского [3] и др.

В советский период в силу идеологических установок внимание профессиональной корпорации к судебной реформе 1864 г. ослабилось. В то же время проблемы реформы и ее производных обсуждались такими известными учеными, как Ц. А. Ямпольская, А. Я. Сухарев, Л. И. Ратнер. Частные проблемы судебной реформы посвящались правам человека – русского подданного, получившего право на справедливый и гласный суд. По мнению Ц. А. Ямпольской, демократические свободы граждан реализуются через

целенаправленную деятельность объединившихся лиц, для чего необходимо фактическое и формальное организационное единство, обусловленное устойчивостью состава, структуры и связей между членами [4, с. 15]. Тем самым автор указала на формирование юридической корпорации России в годы подготовки реформы.

Современный этап историографии судебной реформы 1864 г. характеризуется вниманием исследователей к отдельным институтам, принципам реформы, ее проведению на окраинах Российской империи, а также к судейскому сообществу и тенденциям его функционирования, сложившимся в годы подготовки и реализации реформы.

С позиции ассимиляции принципов и институтов судебной реформы Александра II М. В. Немытиной анализируются общие тенденции формирования профессиональной юридической корпорации [5]. Д. О. Серовым под влиянием обозначенных факторов уделяется внимание комплектованию судейского корпуса, реорганизации прокуратуры, созданию института судебных следователей [6]. С. М. Шахраем и К. П. Краковским подчеркивается аспект того, что закрепленные в Судебных уставах 1864 г. универсальные принципы, институты, формы правосудия возрождаются на протяжении всего эволюционного пути России [7]. На примере мировых судей обосновывает субкультурные основания судебной реформы С. В. Лонская [8].

Возвращаясь к идее настоящей статьи, стоит отметить, что последователь «отцов» судебной реформы 1864 г. – главных разработчиков основных ее документов – Григорий Аветович Джаншиев писал о ценностях проведенных образований следующим образом: «Лучшая защита судебной реформы 1864 г., бесспорно, заключается в ней самой, в истории ее происхождения, в ознакомлении с теми обширными и драгоценными материалами, которые наглядно показывают, как в ходе работ по судебному преобразованию постепенно росли и зрели те важные начала публичного права, которые положены в основу судебных уставов» [9, с. XII], так обозначил правовед в предисловии к труду, посвященному 25-летию реформы.

Определенный резонанс сложился в современных правовых исследованиях в части формирования концепции судебной реформы и ее глубинных истоков, что требует продолжения критического осмысления проблемы.

Источники для подготовки реформы

Особым значением в подготовке и реализации одной из самых прогрессивных и успешных реформ в истории России обладает роль личности в свершившихся преобразованиях. Сергей Иванович Зарудный, игравший фактически ключевую роль в подготовке Судебных уставов 1864 г. (а по свидетельствам современников – «отец» и «душа» судебной реформы), принял на себя заботу и о накоплении и сохранении делопроизводственных материалов, представляющих большую ценность. По его инициативе все

документы копились и печатались по мере их поступления. В 1866 г. по завершении всех правотворческих работ, в том числе по утверждению и введению в действие Судебных уставов, С. И. Зарудный принял решение о приведении в систему ее подготовительных материалов. Тематически рассортировав их, он составил 74 тома известного Дела о преобразовании судебной части в России (далее – Дело, Дело по преобразованию судебной части), материалы которого и на сегодняшний день полностью не введены в оборот историко-правовой науки, а также библиографическую опись (каталог) дела. Три комплекта Дела переданы в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку, в архив Государственного совета и библиотеку II отделения Е. И. В. канцелярии. По свидетельству Г. А. Джаншиева, полным комплектом Дела владел А. С. Зарудный, сын С. И. Зарудного, а также значительные собрания хранили Н. И. Стояновский, А. П. Вилинбахов, принимавшие непосредственное участие в составлении Судебных уставов [10, с. 93].

В настоящее время материалы Дела полностью оцифрованы Президентской библиотекой им. Б. Н. Ельцина в соответствии с оригиналом документа, хранящимся в крупнейшем историческом архиве Европы – Российском государственном историческом архиве (РГИА). Приобретение юридическим сообществом России оцифрованной версии Дела способствует сохранению и восстановлению целостности памятника подготовительных работ судебной реформы 1864 г. как одной из величайшей ценностей истории права России.

Важно понимать, что как материалы Дела, так и иные документы, характеризующие подготовку судебной реформы 1864 г., сложившиеся в практике государственных учреждений второй половины XIX в., стоит объединить в такую крупную группу источников познания подготовки реформы, как материалы официального делопроизводства. Различные государственные архивные хранилища содержат акты и документы, касающиеся организации и разработки Судебных уставов – фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), отдел рукописей Российской государственной библиотеки, а также личные фонды РГИА (графов Пален, ф. 272, А. В. Головнина, ф. 851 и др.).

Немаловажным источником познания среза подготовительных работ является периодическая печать, имевшая место в годы создания новых судов. Пристальный интерес представляют публицистические издания союзов, чья деятельность неразрывно связана с подготовкой и введением в действие Судебных уставов. Ярким примером обозначенного являются создаваемые в 1860-е гг. профессиональные объединения юристов – юридические общества. Историко-правовой науке известно, что судебная реформа второй половины XIX в. в России создала прочный фундамент

для институционализации профессии юриста в России, где в период с 1862 по 1895 г. было создано около 20 юридических обществ, ставших центрами правового просвещения и сосредоточения специалистов в области права¹. Стимулом к созданию Московского юридического общества, первого в России, послужило обнародование в 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России». Стоит сказать, что учрежденный Московский юридический вестник, периодическое издание Общества, уже в первые годы его работы начал публиковать публицистический труд участников Общества, в том числе анализ первых обнародованных нормативных актов судебной реформы. Незавершенные дискуссии печатались в издании многих юридических обществ (Санкт-Петербургского, Саратовского и др.) с целью их дальнейшего обсуждения на заседаниях обществ и их «юридических вечерах».

Необходимо отметить устоявшееся мнение, что в указанное время должным образом осознавалась необходимость в специализированном печатном органе для судебного ведомства [11, с. 71–72]. Тем самым богатым источником по истории подготовительных работ по совершенствованию судебной части в России стал «Журнал министерства юстиции», основанный в 1859 г., в годы подготовки реформы.

Идейные основы подготовки реформы

Мы ставим задачу проанализировать дискуссии разработчиков судебной реформы 1864 г. вокруг необходимости обращения к достижениям правовой мысли второй половины XIX в. и образцам судоустройства и судопроизводства в европейских странах. В 1850-е гг. в сообществе «отцов» реформы сложилось два взгляда на курс реформирования российского суда – консервативный и либеральный. Они выражали интересы сословия дворян, готового на изменения, но с условием сохранения причитавшихся им прерогатив. С другой стороны, с каждым годом в российском обществе назревали социально-демократические идеи, основанные на общечеловеческих принципах правосудия и интегрированные тенденциями развития западных стран. Идейная мысль о синтезе традиций правовой культуры России и универсальных западноевропейских начал и о постепенности реформирования отечественного суда была ключевым направлением реформаторской деятельности Д. Н. Блудова. Предложения главноуправляющего II отделением Собственной Е. И. В. канцелярии базировались на незначительном сглаживании имеющегося судебного порядка и ликвидации его явных недостатков [12, с. 88].

Предложения Д. Н. Блудова строились вокруг процессуальных моделей, действующих в ряде стран Центральной Европы первой половины XIX в., где состязательный процесс

¹ О количестве существовавших в дореволюционной России юридических обществ может говорить указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному А. Ф. Поворинского, содержащий необходимую информацию об уставах юридических обществ и их периодических изданиях. См.: Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному, сост. А. Ф. Поворинский. СПб., 1886. Ст. 484, 830, 831, 866–878, 3271.

имел место в гражданских спорах, а уголовный процесс строился на основах следствия. По мнению реформатора, оптимальным вариантом построения гражданского процесса была возлагаемая ответственность на спорящих самостоятельно представлять доказательства и при необходимости обжаловать решения².

Либеральные начала, точно пронизывающие мысли и проекты Д. Н. Блудова, не находили и малой поддержки в 1850-е гг. Извлечения из некоторых процессуальных актов европейских стран были подготовлены и представлены в виде отчета графом В. Н. Паниным, сделавшим вывод об отсутствии необходимости и даже несвоевременности внедрения в правовую систему состязательного процесса. Взгляды В. Н. Панина базировались на идее того, что прогрессивные состязательные начала смогут «прижиться» лишь в том обществе, где высокий уровень правосознания населения, развития науки и образования, поскольку тяжущиеся стороны способны защитить свои интересы только в силу указанных факторов. Дополнительным аргументом В. Н. Панина против состязательного суда выдвигалась масштабная территория России. Так, полагал В. Н. Панин, скорое разрешение тяжбы на обширной территории империи способно состояться только при письменном следственном процессе³.

В так называемый первый этап подготовки судебной реформы обозначенные установки по совершенствованию российского суда господствовали в умах у всех «отцов» реформы, в том числе у главного вдохновителя ее демократических и общечеловеческих начал С. И. Зарудного. Необходимость заимствований и адаптации сторонних правовых традиций С. И. Зарудный не признавал, указывая на то, что восприятие процедурного законодательства будет полезно тогда, когда применяемое материальное право страны-донора схоже с применимым материальным правом в стране-реципиенте⁴. Тем самым С. И. Зарудный указывал на первозданность материального права России и его неповторимость и, таким образом, отсутствие вовне необходимого для адаптации опыта в части процессуальных норм.

Известно, что еще в 1857 г. Д. А. Оболенский обобщил и изложил в подготовленной Записке собственные соображения по реорганизации судебного устройства в России по образцам иностранных моделей. Так, автор предлагал перейти к гласности и состязательности, но в порядке эксперимента, предложив новые установки к Польскому царству⁵. Именно Д. А. Оболенским впервые было дано понятие известных сегодня общечеловеческих принципов

правосудия: чиновник обозначил модели правосудия, основанные на принципах гласности, состязательности, устности, выработанные европейскими мыслителями и нашедшими отражение в процессуальном праве европейских стран в качестве «общечеловеческого достоинства, которое должно применяться и в России» [13, с. 107]. Указанная Записка была оценена даже императором Александром II в начале 1858 г., а также анализировалась в периодической печати. Государственные деятели, критикуя воззрения Д. А. Оболенского (в частности, С. И. Зарудный), указывали на отсутствие в них практической проработки внедрения в России обозначенных начал, а также не принимали отсутствие в них внимания к историческому развитию страны [14; 15].

Однако все разворачивающиеся вокруг проекта реформы гражданского процесса дискуссии стали поводом для корректировки взглядов на основания необходимых совершенствований в данной сфере. Тем самым мысли С. И. Зарудного, которые еще в феврале 1858 г. основывались на том, что «создание новых неведомых начал равно отрицанию исторического развития народа и опыта столетий»⁶, кардинально изменились в марте того же года. С задачей изучения порядка судопроизводства за пределами империи С. И. Зарудный отправился со служебным заданием в командировку по странам Европы; к тому времени он фактически возглавил подготовительные работы реформы. Цель командировки, на наш взгляд, значилась, помимо прочего, в анализе влияния на процессуальное законодательство других стран реалистической школы права. Стоит понимать, что процесс разработки судебных преобразований в России отразил процесс поступательного движения от идей исторической школы к принципам реалистической школы. Пристальное внимание С. И. Зарудного в ходе командировки было уделено изучению правовых систем Западной и Центральной Европы. Так, в качестве наиболее прогрессивных и нормативно стройных правовых актов С. И. Зарудным выделялись принадлежащие к германской и романской правовым системам Устав венгерского судопроизводства (1852) и Устав сардинского судопроизводства (1854) соответственно. Примечательно, что владеющий рядом европейских языков С. И. Зарудный самостоятельно перевел обозначенные документы на русский язык, а их текстам и анализу посвятил два тома Дела (том 34 и том 35).

Мысль о том, что новое право, возникающее в обществе, появляется ввиду назревшей надобности и необходимости в нем независимо от местности или региона, где такое право

² Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства гражданского. *Материалы по судебной реформе в России 1864 года*. СПб., 1857–1866. (Проекты Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Т. 2. С. 194–196.

³ Опись Высочайшим рескриптам, указам, и повелениям, последовавшим по бывшим: Комиссии составления законов, II отделению Собственной Е. И. В. канцелярии и Кодификационному отделу при Государственном совете (1801–1893). СПб., 1898. Оп. 1. Д. 162 «а».

⁴ *Материалы по судебной реформе в России 1864 года*. Т. 34: Уставы гражданского судопроизводства Сардинии и Венгрии, пер. С. И. Зарудного. С. II–III.

⁵ Журнал соединенных департаментов гражданских дел и законов по проекту Устава судопроизводства гражданского (15 ноября 1857 – 23 сентября 1859 г.). *Материалы по судебной реформе в России 1864 года*... Т. 10. С. 105–107.

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 151. Оп. 1. Д. 362. Л. 2. Электронные описи. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/515/1> (дата обращения: 06.11.2022).

формировалось впервые в первоизданном виде, нашла место в интересах С. И. Зарудного по завершению поездки⁷. Думается, тем самым в правовой мысли России впервые обосновалась идея, что роль законодателя при разработке любой реформы заключается лишь в совершенствовании традиции и опыта с учетом позитивного опыта иных обществ, но никак не в создании нового порядка.

Возвращение С. И. Зарудного к подготовке Судебных уставов в России является переломным моментом в концепции организации судебной реформы и наступлении ее второго этапа. Полагаем, что именно с обозначенного времени находит одобрение изменений существующего порядка организации суда в России со стороны самодержавия. Внушительным аргументом оно стало известный факт, что по распоряжению императора Александра II С. И. Зарудным при посредстве В. П. Буткова и Д. Н. Блудова в типографии второго отделения было издано около 500 экземпляров переводов уставов судопроизводства европейских стран [12, с. 86; 16, с. 58–62].

Источники Судебных уставов 1864 г.

Появление на «ландшафте» подготовительных работ на пути к Судебным уставам новых веяний, чуждых отечественной традиции, можно объяснить изменением настроений внутри российского общества на протяжении всего XIX в. Ожидание изменений в государственной сфере и в сфере правосудия по понятным причинам усиливало нарастающий интерес к тем порядкам, которые существуют вовне. Так сложилось с выпускниками императорского училища правоведения, юридических факультетов, где изучение ими теоретических изысканий западных просветителей подталкивало в том числе и профессиональную корпорацию на постановку вопроса, что требует совершенствования в российском обществе. Важно понимать, что тем самым просвещенная часть российского общества стала предлагать проекты реформ, в том числе в сфере правосудия. Стоит сказать, что в большей части обозначенные проекты и предложения были ориентированы на достижения и идеи Нового времени, в частности на изыскания Ш. Л. Монтескье, переведенные и доступные российскому читателю еще во второй половине XVIII в. [17, с. 120].

Расширение Комиссией по судебной реформе опорной источниковой базы для продолжения реформы способствовало обращению внимания «отцов» реформы на законодательство и доктрину дружественной во второй половине XIX в. России Франции. Так, в годы преобразований гражданского процессуального права России российские разработчики приняли за ориентир гражданский процессуальный кодекс Франции 1806 г. Однако дальнейшие работы по попытке адаптировать в право России

французские правовые идеи были прекращены по замечанию С. И. Зарудного. В обозначенной выше поездке в страны Европы им также было изучено законодательство Второй Французской империи, по итогам чего он отметил, что французская модель не может стать примером для преобразования правовых институтов России по причине преемственности в любой правовой системе норм материального права. С. И. Зарудный отмечал, что, как известно, отечественное материальное право не несло в себе исторической связи и не имело преемственности, в то время как один из замыслов гражданского кодекса Франции 1804 г. заключался в продолжении идей предыдущего права и правового опыта Франции. Российское правосудие, связанное с существующим в дореформенный период устройством судебной системы, по мнению С. И. Зарудного, подлежало пересмотру лишь при создании простых форм, которые способствовали бы ускорению хода дела, уменьшению судебных издержек и обеспечению рационального исполнения судебных решений [18, с. 24].

Однако французские идеи и модели все же адаптировались путем введения в действие Судебных уставов 1864 г. В России установилась, подобно Франции, корпоративная (сословная) система организации звена юридического сообщества – судебных приставов. С другой стороны, способствование привлечению полиции для борьбы с сопротивлением приставами было заимствовано «отцами» реформы из права Сардинии⁸.

Внедрение в подготовку судебной реформы нового опыта и внешних инноваций способствовало просвещению подданных, в первую очередь императорской санкции. В публицистической печати, в частности в Журнале министерства юстиции в 1859 г., стали появляться переводные статьи о состоянии правосудия в зарубежных странах, а также труды и воззрения зарубежных мыслителей⁹. Необходимость изменения системы правосудия в России подкреплялась изучением российскими подданными извлечений из трудов И. Бенгтама, опубликованных в указанном издании. Тем самым в народные массы внедрилась идея о важности устного и гласного судебного процесса. Через единоличную честность судьбы И. Бенгтам отметил ответственность юриста перед правом и общественным мнением. Достаточно просто им обосновывалась данная идея – при достаточной гласности правосудия в одном процессе достаточно одного судьбы независимо от сложности разрешаемого дела [19, с. 35].

Идея доверия к правосудию и, как следствие, апеллирование к универсальным принципам правосудия поддерживались и на последующих этапах подготовки реформы. Подготовленные Соображения Государственной канцелярии основывались на условиях доверия к уголовному

⁷ Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 34: Уставы гражданского судопроизводства Сардинии и Венгрии, пер. С. И. Зарудного. С. Х.

⁸ Устав гражданского судопроизводства Итальянского королевства. СПб., 1863. С. 701–703.

⁹ Победоносцев К. П. Дневник. Российский государственный исторический архив (РГИА). Л. 22. Электронные описи. Президентская библиотека Ельцина Б. Н. URL: <https://www.rplib.ru/item/357730> (дата обращения: 02.11.2022).

правосудию, среди них – разведение вопросов виновности и наказания, право отвода судей сторонами и прочее. «Доверие, лежащее в основе судебных решений, есть самая твердая опора правительства, без чего судебные места не смогут исполнять своего назначения, а бесчисленное множество жалоб на решения поставит их в материальную невозможность отправлять правосудие, <... > поэтому для определения основных начал судостройства необходимо различить те элементы судебных решений, которые всегда пользуются общим доверием от тех, которые могут подвергаться осуждениям и по тому самому возбуждать недовольство против судебных мест»¹⁰. Обозначенная мысль прямо свидетельствовала о необходимости внедрения в России суда присяжных, института, способного усовершенствовать порядок уголовного судопроизводства в стране. По мнению Г. А. Джаншиева, основным аргументом против введения в России суда присяжных стала неготовность к нему самого народа России [14, с. 105].

За введение в России суда присяжных выступал и сам С. И. Зарудный: единственное, что он хотел исключить из будущего российского института, – такое явление, существующее в западных моделях, как политичность [18].

Для прояснения мысли о том, являлся ли суд присяжных в западных правовых институтах, близким к политике государств, стоит упомянуть причины такого смещения при появлении первых судов присяжных. В Англии при объединении судебной и административной власти присяжные жюри не получили самостоятельный правовой статус. Защитниками французского суда присяжных стали революционеры М. Робеспьер, Б. Барер. Немецкое устройство присяжных жюри только в XIX в., разработав «правильное устройство суда», в основе которого – словесное публичное разбирательство, по мнению С. И. Зарудного, отмечалось отсутствием политического аспекта. Последняя тенденция стала основой формирования и комплектования нового института правосудия в России [14, с. 6; 20, с. 209].

В подготовленных Соображениях С. И. Зарудный обобщал механизмы судов присяжных во многих правовых порядках – на немецких землях, в Англии и Франции, Италии, Женеве. Важно отметить, что обозначенные модели автором не восхвалялись, нормативные правовые акты зарубежных стран в большей мере критиковались, а положительные моменты выделялись. Примером последнего стали эффективные модели деятельности большого и малого жюри в Сардинии (позднее – Италии), а обратного – переизбыток состава присяжных в немецких государствах (в Любеке, Бремене). Общий вывод С. И. Зарудным, примененный в общей концепции судебной реформы, действительно базировался на тенденциях, характерных для любого реформирования: в суде присяжных, вводимом с учетом

реалий и традиций определенной страны, символе доверия в правосудии, есть необходимость у любой страны.

Предложенная модель организации суда присяжных С. И. Зарудным в некотором смысле ориентировалась на итальянский опыт. Однако необходимость учреждения суда присяжных в России со взглядом на итальянские новации прямо не декларировалась С. И. Зарудным и, на наш взгляд, отсутствовала вовсе. Некоторое звучание итальянского правового опыта в обозначенном вопросе имело место по причине того, что введение суда присяжных в Италии не было вызвано ни политическими отношениями, ни народными смутами, а было результатом исключительно правовой мысли по вопросу о должном устройстве судов.

Сардинские юристы, с которыми в 1858 г. взаимодействовал С. И. Зарудный, высказывали справедливую точку зрения и вместе с ним подходили к выводу, что государство всегда возлагает разрешение споров на суд, и т. к. весь интерес его состоит в том, чтобы эти дела решались в рамках правового поля, то верно устроенные судебные учреждения составят важную опору правительственного круга [14, с. 19].

«Отцы» Судебных уставов приняли идею того, что усовершенствованные правовые установки должны дополнить и подчеркнуть имеющиеся эффективные правовые традиции. Следует подчеркнуть, что обращение разработчиков реформы к западным образцам связано в первую очередь не со стремлением ориентироваться на зарубежные установки, а с усилием, направленным на трансформацию собственного правового опыта с учетом недавних достижений правовой мысли. Анализируя вновь подготовленный проект реформирования гражданского правосудия, С. И. Зарудный отмечал, что «судопроизводство есть особенный механизм, который создается вековыми опытами различных государств» [21, с. 45], полагая, что уместность данного принципа заключается в умении руководствоваться западными правовыми установками, превознося отечественные традиции. В это же время Н. А. Буцковский высказывался о «нормальном пути» России, являющимся в годы подготовки реформы не подражанием, а целесообразным применением общих начал, созданных наукой¹¹.

Успешное восприятие инородных источников права при подготовке любой реформы возможно при наличии социальных ценностей таких изменений. Обозначенная позиция находит поддержку в отечественной науке: А. А. Демичев отмечает, что поступательные процессы реформирования требуют разделения социальной ценности таких изменений на объективное и субъективное (или субъективное восприятие – интерпретация) [22; 23, с. 150–155]. Идеи, воспринимаемые одним лицом в качестве социально необходимых и значимых, в воззрениях другого не будут находить положительного отклика. Обозначенная тенденция нашла место при

¹⁰ Материалы по судебной реформе в России 1864 года. [Т. 17]. Соображения разных лиц о преобразовании судебной части (1861 и 1862 годов). Общие соображения по вопросу о составе уголовного суда (С. И. Зарудный). 1857. С. 1.

¹¹ Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства гражданского... С. 3–6.

подготовке судебной реформы в России, а именно: ее разработчики долгое время не находили компромиссного знаменателя при определении концепции реформы. Так, Д. Н. Блаудов, добросовестный сторонник и покровитель бюрократического аппарата, и С. И. Зарудный, широко рассуждающий о необходимой правовой системе, которая функционировала бы на благо максимально возможных слоев населения России, далеко не всегда находили совместное видение проблемы.

Заключение

Одной из концепций подготовки судебной реформы 1864 г. в России является понимание того, что новые правовые положения создаются под знаком назревания в этом необходимости независимо от того, где они формируются. Остается добавить, что в подобном случае роль законодателя и сегодня должна заключаться не в создании абсолютно нового права или копировании неуместных образцов, а в совершенствовании имеющихся правовых традиций и внимании при этом к положительному опыту иных правовых порядков.

Весомым аргументом самобытности Судебных уставов 1864 г. стоит считать тот факт, что основа их источников – не модели правовой науки стран Западной Европы и их законодательства, а та сфера доктрины и практики, которая позиционируется в качестве общечеловеческого достояния, бесспорно не принадлежащая ни к одной национальной правовой системе XIX в. Между тем стоит поставить под сомнение вопрос о полном восприятии Судебными уставами 1864 г. универсальных начал правосудия европейских правовых актов. Обозначенные начала правосудия, общечеловеческие начала, получили применение в ряде европейских стран через некоторое время после учреждения новых судебных мест в России: сходные институты отразились в правовой системе в Германской империи в 1877–1879 гг., в то время как в Австрии – лишь к 1895 г.

Литература / References

1. Филиппов М. А. Судебная реформа в России. СПб., 1871. Т. 1. 623 с. [Filippov M. A. *Judicial reform in Russia*. St. Petersburg, 1871, vol. 1, 623. (In Russ.)]
2. Главные деятели и предшественники судебной реформы, под ред. К. К. Арсеньева. СПб., 1904. 92 с. [*The main figures and predecessors of judicial reform*, ed. Arseniev K. K. St. Petersburg, 1904, 92. (In Russ.)]
3. Кистяковский А. Ф. О значении Судебной реформы в деле улучшения уголовного правосудия. Киев, 1876. 112 с. [Kistyakovskiy A. F. *The importance of judicial reform in improving criminal justice*. Kyiv, 1876, 112. (In Russ.)]
4. Ямпольская Ц. А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М.: Наука, 1972, 216 с. [Yampolskaya Ts. A. *Public organizations in the USSR. Some political and organizational-legal aspects*. Moscow: Nauka, 1972. 216. (In Russ.)]
5. Немытина М. В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 3. С. 66–75. [Nemytina M. V. *Judicial reform of 1864 in Russia and the formation of a legal corporation. Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*, 2019, (3): 66–75. (In Russ.)] EDN: FWRVBW
6. Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 443 с. [Serov D. O. *Fiscal Service and Prosecutor's Office of Russia in the First Third of the XVIII Century*. Dr. Hist. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2010, 443. (In Russ.)] EDN: QFIAR
7. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014, 534 с. [Shakhray S. M., Krakovskiy K. P. *The court is fast, right, merciful, and equal for all: To the 150th anniversary of the judicial reform in Russia*. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. 534. (In Russ.)]

Кроме того, истоки общечеловеческих начал правосудия и, как следствие, природа новых судов в России и зарубежных странах – не одинаковы. Так, универсальные принципы правосудия возникли в ряде стран Европы в годы революций Нового времени и отразились в главных конституционных актах данных событий (Англия, Франция), в то время как в России обозначенное является достижением последовательного государственного реформирования и результатом готовности к нему самодержавия.

Остается обобщить, что главные документы судебной реформы 1864 г. есть результат творческого и последовательного анализа ведущих начал в сфере правосудия XIX в. и приобщения их к отечественной правовой культуре. Генеральные начала правосудия, пронизывающие Судебные уставы, не утратили актуальности и сегодня, а применение начал отечественного правосудия в конце XX – начале XXI в. стало их новой адаптацией.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

8. Лонская С. В. Влияние зарубежных государственно-правовых институтов на реформирование судебной власти в России (историко-правовой аспект). *Место западных идей в российском общественном и правовом сознании*, отв. ред. И. О. Деметьев, А. В. Орлова, В. А. Чалый. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2016. С. 108–117. [Lonskaya S. V. The impact of foreign state and legal institutions on Russian judiciary reform (historical and legal aspect). *Western ideas in the Russian public and legal consciousness*, eds. Dementiev I. O., Orlova A. V., Chaly V. A. Kaliningrad: IKBFU, 2016, 108–117. (In Russ.)] EDN: YKDMND
9. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): историко-юридические этюды. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. XVI+364+52 с. [Dzhanshiev G. A. *Fundamentals of judicial reform (on the 25th anniversary of the new court): Historical and legal studies*. Moscow: Тип. М. П. Shchepkina, 1891, XVI+364+52. (In Russ.)]
10. Виленский В. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969. 400 с. [Vilensky V. V. *Judicial reform and counter-reform in Russia*. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 1969, 400. (In Russ.)]
11. Немытина М. В. Суд в России, вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 403 с. [Nemytina M. V. *Court in Russia, second half of the XIX – early XX centuries*. Dr. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1999, 403. (In Russ.)] EDN: NLWOHR
12. Коротких М. Г. Деятель судебной реформы в России С. И. Зарудный (1821–1887). *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1986. № 6. С. 84–89. [Korotkih M. G. S. I. Zarudny (1821–1887) as an activist of the legal reform in Russia. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedeniye*, 1986, (6): 84–89. (In Russ.)] EDN: TXTBQB
13. Оболенский Д. А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского: 1855–1879. СПб.: Нестор-История, 2005, 502 с. [Obolensky D. A. *Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky: Notes*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2005. 502. (In Russ.)] EDN: QPDIFR
14. Джаншиев Г. А. С. И. Зарудный и судебная реформа: историко-биографический эскиз. М.: Тип. Е. Гербик, 1914. 170 с. [Dzhanshiev G. A. Sergey I. Zarudny and the judicial reform: a historical and biographical sketch. Moscow: Тип. Е. Gerbik, 1914, 170. (In Russ.)]
15. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: исторические справки. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1905. 855 с. [Dzhanshiev G. A. *The era of great reforms: historical references*. St. Petersburg: Тип. В. М. Volfa, 1905, 855. (In Russ.)]
16. Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования) Воронеж: ВГУ, 1994. 240 с. [Korotkih M. G. *Judicial reform of 1864 in Russia: its essence and social-legal mechanism of formation*. Voronezh: VSU, 1994, 240. (In Russ.)]
17. Гершкович З. И. Идеологические связи русских и французских просветителей XVIII века (Кантемир и Монтескье). *Вестник истории мировой культуры*. 1959. № 4. С. 120–129. [Gershkovich Z. I. Ideological connections between Russian and French enlighteners of the XVIII century: Cantemir and Montesquieu. *Vestnik istorii mirovoi kultury*, 1959, (4): 120–129. (In Russ.)]
18. Краковский К. П. Проведение судебной реформы в России. Часть I (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014. № 3. С. 20–25. [Krakovskiy K. P. Realization of the court reform in Russia. Part I (devoted to the 150th anniversary of the 1864 court reform). *North Caucasus Legal Vestnik*, 2014, (3): 20–25. (In Russ.)] EDN: SVKUZZ
19. Бентам И. О судоустройстве. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1860. 225 с. [Bentam J. *To the judiciary*. St. Petersburg: Тип. Pravitelstvuiushchego senata, 1860, 225. (In Russ.)]
20. Митрофанов А. А. Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М.: Полит. энцикл., 2020. 247 с. [Mitrofanov A. A. *French political elite of the period of the Revolution of the 19th century about Russia*. Moscow: Polit. entsikl., 2020, 247. (In Russ.)] EDN: CCYVPT
21. Кони А. Ф. Собрание сочинений. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. 543 с. [Koni A. F. *Collected works*. Moscow: Iurid. lit., 1967, vol. 4, 543. (In Russ.)]
22. Демичев А. А. Соотношение категорий «правовая традиция» и «исторический опыт в праве»: методологические проблемы: право России: новые подходы. *Возможности адаптации зарубежного опыта*, редкол.: М. В. Немытина, А. А. Тарасов, В. А. Хохлов. Саратов: Науч. кн., 2005. Вып. 1. С. 137–153. [Demichev A. A. Correlation between the categories of legal tradition and historical experience in law: methodological problems: Russian law: new approaches. *Possibilities of adoption of foreign experience*, ed. board: Nemytina M. V., Tarasov A. A., Khokhlov V. A. Saratov: Nauch. kn., 2005, iss. 1, 137–153. (In Russ.)] EDN: VOZIDN
23. Демичев А. А., Илюхин А. В. Идея суда присяжных в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII в. – первая половина 60-х гг. XIX в.). М.: Юрайтформ, 2010. 256 с. [Demichev A. A., Ilyukhin A. V. *The idea of a jury trial in Russia: genesis, evolution, and legislative implementation (the second half of the XVIII century – the first half of the 1860s)*. Moscow: Iurlitinform, 2010, 256. (In Russ.)] EDN: QRQBQN

оригинальная статья

Содержание общественно опасных последствий преступного деяния

Гаг Ирина Анатольевна

Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь

irinagaag1@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2022. Принята после рецензирования 26.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Обозначена нерешенная до настоящего времени проблема содержания общественно опасных последствий. Указано на наличие различных подходов в юридической литературе к определению общественно опасных последствий. Представлены терминологические характеристики основных используемых понятий: сущности, содержания, общественно опасных последствий, объекта посягательства. Выявлены и проанализированы существующие в юридической литературе подходы к определению признаков общественно опасных последствий. Отмечена связь общественно опасных последствий с преступным деянием и объектом преступления. Установлены особенности связи общественно опасных последствий с преступным деянием, в частности, их взаимообусловленность, обоюдное влияние, производность общественно опасных последствий от преступного деяния. Определен результат такой производности в виде переноса присущих преступному деянию признаков на общественно опасные последствия. К числу таких признаков отнесены общественная опасность, социальный характер, негативность и объективность. Определено содержание каждого из признаков. Приведены мотивы отнесения каждого из перечисленных признаков к признакам общественно опасных последствий, составляющим в совокупности содержание последствий. Характеристика объекта посягательства и особенностей структуры объекта позволили отметить и обосновать одностороннюю связь общественно опасных последствий с объектом преступления. Обращено внимание на производность и обусловленность признаков общественно опасных последствий от признаков объекта посягательства. Названы признаки общественно опасного последствия, производные от объекта посягательства, обозначены мотивы их выделения, раскрыты особенности каждого из обозначенных признаков: неустранимости, измеряемости, разнородности и множественного характера. Сделан вывод о принадлежности к общественно опасным последствиям всех названных признаков, производных как от общественно опасного деяния, так и от объекта преступления. Определены непосредственные и опосредованные признаки общественно опасных последствий. Отмечено, что установленная совокупность непосредственных и опосредованных признаков общественно опасных последствий составляет их содержание.

Ключевые слова: общественно опасное последствие, преступное деяние, объект преступления, признаки, содержание, сущность, структура, производный характер, объективный характер, общественная опасность, объективность, социально-негативный характер, множественность, разнородность, неустранимость, возможность измерения

Цитирование: Гаг И. А. Содержание общественно опасных последствий преступного деяния. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 102–111. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-102-111>

full article

Content of Socially Dangerous Consequences of a Criminal Act

Irina A. Gaag

Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

irinagaag1@mail.ru

Received 2 Dec 2022. Accepted after peer review 26 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The article introduces the problem of socially dangerous consequences. Legal studies reveal no uniform approach to the definition of socially dangerous consequences. The author elaborates on the definition of socially dangerous consequences, describes their signs, and defines such concepts as their essence and content, as well as the object of encroachment. Socially dangerous consequences are connected with the criminal act and the object of crime, so the author describes their interdependence, mutual influence, and the derivativeness of socially dangerous consequences from the criminal act. This derivation makes it possible to transfer the signs of the criminal act to the socially dangerous consequences it causes. These signs include: public danger, social character, negativity, and objectivity. The complex of signs of socially dangerous consequences makes up their content. The characteristics of the object of encroachment and the structure of the object demonstrate a one-sided connection of socially dangerous consequences with the object of crime. The signs of socially dangerous consequences result from the signs

of the object of encroachment. The author describes the signs of socially dangerous consequences derived from the object of encroachment, as well as the motives for their allocation. The features of each of the indicated signs are irremovability, measurability, heterogeneity, and multiplicity. All the above signs, derived from both the socially dangerous act and the object of crime, belong to socially dangerous consequences. The signs of socially dangerous consequences can be divided into direct and indirect, which together make up the content of the socially dangerous consequences.

Keywords: socially dangerous consequence, criminal act, object of crime, signs, content, essence, structure, derivative character, objective character, social danger, objectivity, socially negative character, multiplicity, heterogeneity, irremovability, possibility of measurement

Citation: Gaag I. A. Content of Socially Dangerous Consequences of a Criminal Act. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 102–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-102-111>

Введение

Одной из сложных ступеней в познании общественно опасных последствий является определение их содержания [1–5]. Полагаем, что общественно опасные последствия необходимо исследовать с учетом их множественности, разнообразия, структурных особенностей и обязательности. Это один из наименее разработанных вопросов в характеристике общественно опасных последствий. В юридической литературе существуют различные подходы к определению преступных последствий, но все исследователи содержание общественно опасных последствий так или иначе определяют через совокупность присущих ему признаков, при этом количество признаков, их наименование и подходы к определению каждого признака из входящих в совокупность у разных ученых отличаются

Признаки, образующие содержание общественно опасных последствий

Опираясь на предметно-продуктивную концепцию деятельности индивида, С. В. Земляков, определяя преступные последствия через результат деятельности, выделяет следующие функции и свойства результата деятельности (как общего понятия, не обладающего уголовно-правовой нагрузкой):

- 1) изменение, которое наступает во внешней среде или в самом субъекте в результате воздействия;
- 2) объективный и системообразующий элемент деятельности;
- 3) он обладает существенными свойствами производящей его и, как правило, целенаправленной деятельности;
- 4) он связан с объективными и субъективными элементами деятельности, что позволяет рассматривать результат как основной критерий социальной ценности (значимости) деятельности;
- 5) он выступает объективным показателем оценки поступка (положительной или отрицательной) и личности, совершившей такой поступок;
- 6) при отрицательной характеристике поступка результат может быть основанием для наступления ответственности [6, с. 17–19].

Рассматривая преступные последствия как отрицательный результат определенной деятельности, С. В. Земляков

выделяет признаки, присущие, по его мнению, общественно опасным последствиям:

- 1) относит последствия к конструктивному и системообразующему элементу преступного деяния, представляющему собой вредное изменение объекта посягательства;
- 2) определяет последствия как основной объективный показатель их общественной опасности (социальной вредности);
- 3) указывает на обязательный характер последствий как признака состава преступления;
- 4) отмечает их влияние на квалификацию преступления и индивидуализацию ответственности [6, с. 24].

По нашему мнению, отмеченные С. В. Земляковым признаки общественно опасных последствий представляют собой значение последних, поскольку указанная им совокупность характеристик не определяет общественно опасные последствия с их внутренней сущностной стороны.

Свойства общественно опасных последствий рассматривались рядом ученых. А. Н. Трайнин отмечал их разнородность, относительный характер, способность к производству других многочисленных последствий [7, с. 140–145]. Н. Ф. Кузнецова имела в целом сходную позицию и указывала на такие свойства преступных последствий, как неоднородность, наличие двух разновидностей преступного вреда (реального вреда и создание реальной угрозы его причинения), множественный характер, изменение степени опасности [8, с. 151]. Н. И. Коржанский считал наиболее существенной особенностью преступных последствий их неустранимость [9, с. 164]. М. М. Бабаев выделил множественный характер последствий преступления, их неустранимость, относительную изменчивость оценок их тяжести [10, с. 51–53]. Каждая из представленных позиций имеет право на существование, в целом не вызывает серьезных возражений и может послужить отправной точкой нашего исследования.

Прежде чем установить объем признаков, характеризующих общественно опасные последствия, раскрыть сущность каждого признака и определить содержание общественно опасных последствий, полагаем необходимым решить терминологическую проблему: определить ключевые понятия *сущность* и *содержание*.

Содержание – это философская категория, которая традиционно рассматривается в соотношении с понятием *форма*¹. В русском языке для отображения внутренних свойств предмета используются слова *сущность* и *содержание* в качестве синонимов². С позиции философии они несут в себе различную смысловую нагрузку. «Сущность – устойчивое, сохраняющееся в предмете» [11], ее можно понимать «как некое общее основное свойство вещей» [11]. По мнению И. Ф. Зубкова, понимание категории *сущность* дает возможность правильно выбрать *существенный признак предмета* из многообразия признаков, составляющих содержание этого предмета, а следовательно правильно формировать понятие этого предмета. «Содержание включает в себя общее и единичное, необходимое и случайное, существенное и несущественное, закономерное и незаконное, но берет их со стороны неповторимого проявления в данном предмете» [11]. Таким образом, зная содержание предмета, мы можем определить, что собой представляет предмет (в данном случае общественно опасные последствия), но определить как бы в разобранном виде, со стороны структуры этого предмета.

Определение содержания общественно опасных последствий затрагивает комплекс научных проблем, что обусловлено не только сложностью исследуемой категории, но и социальной значимостью, и тем многообразием связей, возникающих в обществе по поводу наступления общественно опасных последствий. Исследование достаточно сложной юридической природы общественно опасных последствий должно опираться на прочную методологическую основу. По нашему мнению, такой основой являются философско-психологическая теория деятельности и теория общественных отношений. Философско-психологическая теория деятельности человека, как и теория общественно опасного деяния, позволяет раскрыть объективную сущность деяния, являющуюся основой существования человека в реальной действительности. Тогда как теория общественных отношений позволит рассмотреть деятельность человека (в том числе и преступную) с точки зрения социальной активности, через призму многообразия субъективных связей. При этом философское понятие деятельности поможет выявить общие свойства, присущие преступлению в целом, поскольку характеризует выраженное во внешнем мире волеизъявление лица, его совершившего. Это является ключом к установлению содержания общественно опасных последствий.

Существующие в философской и юридической науке определения деятельности различны, но подавляющее большинство ученых определяют деятельность как специфическую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение, преобразование. Говоря о деятельности как таковой, необходимо указать, что с позиции философии деятельность

всегда является активной, т. е. проявляется в активном поведении человека. В юридической науке деятельность человека представлена в двух формах: активной (действие как совокупность телодвижений) и пассивной (бездействие как отсутствие таковых). Поэтому далее, указывая на деятельность, мы будем иметь в виду обе формы деятельности, а не только ее активное проявление. Предлагая различные определения деятельности (в том числе и преступной) юристы выделяют такие важные свойства деятельности, как социальность, предметность, целесообразность, сознательность, опосредованность и продуктивность [6, с. 6–9]. В настоящем исследовании мы будем использовать только четыре из перечисленных шести свойств, а именно социальность, предметность, целесообразность и продуктивность, поскольку сознательность и опосредованность не являются проявлением результата деятельности, свидетельствуют не об изменении в объекте посягательства, а характеризуют скорее отношение индивида к этой деятельности через призму сознания и воли, т. е. субъективную сторону состава преступления.

Социальность деятельности проявляется в ее общественном значении и реализации в социально-значимых фактах. Преступление как одна из форм деятельности также имеет социальное значение, но с негативной окраской, т. к. любое преступление, посягая на общественные отношения, либо причиняет существенный вред этим отношениям, либо ставит их под реальную угрозу причинения вреда.

Предметность деятельности показывает ее объективный характер, поскольку в процессе ее осуществления субъект воздействует на окружающий мир и изменяет его, придавая ему новую форму и свойства, превращая предметы воздействия в продукт [6]. Так как преступление – это производная деятельность, характеризующаяся отсутствием социально полезного развития, то предметность такой деятельности (преступной) проявляется в воздействии на предметы объективной реальности и характеризуется нарушением социально-полезных отношений. При этом следует различать предмет деятельности и предмет преступления как деятельности особого вида. Предмет деятельности – это любые вещи материального мира, окружающего человека, а предмет преступления – это вещи (предметы материального мира), участвующие лишь в определенных общественных отношениях, охраняемых уголовным законом.

Продуктивность как важная характеристика социальной деятельности связана с ее преобразовательным аспектом и отражает изменения, происходящие в объективном мире в результате осуществления этой деятельности [6]. Продуктивность преступной деятельности выражается в результате, наступившем после такой деятельности и вследствие ее, который фиксируется после преступного деяния. «Во многих случаях воздействие на предмет деятельности приводит к появлению продукта деятельности, который

¹ Содержание и форма. *Философский словарь*, ред. И. Т. Фролов. М.: Республка, 2001. С. 519–521.

² Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М: Эксмо, 2007. 735 с.

является результатом процесса социализации предмета, то есть показателем направленности воздействия индивида на предмет с точки зрения общественных связей» [12, с. 3]. Применительно к преступному деянию можно сделать вывод, что такое воздействие лица на окружающую действительность влечет наступление общественно опасных последствий для общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Последним значимым для настоящего исследования свойством деятельности является ее целесообразность. Она носит первичный характер: прежде чем приступить к деятельности и достичь результата, субъект, как правило, представляет этот результат в идеальном и потенциальном образе в виде абстракции. Сознательно сформулированная цель – это субъективное основание деятельности, определяющее чаще всего ее избирательность и направленность.

Определение признаков преступной деятельности и рассмотрение характеристик каждого признака позволяют сделать вывод об объективной сущности преступной деятельности, которая проявляется прежде всего в том, что конкретное преступное деяние, воздействуя на предмет материального мира, изменяет окружающий мир, вызывая социально значимые осознаваемые субъектом отрицательные последствия, которые, в свою очередь, представляют собой соединительное звено между общественно опасным деянием и объектом преступного посягательства. Поэтому следует согласиться с предложением В. В. Мальцева рассматривать преступное последствие с содержательной стороны как выражение охраняемого уголовным законом общественного отношения, ущемленного преступным деянием [13, с. 18–19].

Преступное деяние играет ведущую роль в возникновении преступных последствий, т.к. именно оно воздействует на правоохраняемый объект, вызывает в нем негативные изменения. Легальное определение преступления прямо называет четыре обязательных признака преступного деяния: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Полагаем необходимым в настоящем исследовании подвергнуть анализу только один из перечисленных признаков: общественную опасность. Не оспаривая признание противоправности, виновности и наказуемости обязательными признаками преступления, считаем, что для общественно опасного последствия они не характерны, поскольку:

- 1) не все последствия преступления носят противоправный характер, т.к. не учитываются уголовным законом в формальных и усеченных составах;
- 2) виновность относится к сфере интеллекта и сознания, носит субъективный характер и является признаком субъективной стороны состава преступления, тогда как последствие носит объективный характер и относится к признакам объективной стороны; к тому же, если рассматривать общественно опасные последствия в широком смысле слова (т.е. и не учтенные законодателем), то неизбежен вывод, что не все общественно опасные последствия причиняются виновно;

- 3) наказуемость нельзя рассматривать в качестве признака общественно опасных последствий, т.к. не всегда законодатель связывает возможность наказания с наступлением преступных последствий, а наказуемость по отношению к последствиям не обладает признаком устойчивости, значит не может характеризовать общественно опасные последствия.

Таким образом, только один признак преступления присущ общественно опасному последствию: общественная опасность.

Общественная опасность рассматривается уголовно-правовой наукой с позиции двух характеристик: характера общественной опасности и степени общественной опасности. Действующий уголовный закон прямо использует оба термина. Например, в статьях 60, 68, 73 УК РФ предписано учитывать характер и степень общественной опасности преступления при назначении наказания, при рецидиве, при применении условного осуждения. Вместе с тем уголовный закон не раскрывает эти понятия, их определение носит научный характер. В юридической литературе нет единства мнений по вопросу определения каждой из характеристик общественной опасности.

Ю. А. Демидов определяет характер общественной опасности содержанием тех ценностей, на которые посягает преступное деяние, а степень общественной опасности – содержанием и степенью ценности объекта уголовно-правовой охраны [13, с. 14–15]. А. Шуберт главным критерием степени общественной опасности деяния называет только важность и значение охраняемых общественных отношений [14, с. 110]. Эти две позиции отличаются объемом понятий, входящих в содержание общественной опасности, а также спецификой структурных элементов общественной опасности. В. В. Мальцев предлагал в качестве характеристик общественной опасности рассматривать интенсивность деяния и его виновность [15, с. 8–9]. Если рассматривать интенсивность как объем приложенных усилий для реализации намерений, то неизбежен вывод, что интенсивность следует связывать не с характеристикой общественной опасности, а с характеристикой самого действия как совокупности телодвижений. К тому же общественная опасность характерна в целом для преступного деяния, тогда как интенсивность характерна исключительно для действия как одной из разновидностей преступного деяния. Не является, по нашему мнению, характеристикой общественной опасности виновность, поскольку виновность и общественная опасность выступают по отношению к деянию как разные его признаки. Кроме того, общественная опасность существует объективно и далеко не всегда зависит от сознания и воли субъекта преступления, тогда как виновность, напротив, всецело зависит от отношения субъекта к совершаемому деянию.

Наиболее обоснованными, на наш взгляд, являются позиции А. И. Марцева и Р. А. Базарова по вопросам определения общественной опасности, ее характера и степени. А. И. Марцев отмечал, что «характер общественной

опасности определяется теми общественными отношениями, на которые совершено посягательство», а «степень общественной опасности дает возможность отграничивать одно от другого однородные преступления» [16]. По мнению Р. А. Базарова, характер общественной опасности отражает качественное своеобразие преступления и определяется в основном значимостью объекта преступного деяния [17, с. 6–8]. Степень общественной опасности Р. А. Базаров определяет как количественную сторону вреда, причиняемого преступлениями одного и того же характера [17]. При этом Р. А. Базаров связывает степень общественной опасности с несколькими характеристиками: величиной ущерба, особенностями способа совершения преступления, формой вины, содержанием мотива и цели и т. п. Такая позиция преобладает в уголовно-правовой науке и, на наш взгляд, отражает содержание рассматриваемых категорий, поэтому не вызывает у нас возражения.

Взаимодействие общественно опасного деяния и общественно опасных последствий

Исследование общественной опасности как характеристики преступного деяния свидетельствует о производном характере общественно опасных последствий от общественно опасного деяния, который позволяет выделить первый признак, составляющий содержание общественно опасных последствий: **взаимодействие общественно опасного деяния и общественно опасных последствий**. При этом такое взаимодействие имеет ряд особенностей:

- 1) не все признаки общественно опасного деяния присущи последствию, а только общественная опасность;
- 2) это взаимодействие носит двусторонний характер: деяние является необходимым условием для наступления последствий и определяет практически половину признаков, характеризующих последствия, а последствия влияют на оценку деяния, на величину его общественной опасности как с позиции характера общественной опасности, так и с позиции ее степени;
- 3) обусловленность преступных последствий особенностями преступного деяния;
- 4) производность носит как непосредственный, так и опосредованный характер: непосредственная производность позволяет выявить индивидуальные особенности каждого общественно опасного последствия, а опосредованный характер производности позволяет охарактеризовать общие признаки общественно опасного последствия, которые, преломляясь в каждом конкретном случае, приобретают характер индивидуальных.

Преступным последствиям присуща **общественная опасность**, которая является существенным признаком, поскольку характеризует не только содержание общественно опасных последствий, но и их сущность. В юридической литературе некоторые авторы терминологически этот признак определяют как *вредоносность* [18, с. 144]. Полагаем, что целесообразно использовать термин **общественная опасность**, поскольку он более точно отражает сущность

этого признака, отображает связь общественно опасного последствия с преступным деянием, указывает на обусловленность и взаимосвязь общественно опасных последствий и объекта посягательства.

Юридическое определение общественной опасности последствий имеет социальные предпосылки, являясь результатом оценки преступления как социального факта. Н. С. Таганцев в свое время указал на наличие самостоятельного, но при этом взаимосвязанного содержания последствий преступления, их социальных и юридических свойств. Он подчеркивал, что преступные последствия присущи любому преступному деянию, но представляют интерес для уголовного права только значимые и существенные изменения [19, с. 511–514]. Ю. И. Ляпунов сущность общественной опасности применительно к преступным последствиям определял как объективную способность деяний производить негативные изменения в социальной действительности, нарушение упорядоченности системы общественных отношений, деформирование их путем внесения элементов дезорганизации в сложившийся порядок [20, с. 31–32]. Аналогичное суждение было высказано В. С. Прохоровым [21, с. 60–61].

Преступные последствия не могут получить надлежащей оценки, если не принимать во внимание основное свойство преступного деяния – его общественную опасность во всем многообразии ее проявлений. Поэтому нельзя, по нашему мнению, отрывать признак общественной опасности ни от поведения людей, ни от результатов такого поведения. Именно последствия (наступившие или возможные) придают общественно опасный характер деянию субъекта. При неосторожных преступлениях само поведение виновного, как правило, не представляет общественной опасности. Только преступные последствия придают общественную опасность неосторожному деянию. В этом смысле совершенно прав С. А. Тарарухин, который применительно к группе неосторожных преступлений подчеркивал: «Сами по себе действия или бездействие виновного могут и не представлять какой-либо общественной опасности и становятся таковыми только в связи с наступившими последствиями» [22, с. 69]. Обсуждение вопроса о производности общественной опасности последствий от общественной опасности деяния неизбежно приведет к выводу о том, что общественная опасность в равной мере присуща и деянию, и последствию.

Признаки преступной деятельности, опосредованно проявляющиеся в общественно опасных последствиях преступного деяния

Следующей группой признаков, входящих в содержание общественно опасных последствий, выступают признаки, присущие в целом преступной деятельности, которые проявляются в общественно опасных последствиях опосредованно.

Во-первых, общественно опасные последствия должны быть **социальными**, т. е. безразличными для общества.

Социальность преступных последствий, так же как социальность преступной деятельности, приобретает отрицательный характер, т. к. с позиции общества изменения, вызванные преступной деятельностью, характеризуются нарушением основных общественных ценностей, условий индивидуального существования каждого члена общества, условий существования и развития тех или иных общественных объединений, а также условий существования и развития всего общества в целом.

Во-вторых, социальность общественно опасных последствий носит отрицательный характер, т. е. она придает последствиям негативную или антисоциальную окраску. Для устранения терминологической путаницы предлагаем этот признак общественно опасных последствий называть негативностью. Негативный характер общественно опасных последствий отмечается в настоящем исследовании, поскольку опосредованно произведен от преступного деяния, нарушающего общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Нельзя не отметить, что негативность как признак общественно опасных последствий имеет двойную производность, т. к. отражает не только воздействие преступного деяния, но и выявляет особенности конкретного общественного отношения, на которое осуществляется посягательство, определяя объем нарушения объекта преступления.

В-третьих, общественно опасные последствия носят предметный характер. Они объективны, т. к. существуют в реальной действительности, а не в воображении лица. Изменения, с которыми мы связываем общественно опасные последствия, относятся к объективно существующему миру во всем его многообразии и могут проявляться в придании общественным отношениям новых свойств, качеств и новой формы. Несмотря на то что в характеристике общественно опасных последствий термины *предметность* и *объективность* используются как синонимы, для устранения путаницы терминологического характера целесообразно говорить о таком признаке общественно опасных последствий, как их объективность, поскольку указание на предметность может создавать ошибочное представление об обязательном изменении предмета преступления, что не соответствует действительности. Анализ уголовно-правовых норм особенной части неизбежно приведет к выводу, что предмет преступления далеко не всегда подвергается изменению даже в тех преступлениях, которые принято называть *предметными*. Таким образом, еще одним признаком общественно опасного последствия, производным от преступного деяния, является *объективность* наступивших последствий.

Б. С. Никифоров правильно указывал, что «если рассматривать последствие только в его соотношении с действием, то в большинстве случаев нельзя будет определить его юридическую природу. Последствие может стать предметом правильной уголовно-правовой квалификации, как правило, лишь тогда, когда мы будем рассматривать его в соотношении с объектом преступления» [18, с. 144].

В юридической литературе, посвященной проблеме преступных последствий, подавляющее большинство авторов подчеркивают связь общественно опасных последствий с объектом преступления. Это обусловлено тем, что общественно опасное последствие, вызванное общественно опасным деянием, представляет собой не что иное, как изменение объекта посягательства, т. е. общественных отношений, охраняемых уголовным законом. При этом уголовно-правовые нормы охраняют не все, а только наиболее значимые и важные общественные отношения для общества и государства. К тому же общественные отношения охраняются не от любого изменения, а только от такого, которое признается существенным и носит отрицательный характер. Это свидетельствует о том, что общественно опасным последствием является не любое изменение объекта уголовно-правовой охраны, а только наиболее опасные для общества, для каждого из его членов и для государства в целом.

А. С. Михлин, отмечая взаимосвязь общественно опасных последствий с объектом посягательства, сделал вывод, что «эта связь вытекает из того, что последствие, как таковое, немисливо без объекта, оно существует в самом объекте и поэтому во многом определяется объектом преступления» [23, с. 35]. На наш взгляд, определяющая роль объекта в этой взаимосвязи выражается, прежде всего, в том, что содержание и характер преступных посягательств зависят от свойств объекта, от содержания тех общественных отношений, которые подверглись изменению, но вместе с тем не ограничиваются ими, т. к. общественное отношение определяет лишь характер общественной опасности.

Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – сложное явление, включающее различные элементы, в частности:

- предмет, вокруг которого формируются и существуют общественные отношения;
- участников общественных отношений как носителей определенных интересов, находящихся под охраной уголовного закона;
- непосредственные отношения между участниками в форме фактической деятельности либо возможности действовать определенным образом или пребывать в определенном состоянии.

При совершении преступления путем действия или бездействия оказывается воздействие на различные элементы общественных отношений. В одних случаях это воздействие направлено на участников таких отношений, в других – на одну или чаще всего совокупность связей между участниками общественных отношений. Однако во всех случаях воздействие на отдельные элементы означает в конечном счете посягательство на общественное отношение в целом. Нарушение фактического общественного отношения будет представлять собой изменение объекта. При этом нарушение может быть выражено в полном разрыве общественного отношения (прекращение его существования) либо в таком существенном изменении

соответствующего общественного отношения, которое препятствует его естественному существованию, развитию и социальному назначению. Итак, общественно опасное последствие, будучи порождено деянием (действием или бездействием), свое содержание получает в том числе и от объекта посягательства, по отношению к которому выступает как негативное и вредоносное изменение охраняемых общественных отношений. Поэтому следующим признаком общественно опасных последствий является их **связь и обусловленность общественными отношениями**, в которых произошли изменения.

Точно так же как и в ситуации с общественно опасным деянием, существующая и отмеченная нами связь с объектом посягательства приводит к приобретению общественно опасными последствиями характерных черт и качеств объекта преступления ввиду производного характера таких последствий. Эти признаки мы можем условно отнести ко второй группе признаков.

Наиболее распространенным в уголовно-правовой литературе взглядом на классификацию преступных последствий является их деление на материальные и нематериальные [24, с. 134]. При посягательствах на жизнь, здоровье, хищениях имущества общественно опасные последствия носят материальный характер, т.к. связаны с изменением общественных отношений, включающих предмет внешнего мира, или с устранением из социальной сферы определенного количества ценностей. Преступные последствия материального характера чаще всего возникают при посягательствах на объект путем воздействия на участников отношений или предмет преступления. Материальные последствия имеют, как правило, четко выраженную количественную характеристику, поэтому сложности с определением объема негативных изменений общественных отношений не возникает. Последствия нематериального характера, поскольку изменения касаются нематериальных сфер (политической, трудовой, психологической, моральной), ввиду особенности сфер, которые формируют общественные отношения нематериального характера, не могут быть выражены в точных величинах. Но они не теряют качеств преступного последствия, потому что также проявляются в изменении вплоть до полного разрушения общественного отношения между его участниками. С делением общественно опасных последствий на материальные и нематериальные связан следующий признак общественно опасного последствия – **возможность их измерения**.

По общему правилу все материальные последствия поддаются конкретному установлению и измерению. Так, подлежит исчислению в рублях последствие в виде имущественного ущерба. Не менее определенно выглядит последствие в виде смерти: оно может быть измерено по соответствующей социальной шкале, согласно которой жизнь человека является наиболее ценной из всего многообразия охраняемых уголовным законом объектов, а также может быть выражено в количественных единицах. Последствия в политической и моральной сферах не могут быть

конкретизированы до такой степени. Эти последствия не имеют формализованных и постоянных критериев измерения. Но это обстоятельство не меняет природы последствия как элемента состава преступления. «Поддается ли конкретному измерению последствие или нет, оно при всех условиях не перестает реально существовать и не теряет своего значения как элемента состава преступления» [7]. Возможность измерения нематериальных последствий представляет определенную трудность, но такая возможность существует и носит относительный и оценочный характер. Например, нарушение чести и достоинства личности можно измерить объемом изменений, произошедших в поведении этого лица, в его восприятии окружающей действительности.

Разнородный характер общественно опасных последствий обусловлен разнообразием и спецификой объектов уголовно-правовой охраны. В качестве объекта посягательства могут выступать жизнь и здоровье человека, авторитет государственной власти, достоинство личности, внешняя безопасность нашего государства и т.п. Изменения, происходящие в результате преступного деяния с объектом посягательства, в каждом конкретном случае различны и по форме, и по содержанию, различны с качественной и количественной сторон. В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, негативные изменения могут произойти с любой из составных частей внешней безопасности: конституционный строй, экономическая безопасность, суверенитет, территориальная целостность. Сочетание нарушений составных частей также может быть различным: от нарушения одной из названных составляющих частей до нарушения всех. Уголовный закон характеризуется разнообразием и многообразием охраняемых объектов. Разнородность общественно опасных последствий производна от разнородности общественных отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану, и определяется самостоятельным и индивидуальным содержанием любого нарушенного общественного отношения. Еще одним обстоятельством, предопределяющим разнородность общественно опасных последствий, является структура общественного отношения.

Если разнородность преступных последствий, как правило, относится к качественной характеристике исследуемого предмета, то следующий признак (**их множественность**) представляет собой сочетание количественной и качественной характеристик. Множественность общественно опасных последствий напрямую зависит от характеристик объекта преступления. В целом ряде случаев объект имеет усложненную структуру, рассматриваемую в теории уголовного права по горизонтали и по вертикали. Так, объектом посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), выступают одновременно правосудие (как совокупность общественных отношений) и жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. В юридической литературе неоднократно

отмечалась взаимосвязь общественно опасных последствий в многообъектных преступлениях. В приведенном примере смерть судьи, в производстве которого находилось дело, подлежащее рассмотрению, приведет к нарушению доступа к правосудию. При этом только желание помешать правосудию привело к смерти судьи. Представляется, что даже простые, однообъектные преступления влекут не одно, а два и более опасных последствий. Так называемое деление объектов преступления по вертикали, т. е. на родовой, видовой и непосредственный, приведет нас к неизбежному выводу, что одно преступное деяние влечет негативные изменения одновременно трех видов общественных отношений. Наличие непосредственного объекта преступления, наряду с родовым и видовым в каждом конкретном преступлении, уже свидетельствует о многообъектности преступления и позволяет выделить множественные последствия, характерные для каждого из названных объектов. Поскольку мы придерживаемся позиции, что преступные последствия присущи абсолютно любому преступлению, то, безусловно, признаем наличие негативных изменений общественных отношений, представляющих собой родовой и видовой объект, ввиду уголовно-правового запрета. При этом такие опосредованные последствия могут не учитываться уголовно-правовой нормой. Таким образом, множественный характер общественно опасных последствий всегда присущ преступлениям: как со сложной, так и с простой структурой объекта. Кроме того, наряду с непосредственными последствиями преступление всегда влечет опосредованные последствия (или социальные последствия), что само по себе предопределяет множественный характер общественно опасных последствий, даже в преступлениях, традиционно относимых к преступлениям с простой структурой объекта.

Следующим признаком общественно опасных последствий, связанных с объектом посягательства, является их **неустранимость**. «Физический, моральный и политический вред, причиняемый преступлением, невозможно возместить или устранить... Не меняет положения тот факт, что в какой-то части преступный вред может быть возмещен или восстановлен» [9, с. 164], указывает Н. И. Коржанский. Неустранимость последствий следует рассматривать как их социальное свойство, прямо связанное с множественным характером. Полагаем, что какими бы ни были усилия, направленные на восстановление нарушенного объекта, компенсацию нарушенного общественного отношения невозможно добиться, чтобы все, как правило, многочисленные разновидности вредных последствий были бы аннулированы. Не могут быть аннулированы последствия преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, даже в том случае, если полностью было восстановлено поврежденное имущество и выплачены потерпевшему компенсации как материального, так и морального вреда, поскольку при любых обстоятельствах остается некомпенсированной психологическая травма, которая была причинена потерпевшему самим фактом повреждения

имущества. Следовательно, последствия преступления во всех случаях не могут быть полностью возмещены или устранены, могут быть только частично смягчены, что свидетельствует о невозможности их полного устранения. Объем не устраненных последствий самым существенным образом влияет на степень общественной опасности того или иного вида преступления.

Заключение

Под содержанием общественно опасных последствий следует понимать совокупность признаков как существенных, так и несущественных, но позволяющих охарактеризовать последствия со стороны неповторимого проявления признаков, т. е. эти признаки в их совокупности присущи исключительно общественно опасным последствиям и не характерны для других элементов и признаков состава преступления, а также позволяют отличить общественно опасные последствия от других элементов и признаков состава.

Содержание общественно опасных последствий представляет собой совокупность признаков как непосредственных (характерных исключительно для общественно опасных последствий), так и опосредованных (обусловленных свойствами других элементов и признаков состава преступления). Следует отметить два непосредственных признака общественно опасных последствий, составляющих их содержание: взаимосвязь с общественно опасным деянием, а также односторонняя связь и обусловленность объектом посягательства. При этом общественно опасные последствия полностью зависят с точки зрения их качества и количества от общественно опасного деяния и влияют на оценку самого преступления, поэтому связь между ними носит взаимный характер. Зависимость же общественно опасных последствий от объекта посягательства является относительной и односторонней, т. е. не носит взаимный характер. Влияние общественно опасных последствий на объект посягательства иллюзорно, поскольку объект посягательства первичен по отношению к последствиям. Общественно опасные последствия представляют собой негативные изменения объекта посягательства, но не оказывают никакого влияния на характеристики самого объекта.

Производный характер общественно опасных последствий от преступного деяния позволил нам установить следующие признаки, составляющие содержание последствий: общественная опасность, социальность, объективность, негативность. Общественно опасные последствия имеют социальный и негативный характер, т. е. являются нежелательными для общества, осуждаемы и порицаемы обществом, отрицательно влияют на существование и развитие общества. Общественно опасные последствия объективны, поскольку существуют в реальной действительности, а не в воображении лица, и касаются объективно существующего мира во всем его многообразии. Последствия любого преступления общественно опасны, т. к. представляют собой негативные изменения не любых, а только охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Множественность, неустранимость, разнообразность и измеримость общественно опасных последствий свидетельствуют о производном характере общественно опасных последствий от объекта посягательства. Общественно опасные последствия разнородны, что обусловлено разнородностью общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Общественно опасные последствия множественны по характеру своих проявлений даже в рамках одного преступления. При этом фактически наступающие общественно опасные последствия могут быть значительно больше тех, которые формализованы в нормах Особенной части УК РФ, и подлежат непосредственной уголовно-правовой оценке и доказыванию. Возможность

измерения, исчисления последствий преступления носит относительный характер, но применима к любым общественно опасным последствиям. Общественно опасные последствия преступления носят неустранимый характер, несмотря на то что в отдельных случаях могут быть смягчены и компенсированы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Борукаева Л. А., Федоров Н. И. Личная свобода человека в системе объектов уголовно-правовой охраны по УК РФ. *Союз криминалистов и криминологов*. 2019. № 4. С. 124–128. [Borukaeva L. A., Fedorov N. I. Personal freedom of a person in the system of objects of criminal law protection under the Criminal Code of the Russian Federation. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*, 2019, (4): 124–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2019-4-220-124-128>
2. Богунова Г. В., Трофимова О. Ю. Разграничение состава похищения человека со смежными составами преступлений по Уголовному кодексу Российской Федерации. *Актуальные вопросы юридической науки и практики: III Всерос. науч.-практ. конф. со студ. уч.* (Хабаровск, 30 мая 2022 г.) Хабаровск: ТОГУ, 2022. С. 19–23. [Bogunova G. V., Trofimova O. Yu. Differentiation of the composition of kidnapping with related crimes under the criminal code of the Russian Federation. *Topical issues of legal science and practice: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. with student participation*, Khabarovsk, 30 May 2022. Khabarovsk: PNU, 2022, 19–23. (In Russ.)] EDN: OWAHEN
3. Ким Э. А. Условия правомерности необходимой обороны. *Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: 5 Междунар. науч. конф.* (Курск, 30 сентября 2022 г.) Курск: ЮЗГУ, 2022. С. 121–125. [Kim E. A. Conditions for the legitimacy of necessary defense. *State and law: problems and prospects for improvement: Proc. 5th Intern. Sci. Conf.*, Kursk, 30 Sep 2022. Kursk: SWSU, 2022, 121–125. (In Russ.)] EDN: TSNSNO
4. Селиванов А. В. Проблемы преступности на современном этапе. *Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: науч.-практ. конф.* (Волгоград, 16–17 июня 2022 г.) М.: Спутник+, 2022. С. 162–165. [Selivanov A. V. Problems of crime at the present stage. *Topical issues of public order and administrative activities of the police: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Volgograd, 16–17 Jun 2022. Moscow: Sputnik+, 2022, 162–165. (In Russ.)] EDN: CDTRWC
5. Диденко К. Н. Уголовный проступок: понятие и перспективы. *Вопросы развития права и управления в современных условиях: студ. науч. конф.* (Москва, 24 марта 2022 г.) Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 171–175. [Didenko K. N. Criminal offense: concept and perspectives. *Issues of development of law and management in modern conditions: Proc. student Sci. Conf.*, Moscow, 24 Mar 2022. Saratov: Saratovskii istochnik, 2022, 171–175. (In Russ.)] EDN: VYOETI
6. Земляков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: НГУ, 1991. 244 с. [Zemlyukov S. V. *Criminal-legal problems of criminal harm*. Novosibirsk: NSU, 1991, 244. (In Russ.)] EDN: SWFYCD
7. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с. [Trainin A. N. *General doctrine of the composition of the crime*. Moscow: Gosjurizdat, 1957, 363. (In Russ.)]
8. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: МГУ, 1969. 232 с. [Kuznetsova N. F. *Crime and criminality*. Moscow: MSU, 1969, 232. (In Russ.)]
9. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. 248 с. [Korzhan'skiy N. I. *Object and subject of criminal law protection*. Moscow: Ministry of Internal Affairs (Soviet Union), 1980, 248. (In Russ.)]
10. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. М.: Академия МВД СССР, 1982. 82 с. [Babaev M. M. *Social consequences of crime*. Moscow: Ministry of Internal Affairs (Soviet Union), 1982, 82. (In Russ.)]
11. Зубков И. Ф. Курс диалектического материализма. М.: Ун-т дружбы народов, 1990. 258 с. [Zubkov I. F. *The course of dialectical materialism*. Moscow: FUR, 1990, 258. (In Russ.)]
12. Мальцев В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов: Сарат. ун-т, 1989. 160 с. [Maltsev V. V. *The problem of criminal law assessment of socially dangerous consequences*. Saratov: Saratov University, 1989, 160. (In Russ.)]
13. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975. 185 с. [Demidov Yu. A. *Social value and assessment in criminal law*. Moscow: Iurid. lit., 1975, 185. (In Russ.)]

14. Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М.: Госюриздат, 1960. 239 с. [Shubert L. *The public danger of a criminal act*. Moscow: Gosiurizdat, 1960, 239. (In Russ.)]
15. Мальцев В. В. Оценка следователем общественной опасности посягательства. Волгоград: ВСШ, 1986. 60 с. [Maltsev V. V. *The investigator's assessment of the public danger of encroachment*. Volgograd: VSSh, 1986, 60. (In Russ.)]
16. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 75 с. [Martsev A. I. *Crime: socio-legal analysis*. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, 75. (In Russ.)] EDN: VRSCER
17. Базаров Р. А. Преступление. Состав преступления. Челябинск: Челяб. юрид. ин-т, 1997. 66 с. [Bazarov R. A. *A crime. Corpus delicti*. Chelyabinsk: Chelyabinsk Law Institute, 1997, 66. (In Russ.)]
18. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. 229 с. [Nikiforov B. S. *The object of the crime according to Soviet criminal law*. Moscow: Gosiurizdat, 1960, 229. (In Russ.)]
19. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с. [Tagantsev N. S. *Russian Criminal Law: Part of Society*. Tula: Avtograph, 2001, vol. 1, 800. (In Russ.)]
20. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М.: ВЮЗШ, 1989. 117 с. [Lyapunov Yu. I. *Public danger of an act as a universal category of Soviet criminal law*. Moscow: VYuZSh, 1989, 117. (In Russ.)]
21. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л.: ЛГУ, 1984. 136 с. [Prokhorov V. S. *Crime and responsibility*. Leningrad: LSU, 1984, 136. (In Russ.)]
22. Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974. 220 с. [Tararukhin S. A. *Criminal behavior. Social and psychological traits*. Moscow: Iurid. lit., 1974, 220. (In Russ.)]
23. Михлин А. С. Последствия преступления. М.: Юрид. лит., 1969. 104 с. [Mikhlin A. S. *The consequences of the crime*. Moscow: Iurid. lit., 1969, 104. (In Russ.)]
24. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с. [Kudryavtsev V. N. *The objective side of the crime*. Moscow: Gosiurizdat, 1960, 244. (In Russ.)]

оригинальная статья

Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в Российской Федерации

Кукарцева Александра Николаевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

alexq468@gmail.com

Поступила в редакцию 02.12.2022. Принята после рецензирования 26.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Цифровизацию судебной системы на сегодняшний день можно назвать завершающим этапом ее развития, учитывая тот путь, который суды прошли, начиная с процессов автоматизации и информатизации. Понятие *цифровизация* исследовано в контексте его употребления в деятельности судов в РФ и функционирования судебной власти. Проведен анализ основных нормативных актов, опосредующих цифровизацию судебной системы. Дана оценка влияния процессов внедрения информационных технологий в деятельность судов, включая их взаимодействие с участниками процесса в электронном (цифровом) виде. Соотнесены такие понятия, как автоматизация, информатизация, цифровизация. Проанализированы тенденции развития судебной системы в свете федеральных целевых программ. Раскрыты этапы внедрения в деятельность судов цифровых технологий. Дана оценка осуществления судебной власти с применением новых технологий, обозначены перспективы дальнейшего развития процессов цифровизации судов. Сделан вывод, что, существуя на стыке процессуальных отраслей права и права информационного, понятия, сопровождающие цифровизацию деятельности судов, еще не нашли свое окончательное место в правовой системе РФ. Использование в деятельности органов судебной власти автоматизированных систем позволяет тщательнее отслеживать их соблюдение и пресекать нарушения сроков. Доступ к информации о деятельности судов в целом и о ходе отдельного процесса в частности будет стимулировать граждан проявлять активность при взаимодействии с судами. Существующие технологии, используемые в судах, являются существенным фактором, который повлияет на качество судебной системы государства.

Ключевые слова: автоматизация, информатизация, цифровизация, судебная власть, технологии

Цитирование: Кукарцева А. Н. Влияние цифровизации на осуществление судебной власти в Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 112–118. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-112-118>

full article

The Impact of Digitalization on the Exercise of Judicial Power in the Russian Federation

Alexandra N. Kukartseva

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk

alexq468@gmail.com

Received 2 Dec 2022. Accepted after peer review 26 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Abstract: The judicial digitalization and automation are currently at its final stage. This article focuses on the concept of digitalization in court. The author analyzed the documents that regulate the digitalization in the Russian judicial system and assessed its result, e.g., in the sphere of interaction with trial participants. The article clarifies the correlation between automation, informatization, and digitalization and describes the trends, stages, and achievements in the digital development of the judicial system in the light of federal targeted programs. The author believes that the terms related to the digitalization of the legal system still have a vague status because they exist at the intersection of the procedural branches of general law and information law. Automation makes it possible to monitor trials and prevent violations of deadlines. Digital information about courts and trials may encourage citizens for a more active interaction with the judicial system. Unfortunately, the digital transformation of Russian courts is at its earliest stage and has a long way to go. Eventually, modern technologies will improve the quality of the judicial system.

Keywords: automation, informatization, digitalization, judicial power, technologies

Citation: Kukartseva A. N. The Impact of Digitalization on the Exercise of Judicial Power in the Russian Federation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 112–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-112-118>

Введение

Развитие современной судебной системы России в настоящий период все больше связывают с процессом ее цифровизации, которая сама по себе является одним из приоритетных направлений развития РФ¹ [1, с. 52]. Одной из основных задач такого развития стало применение цифровых технологий и информационных решений в государственном управлении и оказании государственных услуг². Перевод этих процессов в цифровую среду не может не отражаться на деятельности судов, которые, с одной стороны, имеют дело с оценкой юридических фактов, возникших вследствие такого взаимодействия, с другой – суды сами постепенно начинают осуществлять свою деятельность по рассмотрению и разрешению споров с использованием этой среды.

Цифровизацию судебной системы на сегодняшний день можно назвать завершающим этапом ее развития, учитывая тот путь, который суды прошли, начиная с процессов автоматизации и информатизации. И в этом смысле происходящие процессы можно рассматривать как инструмент совершенствования судебной системы в целом, а не как попытку соответствовать «духу времени».

Качество судебной власти неразрывно связано с развитием институтов гражданского общества и является следствием и причиной такого развития. Современные тенденции, сопряженные с использованием новых технологий в судебной системе, не только поддерживают качество функционирования этой ветви власти, но и стимулируют к большей активности участников судебного процесса, предоставляя им альтернативные способы взаимодействия с судом, участия в судебном рассмотрении споров.

Понятийный аппарат трансформационных процессов, связанных с внедрением информационных технологий в деятельность судов, в том числе их взаимодействие с участниками процесса в электронном (цифровом) виде, нельзя назвать окончательно сформированным. С разной степенью конкретизации основные понятия определяются как в федеральных законах³, так и в ведомственных и иных актах⁴. С точки зрения процессуальных отраслей права нет

единого подхода к определению и использованию таких понятий в процессе. Словосочетание *электронное правосудие* вызывает споры у ученых и практиков [2, с. 153; 3, с. 45; 4, с. 634]. Различают понятие *электронное правосудие* в узком и широком значении [5, с. 4]. Остальные понятия, сопровождающие цифровизацию деятельности судов, также нельзя назвать разработанными. Существовая на стыке процессуальных отраслей права и права информационного, они еще не нашли свое окончательное место в правовой системе РФ. Тем не менее это не мешает дать оценку их применению на практике и их влиянию на судебный процесс в целом.

Понятия автоматизации, информатизации и цифровизации

Автоматизация и информатизация первоначально связывались преимущественно с техническим оснащением судов, необходимым для их нормального функционирования⁵. Автоматизация происходит через включение в какой-либо процесс комплекса средств, осуществляющих выполнение необходимых функций, которые до этого осуществлялись человеком. Поэтому автоматизированная система, кроме технологий, включает в себя персонал⁶. В отношении автоматизации в деятельности судов чаще всего имеют в виду совокупность систем и программных приложений, используемых для обеспечения судебного делопроизводства, осуществления взаимодействия суда с участвующими в деле лицами в ходе судебных заседаний, в том числе совершения процессуальных действий, а также совокупность иных технических средств, позволяющих лицам обращаться в суд и представлять документы удаленно, получать или знакомиться с судебными актами в электронном виде⁷. В судах общей юрисдикции эти инструменты представлены Государственной автоматизированной системой «Правосудие», Автоматизированной информационной системой ВС РФ, в системе арбитражных судов – автоматизированной информационной системой «Судопроизводство», программным комплексом «Судебно-арбитражное делопроизводство».

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"». Утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 7 от 04.06.2019; О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

² О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г. Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018. СПС КонсультантПлюс.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ № 149-ФЗ от 27.07.2006; Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ. ФЗ № 262-ФЗ от 22.12.2008. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений судебного департамента в субъектах РФ и учреждениях судебного департамента. Приказ Суд. департамента при ВС РФ № 362 от 26.11.2015; Об утверждении разъяснений (методич. рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика РФ». Приказ Минкомсвязи России № 428 от 01.08.2018; ГОСТ Р 56828.15-2016. Национ. стандарт РФ. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения. Приказ Росстандарта № 1519-ст от 26.10.2016; ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 19791-2008. Национ. стандарт РФ. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Оценка безопасности автоматизированных систем. Приказ Ростехрегулирования № 525-ст от 18.12.2008. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Об информатизации и автоматизации судов. Постановление Совета судей РФ № 65 от 16.11.2001. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения». СТО БР ИББС-1.0-2014. Распоряжение Банка России № Р-399 от 17.05.2014; ГОСТ Р 56828.15-2016. СПС КонсультантПлюс.

⁷ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Постановление Пленума ВС РФ № 57 от 26.12.2017. СПС КонсультантПлюс.

Информационные системы «Банк решений арбитражных судов», «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел» Пленум ВС РФ также отнес к системам автоматизации судопроизводства. Хотя, на наш взгляд, эти системы в большей степени сопровождают процессы информатизации судов, выступая не только в качестве средства предоставления информации о судах и конкретных делах, но и как место сосредоточения и накопления объема больших данных о деятельности арбитражных судов за значительный период их существования. Наполнение таких сервисов, как «Банк решений арбитражных судов» и «Картотека арбитражных дел», происходит не только по мере возбуждения новых дел, но и по мере оцифровки уже имеющихся материалов разрешенных дел в архивах арбитражных судов.

Информатизация судебной системы предполагает формирование и использование информационных систем, информационных ресурсов, баз данных и технологий с целью создания оптимальных условий для осуществления процессуальной деятельности⁸. Например, создание оперативных банков материалов судебной практики и постановлений Пленума ВС РФ, решений КС РФ, материалов судебной арбитражной практики, статистической информации и т. п. напрямую влияет на эффективность осуществления правосудия [6, с. 34].

Под правовой информатизацией России понимается создание условий, при которых оптимальным образом и наиболее полно удовлетворяются информационно-правовые потребности граждан, общественных и государственных структур, предприятий, организаций, учреждений через эффективную организацию и использование информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий⁹. Также информатизацию рассматривают как инструмент разгрузки судов и оптимизации их деятельности [7, с. 464; 8, с. 25].

В отличие от двух других понятий, при цифровизации те процессы, которые ранее осуществлялись людьми или организациями, реализуются в цифровой среде без непосредственного участия иных посредников за счет использования данных в электронном виде и внедрения в деятельность информационных технологий¹⁰. Цифровизация избавляет людей от участия в рутинных процессах, передавая их системе обработки информации, более сложной, чем автоматизированная система, и одновременно предполагает более глубокий анализ информации, чем процессы информатизации.

Например, программы, функционирующие на основе искусственного интеллекта, смогут осуществлять поиск взаимосвязей, анализируя разные документы, и на основе обнаруженных взаимосвязей делать выводы из их содержания, находить логические несостыковки, допущенные человеком при создании этих документов [9, с. 473–474].

Цифровая трансформация

Дальнейшее развитие технологий называют цифровой трансформацией (иногда содержание этого понятия включают в понятие цифровизации), когда происходит качественное изменение работы системы за счет дальнейшей перестройки ее основных процессов, в том числе за счет внедрения в отдельные аспекты деятельности информационных технологий. Это позволяет системе выйти на новый уровень функционирования¹¹.

В системе прикладных юридических наук все больший интерес вызывает правовая информатика, которая анализирует в том числе научные проблемы информатизации правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, роль сети Интернет в юридической деятельности [10, с. 95]. Развитие получают технологии машиночитаемого права (изложение норм права на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки) и технологии применения таких норм в виде информационных систем и программного обеспечения¹².

В качестве одной из целей в рамках национальной программы «Цифровая трансформация» обозначено достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы, увеличение доли массовых социальных значимых услуг, доступных в электронном виде (т. е. наращивание использования цифровых технологий и эффективности такого использования в этих областях)¹³. Также здесь названы обеспечение качественного доступа к сети Интернет и увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий, однако, на наш взгляд, данные процессы являются скорее предпосылками для цифровой трансформации, чем ее следствием.

В федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» отмечается, что опыт реализации аналогичных федеральных целевых программ на 2002–2006 гг. и на 2007–2012 гг. эффективно

⁸ Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Распоряжение Правительства РФ № 2446-р от 03.12.2014; Модельный закон об информатизации, информации и защите информации. Принят в г. Санкт-Петербург 18.11.2005 Постановлением 26-7 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. СПС КонсультантПлюс.

⁹ О Концепции правовой информатизации России. Указ Президента РФ № 966 от 28.06.1993. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Об утверждении разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Приказ Минкомсвязи России № 428 от 01.08.2018; О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами. Постановление Правительства РФ № 1646 от 10.10.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Клевец А. Чем цифровизация отличается от автоматизации. Финансовая Академия Актив. 17.12.2021. URL: <https://finacademy.net/materials/article/cifrovizaciya-i-avtomatizaciya> (дата обращения: 29.10.2022).

¹² Концепция развития технологий машиночитаемого права. Утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол № 31 от 15.09.2021. СПС КонсультантПлюс.

¹³ О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. ...

и положительно решал проблемы, существующие в деятельности судебной системы. И это позволяет распространить подходы, изложенные в указанных программах на будущее. Можно сделать вывод, что та среда, в которой функционируют суды в РФ, на сегодняшний день претерпевает качественную трансформацию, что неизбежно влечет переосмысление принципов судопроизводства в частности и принципов осуществления судебной власти в целом [11, с. 13].

Эволюция подходов к совершенствованию работы судов через все большее включение в их работу цифровых технологий можно отследить по целям и задачам, которые ставились для каждой федеральной целевой программы развития судебной системы России. Первоначальные цели и приоритеты декларировались как обеспечение открытости и эффективности работы судебной системы, оперативной информационно-правовой поддержки правоприменительной деятельности судов, а в целом – как создание эффективной информационно-коммуникативной системы судебной власти¹⁴.

На следующем этапе упор был сделан на автоматизацию деятельности судов и формирование системы электронного документооборота, в том числе введение информационных систем судов, формирование необходимой телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения эффективного взаимодействия судов между собой и с органами судейского сообщества, на оцифровку информации, с которой работают судьи: аудиозапись судебного заседания, сканирование для перевода новых документов и судебных архивов в электронный вид, создание информационных веб-сайтов судов в сети Интернет¹⁵.

После структурной перестройки условий деятельности судов, связанной с внедрением технологий автоматизации, информатизации, в том числе создания электронных ресурсов, стало возможно дальнейшее развитие системы в сторону цифровизации, в том числе электронного взаимодействия судов с обществом (системы электронного правосудия, видео-конференц-связи, веб-конференций и т. п.), использования гражданами информационных технологий на каждом этапе судебного процесса и др.¹⁶

Наиболее показательным использованием всех этих технологий стало с началом пандемии коронавируса [12, с. 9; 13, с. 39; 14, с. 38–39]. Одновременно с этим стало очевидно, что они могут быть использованы судами очень неравномерно, что только обостряет противоречия между направлением вектора развития всей судебной системы и фактическим положением на местах. Часть причин, вызвавших

такие противоречия, связана с объективными сложностями внедрения цифровых технологий в судах (оснащение судов техникой, подготовка кадров, разработка и внедрение специального программного обеспечения и все расходы, связанные с этими процессами). Так, на практике цифровые способы взаимодействия с судами, получив стремительное развитие и обладая высоким потенциалом, имеют по сравнению с традиционными технологиями пока существенно меньшее распространение, чем от них ожидали.

Отчасти это связано с тем, что в деятельность государственных механизмов информационные технологии в целом проникают неоднородно¹⁷. В отличие от органов исполнительной власти, судебная власть РФ действует на всей территории страны единообразно и непосредственно для всех участников процесса¹⁸. Поэтому доступ к технологиям и их применение в этой сфере должны быть реализуемы в равной степени для всех: судов, участников процесса, иных лиц.

Оценка осуществления судебной власти с применением новых технологий

Так как же отражаются все описанные выше процессы на содержании судебной власти в стране? Очевидно влияние цифровизации на способы правового регулирования и правосознание граждан, как и их встречное влияние на ее развитие [15, с. 6; 16, с. 49; 17, с. 27]. Судебная система как более динамичное явление, организованное нормами права, претерпевает на себе влияние эволюции среды, в которой она существует, и способов взаимодействия в ней. Это происходит независимо от национальной принадлежности системы права, поскольку процесс цифровизации независимо от страны, в которой он происходит, сохраняет свои общие черты и особенности [18, с. 86].

Если в начале процессы, связанные с внедрением автоматизации в деятельность судов, больше носили обслуживающий характер [19, с. 14], то впоследствии они стали иметь непосредственное отношение к осуществлению судебной власти, например, при распределении первичных документов (исков, заявлений, иных обращений) между судьями каждого суда автоматизированной информационной системой (п. 2 ст. 2 ФЗ № 265-ФЗ от 29 июля 2018 г.¹⁹).

Вместе с тем сами по себе эти процессы позволяют ожидать системную трансформацию институтов судебной деятельности [20, с. 52], а в конечном итоге – повышение эффективности осуществления судебной власти в РФ.

¹⁴ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы. Постановление Правительства РФ № 805 от 20.11.2001. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы. Постановление Правительства РФ № 583 от 21.09.2006; О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы». Постановление Правительства РФ № 1406 от 27.12.2012. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»...

¹⁷ О Концепции формирования в РФ электронного правительства до 2010 г. Распоряжение Правительства РФ № 632-р от 06.05.2008. СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Конституции РФ. Ст. 10; О судебной системе. ФКЗ № 1-ФКЗ от 31.12.1996. Ст. 1. СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 265-ФЗ от 29.07.2018. СПС КонсультантПлюс.

Реформа процессуального законодательства 2019 г., а впоследствии и ФЗ № 440-ФЗ от 30.12.2021 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» упорядочили деятельность разных судов судебной системы РФ в сфере применения цифровых технологий и развили процессуальное законодательство в этом направлении [21, с. 170].

Если проанализировать всю совокупность информационных технологий, используемых в деятельности судов, включая взаимодействие в электронном (цифровом) виде, можно отметить, что перевод работы системы на цифровые рельсы связан с преобразованием формы подачи обращений (подача документов в электронном виде, использование электронных подписей и т. п.), фиксации информации (аудиозапись протокола, видеозапись судебных заседаний с использованием систем видео-конференц-связи, веб-конференции и т. п.), способов коммуникации участников процесса (опубликование судебных актов арбитражных судов, сведений о ходе рассмотрения дела и т. п.) [4, с. 636].

Идея предсказания судебных решений при помощи анализа больших массивов данных судебной практики, непосредственно связанная с цифровизацией работы судов, в настоящее время далека от воплощения [22, с. 50; 23, с. 56].

Несмотря на расширение сферы автоматизации различных процессов как в экономике, так и в сфере государственного управления и власти, принципы организации судебной власти и принципы ее осуществления не позволяют отдать задачу принятия решений искусственному интеллекту. Причиной этому служит, во-первых, недостаточная разработанность этой технологии в целом: на сегодняшний день нет корректных и достаточно разработанных инструментов анализа данных, которые могли бы подменять собой человека. Кроме того, применение такой технологии в романо-германской системе права сопряжено с анализом большого числа вероятностей, чем, например, в англосаксонской системе права, основанной на применении уже существующих прецедентов к частным спорам [24, с. 69].

Во-вторых, ядром работы такой технологии должен быть определенный объем данных, обработка которых позволит искусственному интеллекту давать ответы на частные вопросы. Даже при наличии успешной технологии результаты ее работы непосредственно связаны с исходными данными, которые будут положены в основу ее функционирования [25, с. 47]. Подбор и выборка таких данных – самостоятельные вопросы, граничащие с этикой правоприменения.

Сама по себе технология предсказания судебных решений связана с обработкой больших данных об уже рассмотренных спорах. Выводы, сделанные на их основе, будут основываться на подходах, которые могут не учитывать определение или изменение в постановлениях Пленума либо Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы в конкретном деле (п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ).

Цифровизация облегчает коммуникацию судов с участниками процесса (в случае Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции Москвы – и с государственными органами). Доступность информации о деятельности судов создает условия для активного участия сторон в процессе.

Использование в деятельности органов судебной власти автоматизированных систем позволяет тщательнее отслеживать их соблюдение и пресекать нарушения сроков. А доступ к информации о деятельности судов в целом и о ходе отдельного процесса в частности будет стимулировать граждан проявлять активность при взаимодействии с судами. Все это прямым образом влияет на общество, его доверие к судебной системе и повышение качества взаимодействия граждан и организаций с судами [26, с. 12].

Сами по себе эти процессы обмена информацией и взаимодействия субъектов создают условия для рассмотрения споров и разрешения дел, реализуя цели развития судебной системы России, и формально организуют среду, в которой осуществляется правосудие. Но для судьи как для непосредственного субъекта осуществления правосудия все эти процессы являются инструментами. Роль судьи в судопроизводстве нельзя делегировать технологиям (ст. 71 АПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 84 КАС РФ). Стоит согласиться с точкой зрения, что человек и технологии, взаимодействуя в единой системе, способны сделать друг друга более эффективными, но никак не могут подменять друг друга [26, с. 14].

Заключение

Специалисты отмечают, что несмотря на все достижения (даже с учетом существующих электронных сервисов в системе арбитражных судов), цифровая трансформация сегодня находится на своем начальном этапе [27, с. 126]. И до качественного скачка, когда накопится большой объем данных и искусственный интеллект научится анализировать судебную практику, находить несоответствия, прогнозировать возможные варианты решений, еще нужно время²⁰. И нельзя сказать, что существующие технологии, используемые в судах, на сегодняшний день являются существенным фактором, который повлияет на качество судебной власти, судебной системы государства. Они, скорее, качественно меняют способы общения с судом, позволяя обезличить этот процесс, заменив его на взаимодействие с интерфейсом сервиса в сети Интернет, хоть и не повсеместно.

Развитие технологий само по себе делает отношения и связи более прозрачными, более наглядными тем субъектам, которые контролируют потоки цифровой информации, тем самым решая задачу обеспечения открытости деятельности судов для гражданского общества [28, с. 52]. За ним следует правовое регулирование отношений, связанных с использованием таких технологий (правовое оформление

²⁰ Ефименко Е. Как искусственный интеллект поможет российскому судье. *Pravo.Ru*. 21.04.2021. URL: https://pravo.ru/lf/story/231128/?lf_mob_autoload= (дата обращения: 29.10.2022).

охраны, защиты оборота информации, персональных данных, коммерческой или иной тайны и т.п., получивших цифровую форму в связи с рассмотрением судом спора).

Качественное изменение правового регулирования, в том числе действия судебной власти, будет следствием только качественного изменения условий жизни общества, связанного с использованием цифровых технологий. Поэтому стоит согласиться с утверждением, что «мы видим самое начало глобальной цифровой трансформации, до подлинных прорывов мы пока еще не дошли»²¹.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

Литература / References

1. Малько А. В., Костенко М. А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения. *Российская юстиция*. 2019. № 2. С. 52–54. [Malko A. V., Kostenko M. A. Digital technologies in the judicial system: problems of implementation. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2019, (2): 52–54. (In Russ.)] EDN: YUVKLJ
2. Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия. *Lex Russica*. 2022. Т. 75. № 10. С. 152–163. [Kurochkin S. A. Digital technologies and justice efficiency. *Lex Russica*, 2022, 75(10): 152–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163>
3. Ярков В. В. Электронное правосудие и принципы цивилистического процесса. *Закон*. 2011. № 2. С. 44–50. [Yarkov V. V. Electronic justice and the principles of the civil process. *Zakon*, 2011, (2): 44–50. (In Russ.)] EDN: NSPQJD
4. Трезубов Е. С. Электронное правосудие в российском цивилистическом процессе. *Право цифровой среды*, ред. Т. П. Подшивалов, Е. В. Титова, Е. А. Громова. М.: Проспект, 2022. С. 633–640. [Trezubov E. S. Electronic justice in the Russian civil process. *Digital environment law*, eds. Podshivalov T. P., Titova E. V., Gromova E. A. Moscow: Prospekt, 2022, 633–640. (In Russ.)] EDN: MSQIFO
5. Афанасьев С. Ф. О соотношении категорий «электронное правосудие» и «электронное судопроизводство» в контексте юриметрики. *Администратор суда*. 2021. № 2. С. 3–6. [Afanasyev S. F. On the correlation between the "electronic justice" and "electronic proceedings" categories within the framework of jurimetrics. *Administrator suda*, 2021, (2): 3–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2021-2-3-6>
6. Ярошенко Т. В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие). *Мировой судья*. 2021. № 3. С. 34–38. [Yaroshenko T. V. The application of information technology in a civil and arbitration procedure (electronic justice). *Magistrate judge*, 2021, (3): 34–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-3-34-38>
7. Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений. *Вестник Перм. ун-та. Юридические науки*. 2021. № 53. С. 462–487. [Polyakov S. B., Gilev I. A. The subject area of informatization of court decisions. *Vestnik Perm. un-ta. Juridicheskie nauki*, 2021, (53): 462–487. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-462-487>
8. Брановицкий К. Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2018. № 7. С. 24–27. [Branovitsky K. L. The influence of information technology on civil proceedings. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2018, (7): 24–27. (In Russ.)] EDN: XRSKUX
9. Добряков Д. А., Каса И., Сухоставская Ю. В. Применение цифровых технологий в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров. *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 2. С. 461–481. [Dobryakov D. A., Kasa I., Sukhostavskaya Yu. V. Application of digital technologies in litigation and dispute resolution. *RUDN Journal of Law*, 2021, 25(2): 461–481. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-461-481>
10. Шагиева Р. В. Правовая деятельность и ее разновидности в современном российском обществе. *Журнал российского права*. 2004. № 10. С. 88–98. [Shagieva R. V. Legal activity and its varieties in modern Russian society. *Journal of Russian Law*, 2004, (10): 88–98. (In Russ.)] EDN: ZSHRUH
11. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского союза, США, ЮАР и некоторых других стран: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 45 с. [Rusakova E. P. *The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: experience of China, India, Singapore, EU, USA, South Africa, and some other countries*. Dr. Law Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2022, 45. (In Russ.)]

²¹ Личная конституция. Интервью Елены Авакян. *Корпоративный юрист*. 2021. № 11. URL: <https://e.korpurist.ru/929762> (дата обращения: 29.10.2022).

12. Якушева Е. Е. Цифровые технологии и обеспечение доступности правосудия. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 7. С. 8–12. [Yakusheva E. E. Digital technologies and assurance of the availability of justice. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, (7): 8–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-7-8-12>
13. Канцер Ю. А. Электронное правосудие в арбитражном процессе: новые вызовы и адаптация судопроизводства. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 2. С. 36–40. [Kantser Yu. A. Electronic justice in an arbitration procedure: new challenges and adaptation of judicial proceedings. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, (2): 36–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-2-36-40>
14. Трезубов Е. С. Видео-конференц-связь в судах: вынужденная трансформация в условиях пандемии. *Администратор суда*. 2020. № 2. С. 38–43. [Trezubov E. S. Videoconferencing in courts: a forced transformation in the conditions of the pandemic. *Administrator suda*, 2020, (2): 38–43. (In Russ.)] EDN: NTGIGB
15. Тихомирова Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация. *Право. Журнал ВШЭ*. 2021. № 2. С. 4–23. [Tikhomirov Y. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital transformation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, (2): 4–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.4.23>
16. Адашкин Д. А. Сущность и социальные функции судебной власти в современной России. *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 8. С. 42–51. [Adashkin D. A. The essence and social functions of the judiciary in modern Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2021, 16(8): 42–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.042-051>
17. Балаян Э. Ю., Боброва Д. Д. Цифровое право как инструмент конституционно-правового влияния. *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 10. С. 25–28. [Balayan E. Yu., Bobrova D. D. Digital law as an instrument of constitutional and legal influence. *Constitutional and Municipal Law*, 2022, (10): 25–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-10-25-28>
18. Пороховский А. А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы. *Экономика. Налоги. Право*. 2020. Т. 13. № 2. С. 84–91. [Porokhovskiy A. A. Digitalization and artificial intelligence: prospects and challenges. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2020, 13(2): 84–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-2-84-91>
19. Борисова В. Ф. Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 4. С. 13–17. [Borisova V. F. Electronic justice platforms in civil cases: the status, risks, prospects. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, (4): 13–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-13-17>
20. Капустин О. А. Принципы организации судебной деятельности в условиях информационного общества. *Российская юстиция*. 2020. № 1. С. 51–55. [Kapustin O. A. Principles of organization of judicial activity in the information society. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2020, (1): 51–55. (In Russ.)] EDN: PRFTMP
21. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам, ред. К. Л. Брановицкий, В. В. Ярков. М.: Статут, 2022. 328 с. [Digital technologies and jurisdictional activity: the image of the future justice in civil cases, eds. K. L. Branovitsky, V. V. Yarkov. Moscow: Statut, 2022, 328. (In Russ.)]
22. Аргунов А. В. Искусственный интеллект рассудит? *Вестник гражданского процесса*. 2018. Т. 8. № 5. С. 44–61. [Argounov A. V. Will artificial intelligence judge? *Herald of Civil Procedure*, 2018, 8(5): 44–61. (In Russ.)] EDN: VNBSKG
23. Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 8. С. 47–58. [Makutchev A. V. Modern possibilities and limits of artificial intelligence introduction into the justice system. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2022, 17(8): 47–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058>
24. Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий. *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6. С. 58–72. [Chernykh I. I. Legal forecasting in the field of civil proceedings in the context of development of information technologies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2019, (6): 58–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.058-072>
25. Афанасьев С. Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта. *Российская юстиция*. 2020. № 7. С. 46–49. [Afanasyev S. F. On the issue of legislative regulation of artificial intelligence. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2020, (7): 46–49. (In Russ.)] EDN: RIVUFM
26. Бурдина Е. В. Цифровизация судебной деятельности: направления, прогнозы и риски. *Администратор суда*. 2020. № 2. С. 10–14. [Burdina E. V. Digitization of judicial activities: areas, forecasts and risks. *Administrator suda*, 2020, (2): 10–14. (In Russ.)] EDN: BWYATY
27. Гриценко Е. В., Ялунер Ю. А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2020. № 3. С. 97–129. [Gritsenko E. V., Yaluner Yu. A. Right to judicial protection and access to court in the era of digitalization: value of experience in common law countries for Russia. *Sravnitel'noe konstitutsionnoye obozreniye*, 2020, (3): 97–129. (In Russ.)]
28. Решетняк В. И. Электронное правосудие и прозрачность судебной системы. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2011. № 3. С. 51–55. [Reshetnyak V. I. Electronic justice and transparency of the judicial system. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu"*, 2011, (3): 51–55. (In Russ.)] EDN: NUFYVV

оригинальная статья

Проявление культурно-исторических типов в институтах наследования: сравнительно-правовой анализ

Паничкин Вячеслав Борисович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

panslavic@mail.ru

Поступила в редакцию 26.11.2022. Принята после рецензирования 18.12.2022. Принята в печать 30.12.2022.

Аннотация: Наследование как наиболее консервативная подотрасль гражданского права отражает культурно-исторический тип соответствующего общества и слабо поддается корректировке и новеллизации, содержит большой блок архаичных норм, выражающих давно не существующие общественные отношения, и крайне неохотно избавляется от тех правовых анахронизмов, ригоризм которых наиболее ярко отражает цивилизационную сущность соответствующего народа. На примере наследования показана правильность цивилизационного подхода как основы учения Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах к классификации правовых систем. Проведя сравнение российского наследственного права с наиболее отличным от него с цивилизационной точки зрения англо-американским правом, автор доказал следование своему культурно-историческому типу через сохранение давно отживших себя и утративших социальную актуальность архаичных институтов, существование которых, однако, позволяет формально следовать моральному идеалу. Одновременно сделан вывод, что в системе общего права ряд правовых анахронизмов сохранялся столь долго, что, пережив свое время, неожиданно обрел новый смысл в полностью изменившихся обстоятельствах.

Ключевые слова: наследование, сравнительное право, цивилизационный подход, правовые традиции, правовой архаизм

Цитирование: Паничкин В. Б. Проявление культурно-исторических типов в институтах наследования: сравнительно-правовой анализ. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 1. С. 119–124. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-119-124>

full article

Culture, History, and Inheritance Law: a Comparative Legal Analysis

Vyacheslav B. Panichkin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

panslavic@mail.ru

Received 26 Nov 2022. Accepted after peer review 18 Dec 2022. Accepted for publication 30 Dec 2022.

Annotation: Inheritance is the most conservative sub-branch of civil law. As a result, it reflects the cultural and historical type of the society and is very conservative. In fact, it contains a lot of archaic norms that express out-of-date social relations. However, inheritance law is extremely reluctant to get rid of these legal anachronisms, probably, because their rigorism reflects the national identity of the people. The present research used the civilizational classification of legal systems developed by N. Ya. Danilevsky and applied it to the inheritance law as the most conservative sub-branch of civil law. After comparing Russian and Anglo-American inheritance laws, the author proved that each state adheres to its cultural and historical type by preserving some archaic institutions. These institutions lost their social relevance long ago but survived as a formal reflection of a once-relevant rigorous moral code. Some legal anachronisms persisted for so long that, having outlived their time, they suddenly acquired a new meaning in completely new circumstances.

Keywords: inheritance, comparative law, civilizational approach, legal traditions, legal archaism

Citation: Panichkin V. B. Culture, History, and Inheritance Law: a Comparative Legal Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 119–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-119-124>

Введение. Цивилизационный подход Н. Я. Данилевского и классификация правовых систем

Позиция Н. Я. Данилевского о предпочтительности цивилизационного подхода к классификации государств перед формационным и о культурно-исторических типах крупных общностей – цивилизациях [1] (между прочим, против-

поставленная идее его современника К. Д. Кавелина о том, что дальнейший ход истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих [2, с. 170]), имеет свое логическое продолжение и в объединении правовых систем отдельных

стран в семьи. «Общее самообладание и общие интересы создают государство», – писал в конце XIX в. немецкий историк Ф. Ратцель [3, с. 140]. Соответственно не исключается и общность такого «самообладания» и тем более общих интересов и у более широких групп, нежели государствообразующие этносы.

Однако по ряду исторически обусловленных причин состав и границы правовых семей – как географические, так и временные – не вполне совпадают с цивилизационными. А по мнению Н. Я. Данилевского, стадии цивилизации в своем развитии сумели достичь десять культурно-исторических типов: египетский; китайский; ассиро-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитический; индийский; иранский; еврейский; греческий; римский; новосемитический, или арабийский; романо-германский, или европейский. Так, выделенная Н. Я. Данилевским европейская цивилизация и сконструированная им как возникающая российская цивилизация относятся к одной семье рецепированного римского права, в котором выделены две подсистемы: институционального (собственно романского) и пандектного (германского) права [4, с. 417; 5, с. 26–28]. Кстати, выдающийся компаративист и историк права Гарольд Дж. Берман и в начале 1980-х гг. ничуть не сомневался, что Россия и ее право принадлежит к западной цивилизации [6, с. 20, 26]. Одновременно с этим причисленная к европейской цивилизации Англия и связанные с нею происхождением страны отделены от Европы не только морями, но и стеной общего права, которое черпает себя из римского процессуального, но ни в коем случае не из римского материального права [7], и отрицает дихотомию *публичное и частное право* в пользу монизма права публичного.

Россию и страны с советским прошлым при всем своеобразии законодательства нельзя выводить за пределы семьи романо-германского права. Отдельные попытки сформулировать наличие некой славянской правовой семьи выражаются лишь в старании представить совокупность особенностей, присущих советскому праву, как некую стройную систему (впрочем, на существовании славянской правовой семьи настаивал еще русский дореволюционный государствовед и теоретик права Николай Михайлович Коркунов [8]). Однако же по факту она и при советской власти являлась не чем иным, как усеченной на объем частного права вариацией романо-германской системы. Один из идейных последователей Н. Я. Данилевского В. С. Соловьев указывал: «Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное» [9, с. 103].

Несовпадение или неполное совпадение карты правовых систем и карты цивилизаций, однако же, не только не порочит учение Н. Я. Данилевского, но наоборот, подтверждает его. А именно доказывает истинность одного из тезисов этого философа – о неправильности классификации государств и народов по формациям, частям света, континентам и географическим странам – ввиду того,

что действительно точной является лишь их разделение по культурно-историческим типам, которое в свою очередь не обязательно связано с географическим соседством или пространственным единством.

При этом справедливости ради надо указать, что право дает и убедительные примеры как отсутствия чисто географической связи, так и волевого правового перехода на «чужие рельсы»: Германское гражданское уложение как кодифицированное выражение всей пандектистики принята ряд стран т. н. дальневосточного права: Китай и Япония, а также Турция, а институциональный визави ГГУ – Кодекс Наполеона – многие страны Ближнего Востока и Африки.

Отражение цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского в наследственном праве

Вместе с тем наиболее полно культурно-историческая типизация права, повторяющая логику цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского, проявляется в самой, пожалуй, консервативной подотрасли частного права – наследственном праве, которое менее всех остальных терпимо к сиюминутной прихоти законодателя, но зато зиждется на медленно эволюционирующих категориях: брачно-семейном укладе, менталитете народа и его представлениях о справедливом и должном, а посему обладает большим запасом своего рода «инерции покоя», которая проявляется в продолжающемся правовом консерватизме и моральном ригоризме даже на фоне давно происшедших и неумолимо идущих дальше изменениях социума.

Еще свыше полувека назад А. А. Рубанов верно отмечал, что единство буржуазного наследственного права в социальном отношении не исключает того, что в различных странах оно имеет свои особенности, нередко весьма существенные, и отражает как соотношение классовых сил, влияние различных слоев буржуазии внутри господствующего класса, так и строй семейных отношений, исторические традиции, религиозные воззрения, «оно консервативно и содержит немало феодальных пережитков и антидемократических начал» [10, с. 519]. На это также указывал А. А. Лунц [11, с. 689], а много позже Г. Ю. Федосеева [12, с. 20], Г. К. Дмитриева [13, с. 237] и О. Ю. Шилохвост: «Отсутствие полноценной международной унификации наследственного права объясняется, прежде всего, консерватизмом наследственных отношений, основанных преимущественно на нравственных представлениях, семейных устоях и национальных традициях, существенно различающихся в разных странах, и с трудом поддающихся не только унификации, но и простой корректировке» [14, с. 571–572]. Наконец, вслед за К. Цвайгертом и Х. Кётцем, «не будем делать тайны из того, что запутанность английской системы, при всем очаровании юридических древностей, в зародыше убивает всякое желание подражать ей» [15, с. 55].

Парадокс пролонгированного постулирования законом давно отмерших и не существующих уже, а порой даже никогда реально не существовавших отношений

как правового идеала, привязка регулирования к некоему нравственному эталону – отнюдь не случайная особенность отдельных юрисдикций, а применительно к наследственному праву – типичное явление для множества стран, причем относящихся к самым разным правовым семьям. И кричащее несоответствие типичной и актуальной социальной картины нормативному материалу, призванному регулировать соответствующие отношения, наиболее очевидно в отраслях, связанных с «долгоиграющими» социальными институтами: браком, семьей и наследованием.

На наш взгляд, это объясняется тем, что общество, выбирая между актуальностью и злободневностью права, с одной стороны, и его неизменностью и стабильностью, с другой, относит одни отрасли и подотрасли к авангарду и соответственно не щадит их и безжалостно «улучшает», а другим отводит роль своеобразного арьергарда и готово ради порой призрачной веры в стабильность мириться с их явным отставанием от времени вплоть до анахронизма норм и их конфликта с действительностью.

В качестве примеров первого подхода приведем Налоговый кодекс России, который с момента своего принятия 31 июля 1998 г., т. е. за неполные четверть века, успел претерпеть 163 (!) редакции и 5 изменений, причем некоторые из них действовали... сутки. Или Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, который за 20 лет существования претерпел 127 (!) редакций и 9 изменений. Случаи воистину «клинические», поскольку при всем динамизме социально-экономических изменений в России за эти годы совершенно невозможно говорить, что объективная реальность успела поменяться 168 или хотя бы 136 раз.

Убедительным же примером второго подхода является, как было отмечено, наследование – 31 октября 1922 г. объективному наследственному укладу России исполнилось ровно сто лет. Начиная с восстановившего отменное в 1918 г. наследование ГК РСФСР 1922 г., оно, пройдя через реформирование 1945 г. и рекодификацию 1964 г., завершило свою эволюцию третьей частью ГК РФ 2001 г. и, по мнению ряда авторитетных цивилистов (например, В. А. Белова [16, с. 10], Р. С. Бевзенко, Е. Ю. Петрова [17]), теперь нуждается не в новеллизации типа внедрения в ГК РФ Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ совместного завещания, наследственного договора и наследственного фонда, а в сплошной рекодификации. Тем не менее, как мы видим, стабильность наследственного закона на несколько порядков выше, чем наиболее «подвижных» нормативных актов.

Несомненна связь российского наследственного права с советским культурно-историческим типом при полном отсутствии каких-либо попыток реставрации досоветских институтов (любые совпадения с ним носят случайный, а не системный характер). Убедительных примеров несамостоятельности нынешнего наследственного закона, а его производности от обоих предыдущих советских кодексов по крайней мере два.

Во-первых, это чрезмерная раздутость I очереди наследников (в отличие от узости и односложности состава каждого разряда, скажем, в странах общего права): непростая эволюция советского наследственного права свела в одну – первую – очередь массу родственников: супруга, детей с их представляющими потомками, родителей и иждивенцев. Полагаем это последствием существования в 1922–1945 гг. единой (и единственной) очереди наследников, которая в ходе реформирования наследования в 1945 г. была преобразована в первую из трех очередей, но полностью сохранила при этом свой состав, а позже продолжила сохранять его в первоначальной редакции при расширении в 2001 г. числа очередей до восьми.

Во-вторых, это сохранение такой категории наследников, как иждивенцы, которые являются эндемиками нашего права. Придание им статуса наследников в России в 1922 г. в условиях, совершенно отличных от правопорядка других стран (наследование как непубличный суррогат соц-обеспечения, ограничение наследства суммой в 10 тыс. руб., предельная узость круга наследников по закону при запрете завещать иным лицам), ныне явно неуместно и представляет помеху принципам свободы завещания, кровного родства как основного признака наследственной связи и семейного родства как дополнительного, создает неопределенность в персональном составе наследников и провоцирует субъективно-оценочный подход к его определению. Наконец, оно приводит к коренному отличию нашего порядка наследования от такового в праве других стран романо-германской системы.

При этом российское наследственное право, которому мы смело даем век, относительно молодо. Крайним и даже экстремальным вариантом злостного (но совершенно сознательного) анахронизма является восстановление Гражданского уложения Латвийской Республики 1937 г., причем в части наследственного и вещного права – в нетронутом виде. И дело даже не в том, что этому акту уже 85 лет (ФГК и ГГУ гораздо старше – 1807 и 1899 годов соответственно), а в том, что латвийский закон безнадежно устарел уже к моменту своего принятия в 1937 г., поскольку был результатом восприятия Гражданского уложения остзейских губерний 1845 / 1864 гг. [18, с. 90], но и оно в свою очередь было консолидированным актом действовавших еще с допетровских времен норм немецкого обычного права [19, с. 100]. Политическая воля к избавлению от любых проявлений «советскости» и «российскости» привела к реставрации почти средневекового законодательства, которое отражает нравы остзейских немцев XVII в.

Однако и советское право, казалось бы, демонстративно и полностью порвавшее с прежними порядками, тем не менее в области семейного и наследственного права сохраняло архаику вплоть до перехода советского общества от преимущественно сельского типа к городскому, т. е. до середины 1960-х гг., когда были заменены новыми гражданский и семейный кодексы 1920-х гг. К примеру, закон продолжал регулировать отношения с приймаками, приемышами

и приживалами [20, с. 31; 21, с. 15], тогда как даже в словарях русского языка им присваивался термин *архаизм*, а полнота взаимных прав усыновленных и усыновителей с полным разрывом правовой связи с прежней семьей была установлена лишь в 1968 г. (лишь на два года позже того, как это произошло в системе англо-американского права) [22, с. 149].

Размещение же переживших родителей в одной очереди наследников с супругом и детьми – давно забытый законодательством большинства стран реликт уклада многопоколенных семей в главе с большаком-патерфамилиасом, который исчез уже более века назад.

Противоположный нам культурно-исторический тип – англо-американский. И именно наследственное право США остается самым надежным среди всех частей права хранилищем юридических древностей, воспринятых от английского права, в том числе и тех, от которых отказалась сама Англия. К их числу относятся такие анахронизмы, как дуализм наследования, субъектная и объектная партикулярность, энтейл, наследственный аванс, хотчпот, наследственное неравноправие родных и неполнородных боковых родственников, предопределение судьбы части наследственного имущества его происхождением, довер и кёртеси и т. д. [23, с. 20].

Среди архаизмов наследования в странах англо-американского мира можно выделить сохранение *субъектной партикулярности наследования* – интерперсональности, влекущей лишение или ограничение пассивной наследственной правоспособности, пусть этот архаизм в США имеет крайне узкое применение: в виде расовой дискриминации наследников-неаборигенов – запрете им наследовать имущество в резервациях. Сохраняется и другой архаизм – *объектная партикулярность наследования*. Во-первых, в виде дуализма наследования – установления для частей одного наследства разных порядков наследования: в ряде штатов США она выражена в дуализме наследования реального и персонального имущества (в России она выражалась в дуализме перехода родового и благоприобретенного имущества до 1917 г., имущества в целом и предметов обычной домашней обстановки и обихода в 1922–2001 гг. и выморочной недвижимости и остального выморочного имущества по ст. 1151 ГК с 2008 / 2013 гг.). Во-вторых, сохранение отвергнутого многими правопорядками (прежде всего в странах пандектной традиции, а недавно и почти всеми европейскими странами институциональной традиции) дуализма наследования имущества в зависимости от его вида – применение к наследованию недвижимости права ее места нахождения – цитуса, а к наследованию движимого имущества – права последнего места жительства наследодателя – домициля.

Продолжают существовать отсутствующие в нашем праве самобытные институты: *энтейл* – ограниченная собственность без права распоряжения ею при жизни, нацеленная на последующую передачу строго старшему в роду сыну; *наследственный аванс* – прижизненные подарки законным наследникам, которые засчитываются в счет причитающейся им доли [24, с. 581–582], а также связанный с ним институт *хотчпота* – *расширенного наследства*, в состав

которого включается как наличествующее на день смерти наследодателя имущество, так и все сделанные им при жизни подарки (излишние наследственные авансы приводят к уменьшению доли одаренного при разделе наследства, но никогда – к возврату им части полученного).

Вместе с тем все эти институты в начале XX в. имели весьма схожие аналоги в нашем праве: *родовое имущество* (в отличие от благоприобретенного), *приданое* дочери как своеобразная прижизненная замена наследства (между прочим, жених, соглашавшийся взять девицу без приданого, считался отнюдь не благородным бессребреником, а наоборот – безнравственным трусом, отказавшим своей невесте в защите ее имущественных прав). Вполне возможен и возврат этих институтов в наш закон в свете идущей среди российских цивилистов дискуссии о необходимости учета при определении наследственных долей не только открывшегося наличного наследства, но и прижизненных передач имущества в пользу наследников.

Важный архаизм – отсутствие в Великобритании и 11 штатах США наследственного равноправия родных и неполнородных боковых родственников. Причем в английском и американском праве ущемление прав неполнородных происходит двумя разными методами: в английском праве они вообще не наследуют вместе, а относятся к специально выделенным для них последующим классам: если полнородные братья и сестры составляют собой III класс, то неполнородные – IV класс, если полнородные дяди и тети относятся к VI классу, то неполнородные – к VII. В праве же 11 штатов США права неполнородных братьев и сестер умаляются тем, что они получают не полные, а половинные доли от тех, что причитаются полнородным.

Архаично и предопределение судьбы части наследственного имущества его происхождением, что, очевидно, вызвано хорошо развитыми теориями отслеживания (*tracing*), установления права на найденное имущество (*following*) и суброгации прав. По меньшей мере четыре штата (Кентукки, Калифорния, Мичиган и Оклахома) по сей день сохраняют такой английский реликт, давно утраченный в самой Англии, как наследование *имущества предков* (*ancestral property*) – особый порядок наследования недвижимости, когда-то полученной от родителя в дар или по наследству. А именно при отсутствии у наследодателя потомства такое имущество наследует этот родитель-даритель (если он пережил наследодателя) или его собственные законные наследники, но ни в коем случае не внеочередной наследник – супруг [10, с. 538].

Калифорния дает еще три примера предопределенности судьбы наследства его происхождением. Во-первых, это наследование такого имущества, которое, находясь прежде в составе общей или квазиобщей совместной собственности супругов, принадлежало ранее умершему супругу. Во-вторых, наследование бывшей личной собственности ранее умершего супруга, перешедшей в свое время к позже умершему. Эти нормы позволяют получить такое имущество личным потомкам ранее умершего супруга (например, от другого

брака), родителям или боковым родственникам ранее умершего супруга. И в-третьих, наследование за не состоявшим в браке несовершеннолетним: все имущество, полученное им по наследству от родителя, переходит по наследству другим детям родителя с правом представления.

В ряде юрисдикций английского мира применяется средневековый принцип раскола наследства (*split*) за пределами III разряда – его раздел на две равные половины, следуемые в отцовскую и материнскую линии. При этом, во-первых, всю половину наследует *следующий в роду* (*next in kin*) без права представления либо несколько таких лиц, находящихся в одинаковой степени родства с наследодателем. Во-вторых, при полном отсутствии в одной из линий переживших родственников IV разряда (деды и бабушки) и V разряда (дяди и тети) все наследство не выморачивается, а отходит к родственникам по другой линии.

Уникальный порядок в Илинойсе – «перенос» раскола наследства еще на одно поколение назад, если в обеих линиях, следующих от дедов и бабушек, не нашлось ни одного наследника: половину имущества наследуют прадед и прабабушка по материнской линии в лице их потомства, а другую половину в том же порядке – потомки прадеда и прабабушки по отцовской линии (все с тем же отходом к родственникам по другой линии при отсутствии родственников по данной линии).

Ряд штатов на столь длительный срок «дотянули» некоторые архаичные английские институты, что в конечном счете они пригодились в совершенно новых социальных условиях, когда их старая форма наполнилась новым неожиданным содержанием (к примеру, не требующий никаких формальностей *брак по общему праву*; близкое нашим дореволюционным институтам приживалок и приемышей *усыновление по эстоппелю*, порождающее семейные, имущественные и наследственные права; учет ранее выделенного приданого дочери при расчете ее законной доли в наследстве родителей).

Литература / References

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Юрайт, 2020. 453 с. [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Iurait, 2020, 453. (In Russ.)] EDN: KJMJXE
2. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. 653 с. [Kavelin K. D. *Our mental structure: articles on the philosophy of Russian history and culture*. Moscow: Pravda, 1989, 653. (In Russ.)]
3. Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 1. 764 с. [Ratzel F. *Ethnology*. St. Petersburg: Prosveshchenie, 1903, vol. 1, 764. (In Russ.)]
4. Марченко М. Н. Источники права. М.: Проспект, 2006. 759 с. [Marchenko M. N. *Sources of law*. Moscow: Prospekt, 2006, 759. (In Russ.)] EDN: QWNLCP
5. Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. М.: Юрид. лит., 1993. 254 с. [Reshetnikov F. M. *Legal systems of the countries of the world*. Moscow: Iurid. lit., 1993, 254. (In Russ.)]
6. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: МГУ; Инфра-М-Норма, 1998. 622 с. [Berman H. J. *Law and revolution: the formation of the Western legal tradition*. 2nd ed. Moscow: MSU; Infra-M-Norma, 1998, 622. (In Russ.)]
7. Edey K. J. *The English legal system*. L.: Sweet & Maxwell, 1987, 215.
8. Коркунов Н. М. История философии права. 7-е изд., испр., репр. М.: URSS, 2010. 431 с. [Korkunov N. M. *History of philosophy of law*. 7th ed. Moscow: URSS, 2010, 431. (In Russ.)] EDN: PANXEI
9. Соловьев В. С. Собрание сочинений. Брюссель, 1966. Т. 5. 484 с. [Soloviov V. S. *Soloviov V. S. Collected Works*. Brussels, 1966, vol. 5, 484. (In Russ.)]

Заключение

Доказано, что традиционно самая стабильная подотрасль права – наследование – по-прежнему в наибольшей степени, чем «подвижные» отрасли, отражает культурно-исторический тип соответствующего общества и слабо поддается корректировке и новеллизации, содержит большой блок архаичных норм, выражающих давно не существующие общественные отношения, и крайне неохотно избавляется от тех правовых анахронизмов, ригоризм которых наиболее ярко отражает цивилизационную сущность соответствующего народа. Вместе с тем такая принудительная пролонгация институтов и норм, давно переставших отражать жизненные реалии, может вдохнуть в них жизнь, придать архаизмам новый смысл, как раз отражающий социальные изменения, что придает устаревшей правовой форме новое содержание.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского)». Москва-Кемерово, 14–15 октября 2022 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Conference of Modern Legal and International Legal Issues of Cultural and Historical Types dedicated to N. Ya. Danilevsky, Moscow-Kemerovo, October 14–15, 2022.

10. Рубанов А. А. Наследственное право. Гражданское и торговое право капиталистических государств, отв. ред. К. К. Яичков. М.: Междунар. отношения, 1966. [Rubanov A. A. Inheritance law. *Civil and commercial law of capitalist states*, ed. Iaichkov K. K. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1966. (In Russ.)]
11. Лунц Л. А. Курс международного частного права. М.: СПАРК, 2002. 1007 с. [Lunts L. A. *Course of private international law*. Moscow: SPARK, 2002, 1007. (In Russ.)] EDN: VUGGTH
12. Федосеева Г. Ю. Международное частное право. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2005. 427 с. [Fedoseeva G. Yu. *International private law*. 4th ed. Moscow: Eksmo, 2005, 427. (In Russ.)]
13. Дмитриева Г. К. Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации, части третьей, разделу VI «Международное частное право». М.: Норма, 2002. 247 с. [Dmitrieva G. K. *Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part three, section VI "Private International Law"*. Moscow: Norma, 2002, 247. (In Russ.)]
14. *Гражданское и торговое право зарубежных государств*, ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Смоленская обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2006. Т. 2. 635 с. [*Civil and commercial law of foreign countries*, eds. Vasiliev E. A., Komarov A. S. 4th ed. Moscow: Smolenskaia obl. tip. im. V. I. Smirnova, 2006, vol. 2, 635. (In Russ.)] EDN: QXDXGN
15. Цвайгерт К., Кётс Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I: Основы. М.: Междунар. отношения, 2000. 480 с. [Zweigert K., Koetz H. *Introduction to comparative law in the field of private law. Vol. I: Fundamentals*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2000, 480. (In Russ.)]
16. Абраменков М. С., Сараев А. Г., Белов В. А. Наследственное право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 376 с. [Abramenkov M. S., Saraev A. G., Belov V. A. *Inheritance law*. 3rd ed. Moscow: Iurait, 2022, 376. (In Russ.)]
17. Петров Е. Ю. Наследственное право. Лекция для слушателей РШЧП. *Zakon.ru*. 12.12.2019. [Petrov E. Yu. Inheritance law. Lecture for listeners of Russian School of Private Law. *Zakon.ru*, 12 Dec 2019. (In Russ.)] URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/12/nasledstvennoe_pravo_lekciya_dlya_slushatelej_rshchp (accessed 10 Oct 2022).
18. Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи: 1900 – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 504 с. [Andreeva N. S. "*Ostsee question*" in the policy of the Russian Empire: 1900 – Feb 1917. Dr. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2010, 504. (In Russ.)] EDN: QFFICX
19. Блинков О. Е. Общие тенденции развития наследственного права государств – участников Содружества Независимых Государств и Балтии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 451 с. [Blinkov O. E. *General trends in the development of the inheritance law of the member states of the Commonwealth of Independent States and the Baltic States*. Dr. Law Sci. Diss. Moscow, 2009, 451. (In Russ.)] EDN: QEWANT
20. Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат. М.: Юрид. изд-во, 1946. 78 с. [Antimonov B., Gerzon S., Shlifer B. *Inheritance and notaries*. Moscow: Iurid. izd-vo, 1946, 78. (In Russ.)]
21. Серебровский В. И. Наследование по закону и завещанию. *Социалистическая законность*. 1945. № 5. С. 14–19. [Serebrovskii V. I. Inheritance by law and testament. *Sotsialisticheskaia zakonnost*, 1945, (5): 14–19. (In Russ.)]
22. Шилохвост О. Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве. М.: Норма, 2006. 271 с. [Shilokhvost O. Yu. *Inheritance by law in Russian civil law*. Moscow: Norma, 2006, 271. (In Russ.)] EDN: PEZLUR
23. Паничкин В. Б. Наследование по закону по американскому и российскому праву (сравнительный анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 246 с. [Panichkin V. B. *Inheritance by law under American and Russian law (comparative analysis)*. Cand. Law Sci. Diss. Moscow, 2011, 246. (In Russ.)] EDN: QFHCFТ
24. Всеобщая история государства и права, ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2002. 640 с. [*General history of state and law*, ed. Tomsinov V. A. Moscow: Zertsalo-M, 2002, 640. (In Russ.)]

Подписано к печати 20.01.2023.

Дата выхода в свет 01.02.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 15,11. Уч.-изд. л. – 16.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.